

**Ежемесячный
научный журнал
№48 / 2019
1 часть**

Редакционный совет

Ответственный редактор – д.ф-м.н. Филесин Т.А.
Секретарь конференции – д.ю.н. Аракелян Л.Т
Редакционная коллегия
Березин Л.С.
Гордиенко С.В.
Дочев Д.Т.
Ильинский В.И.
Киварова В.М.
Миронина Т.С.
Невский А.А.
Опарина В.П.
Оленин К.А.
Параска Б.Д.
Рыжков Л.П.
Симоненко Д.К.
Тимофеев В.Г.
Трошев А.Е.

Ответственный редактор

д.ф-м.н. Филесин Т.А. (Российская Федерация)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: 620144, г. Екатеринбург, улица Народной Воли, 2, оф. 44

Адрес электронной почты: info@national-science.ru

Адрес веб-сайта: <http://national-science.ru/>

Учредитель и издатель Национальная ассоциация ученых (НАУ) Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144, г. Екатеринбург,
улица Народной Воли, 2, оф. 44

Редакционный совет

Ответственный редактор – д.ф-м.н. Филесин Т.А.
Секретарь конференции – д.ю.н. Аракелян Л.Т
Редакционная коллегия
Березин Л.С.
Гордиенко С.В.
Дочев Д.Т.
Ильинский В.И.
Киварова В.М.
Миронина Т.С.
Невский А.А.
Опарина В.П.
Оленин К.А.
Параска Б.Д.
Рыжков Л.П.
Симоненко Д.К.
Тимофеев В.Г.
Трошев А.Е.

Художник: Венерская Виктория Александровна

Верстка: Коржев Арсений Петрович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Международные индексы:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пустырев П. В.

УВЕЛИЧЕНИЕ ВЫПУСКА И РАСШИРЕНИЕ
НОМЕНКЛАТУРЫ ПРОИЗВОДИМЫХ БОЕПРИПАСОВ
НА ЗАВОДЕ "КРАСНОЕ СОРМОВО" В 1941 - 1944 ГГ.
..... 5

Тулеуова Б. Т.

СОТРУДНИЧЕСТВО УЧИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И
МУЗЕЙНЫХ ПЕДАГОГОВ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ
КОМПЕТЕНТНОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ: ИЗ
ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА 8

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Волков С. А.

ЖИВОПИСЬ В.В. ВЕРЕЩАГИНА КАК ИСТОЧНИК
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ ...13

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кравченко В. И.

КРИТЕРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА
ПРИМЕРЕ РОССИИ. 17

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Максимов Е. В.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕЛИ
СЕРВИСНОГО ГОСУДАРСТВА: ПОСТАНОВКА
ПРОБЛЕМЫ 19

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акаева Х. А.

СИСТЕМНОСТЬ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТЕПЕНИ
ВЫРАЖЕННОСТИ ПРИЗНАКА ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО
ИЛИ ПРИКЛАДНОГО ХАРАКТЕРА В
ТЕРМИНОСИСТЕМЕ 21

Зиянгирова Е. Л.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУФФИКСА
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ –УМ В РАМКАХ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ
МЕТАЯЗЫКА ЮРИСЛИНГВИСТИКИ 32

Мамедова С. Д., Алиева Х. Г.

ОСОБЕННОСТИ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В
ЯЗЫКОЗНАНИЕ 24

Кривенчук В. М.

«НА СТРУНАХ СЯЙВА ПОЧУТТЯ ЛЮБОВІ...»
(БІОГРАФІЯ ФАКТІВ, ЛЮДИНОЦЕНТРИЧНИХ
ПОГЛЯДІВ, ТВОРЧИХ ПОЧУТТІВ) 33

Довженко И. К., Володина О. В.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ВЗГЛЯДОВ НА
НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМУЮ РЕЧЬ КАК ОСОБЫЙ
СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ..... 27

Матвиенко А. И.

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ГЛАВНЫХ
ГЕРОЕВ РОМАНА Ж. АГУЛАУЗА «ПРОДАВЕЦ
ПРОШЛОГО»..... 37

Зиянгирова Е. Л.

ОБРАЗОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ГНЕЗД –
ПОКАЗАТЕЛЬ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ
МЕТАЯЗЫКА ЮРИСЛИНГВИСТИКИ 29

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Кульжанова Ж. Т., Мухамбеткалиев Е. Е., Филиппова А. Ю., Мандровская Д. Г.</i> ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЦЕЛОСТНОЙ ТЕХНОГЕННОЙ СРЕДЫ.....	42
--	----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Кутякова А. В., Первушина Т. Л.</i> МЕХАНИЗМ ДИАГНОСТИКИ РИСКОВ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	46
<i>Якимович М. Ф.</i> РОССИЯ И КИТАЙ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	53
<i>Растегаева А. В., Селеменова Е. А., Томова П. В.</i> ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ КНР	49

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гаджимагомедова Ш. С., Ахмедова А. М.</i> ЭВТАНАЗИЯ	58
<i>Саакян Т. Л., Кич И. С.</i> РОЛЬ ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗАКОНОПРОЕКТОВ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ	63
<i>Горожанкина В. И., Кич И. С.</i> НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ ПРАВА.....	60

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 947.085

УВЕЛИЧЕНИЕ ВЫПУСКА И РАСШИРЕНИЕ НОМЕНКЛАТУРЫ ПРОИЗВОДИМЫХ БОЕПРИПАСОВ НА ЗАВОДЕ "КРАСНОЕ СОРМОВО" В 1941 - 1944 ГГ.

*Пустырев Павел Валерьевич**Нижегородский государственный университетим. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород*DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.68](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.68)

INCREASE IN PRODUCTION AND EXPANSION OF THE NOMENCLATURE OF THE MADE AMMUNITION AT PLANT "KRASNOE SORMOVO" IN 1941-1944

*Pustyrev Pavel**Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky
Nizhny Novgorod*

Аннотация

В статье рассматривается производство боеприпасов на заводе «Красное Сормово» во время Великой Отечественной войны. В военный период доля этого производства в общем объеме составляла около 17 %. Артиллерийские и реактивные снаряды сормовского производства внесли свой вклад в коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

Abstract

The article considers the production of ammunition at the plant «Krasnoye Sormovo» during the Second World War. In the war period, the share of this production in the total volume was about 17%. Artillery and rockets of Sormovo production made their contribution to the radical front during the Second World War.

Ключевые слова: производство, снаряд, технология.

Keywords: production, shell, technology.

В преддверии 75-летия Победы в Великой Отечественной войне, необходимо помнить о вкладе в неё промышленных предприятий тыловых регионов. Свой вклад в военные усилия советского народа внесли и труженики завода «Красное Сормово» (завод № 112), главной продукцией которого на время войны стали танки и боеприпасы [2, с.128]. Если о производстве сормовских танков имеется ряд публикаций [см. например: 1, с.22-39, 3], то выпуск боеприпасов в историографии представлен отрывочными сведениями [см.: 2, с. 58]. В настоящей статье сделана попытка восполнить этот пробел.

Заказы военного ведомства на изготовление боеприпасов Сормовский завод выполнял с начала XX века. Было налажено производство 3-дюймовых (76 мм) фугасных артиллерийских снарядов [5, с. 7]. Позже - 11 и 12-дюймовых снарядов. С 1904 по 1914 год завод выпустил 90 368 штук различных снарядов. С началом Первой мировой войны наиболее массово предприятие выпускало 3-дюймовые шрапнели. Уже в 1915 г.их было выпущено 758 761 штук, в 1916 г. – 1 200 560 штук, в 1917 год – 557 615 штук. [4, с. 233].

«Красное Сормово» выпускал боеприпасы и после победы Советской власти. В 1933 г. заводом производились 76-мм бронебойные, 107-мм зажигательные и химические, 122-мм шрапнели и 203 мм фугасные снаряды для орудий системы Шнейдера и Б-4 [6, л. 16].

В предвоенный период производство боеприпасов интенсивно развивается. С 1939 г. на

заводе налаживается производство корпусов 203-мм бетонобойных и 107-мм осколочно-фугасных снарядов. В 1940 г. началось изготовление 107-мм бронебойных снарядов [1, с. 40].

С началом Великой Отечественной войны потребность вооруженных сил в боеприпасах многократно возросла. Государственный Комитет обороны увеличил заводу № 112 задание по выпуску снарядов 203- и 76-мм в несколько раз. На имеющихся мощностях выполнить его было не возможно. Выполнение плана требовало создать практически новое производство. Необходимы были кадры, площади, оборудование, оснастка.

Для организации массового выпуска боеприпасов был создан Отдел боеприпасов. Он включил в себя конструкторское и технологическое бюро, объединенный цех 17, цех 18, мастерская 2 и мастерская «Г». Руководителем отдела стал заместитель директора по боеприпасам С.П. Русинов, начальником цеха 17 - К.А. Малиновский, начальником цеха 18 – В.В. Ширшов.

Бывшие вагонные цехи срочно переоборудовались под изготовление боеприпасов, снарядов 203-мм. Для вновь организованных цехов и мастерских пришлось использовать старое оборудование, оставшееся после Первой мировой войны, имевшее большой моральный и физический износ. Так, использовались токарные станки «Ланг» с дисковыми приводами, путиловские, резбобрезерные «Сормово» и т.д. Часть недостающего оборудования должно было переводиться из других цехов. Всё это сильно

усложняло задачу и сдерживало выполнение плана по боеприпасам.

Выполнение заказа по боеприпасам контролировалось Сормовским райкомом партии. Так, 17 июля 1941 г. бюро Сормовского райкома ВКП (б) рассмотрело вопрос о выполнении цехом № 18 завода «Красное Сормово» мобилизационного плана по броневой снарядам. В постановлении бюро говорилось, что «работы по освоению данного вида продукции организованы в цехе крайне неудовлетворительно: не все поставлены и отлажены станки, не уделяется необходимого внимания узким операциям, руководители цеха тт. Бочкарев и Барыкин и зам[еститель] главного инженера завода т. Белкин не проявляют нужной заботы для выполнения моб[илизационного] плана июля месяца, проявляют беспечность и благодушие». Бюро потребовало «в корне изменить свое отношение к выполнению моб[илизационного] плана: организовать круглосуточную работу на всех операциях, в двухдневный срок поставить и смонтировать недостающее оборудование, немедленно перевести работу цеха на полную мощность и обеспечить в оставшиеся дни выполнение плана июля месяца». Вышеупомянутых руководителей предупредили, что «за невыполнение плана июля они будут привлечены к строгой партийной и государственной ответственности, вплоть до снятия с работы и отдачи под суд». Отметив слабую работу партийного бюро цеха № 18 с рабочими и служащими мастерской № 2, бюро райкома предложило секретарю партбюро Хмелеву сосредоточить основное внимание на работе с рабочими и служащими этой мастерской, разъяснять важность и значение для фронта выпускаемой ими продукции, поднять их на круглосуточную работу и организовать ее совместно с хозяйственным руководством цеха на военный лад» [5, л. 36 -37].

К решению этих вопросов заводская партийная организация привлекла весь коллектив рабочих и инженерно-технических работников боеприпасов, а также были привлечены лучшие работающие из других цехов и отделов.

Все станки капитально ремонтировались, производилась их модернизация. Создавались

поточные линии. Установленное оборудование было оснащено пневматическими зажимами, пневматическими и другими подъемниками. Производство снарядов обеспечивалось специальными резцами, резьбовыми фрезами, специальными головками и копирами, мерительным инструментом. На некоторые операции было изготовлено спецоборудование. Все это позволило использовать рабочих с невысокой квалификацией, выпускать продукцию высокого качества и, главное, увеличить выпуск военной продукции в соответствии с заданием Комитета Обороны.

На боеприпасах не хватало людей, многие ушли на фронт. Потребность в станочниках резко возросла. Пополнение было людьми, никогда не работавшими на производстве. На производство влилась молодежь и домохозяйки. Мастерская «Г» состояла из одних женщин.

Частично проблему удалось решить за счет возвращения на производство старых, опытных рабочих ушедших по состоянию здоровья и возрасту на заслуженный отдых. Многие рабочие, М.С. Комлев, П.П. Репин и другие, вернулись на завод. Они не только передавали свой опыт и знания молодежи, но и принимали личное участие в обеспечении фронта военной продукцией.

Областной и городской комитет ВКП (б) – Янкавцев В.Ф., Казаков И.Я. – уделяли большое внимание отделу боеприпасов, его цехам и мастерским по перестройке на серийное производство боеприпасов: материально-техническому снабжению и кооперированию с местными и другими областными предприятиями, организации железнодорожного транспорта между кооперированными заводами [4, с. 233-235].

При невыполнении валового выпуска во втором полугодии по броневой снарядам в объеме 25 тыс. штук, вследствие недополучения заготовок с завода № 92 завод значительно перевыполнил план по фугасным снарядам, которых было сдано больше плана на 120 тысяч штук. Сверх плана сдано 16 500 штук корпусов снарядов калибра 203 мм. [8, л. 3 об.].

Динамика производства снарядов на заводе № 112 в 1941 году представлена в Таблице 1. [8, л. 3об].

Таблица 1.

ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВА СНАРЯДОВ НА ЗАВОДЕ № 112 В 1941 ГОДУ

	1 полугодие	2 полугодие	За 1941 г.	Рост к 1940 г.
Валовая продукция в %	110,7	97,8	103,2	28,0
Товарная продукция в %	129,0	120,5	124,3	147,9
Удельный вес в общем выпуске в %	54,2	35,9	42,5	

Война требовала расширения номенклатуры производимых боеприпасов. В ноябре 1941 г. на заводе № 112 поставлены на производство головки к реактивному снаряду М-13 и крышки-сопла к снаряду М-8. Началась отливка стальных головок к 250-кг фугасным авиационным бомбам (ФАБ-250).

Штамповку головки поставлял ГАЗ, а крышки-сопла – заводы № 92 и 72 [1, с. 40].

Новая номенклатура изделий требовала перестройки производства. На это время изготовление деталей было поручено трем

механическим цехам и ремесленному училищу № 3.

Сборка производилась в цехах, где начальниками были А.А. Бармин, М.Н.Фадеев, В.В. Ширшов. В выделенных цехах не было площадей, а сборку надо было производить, причем немедленно, так как фронт не ждал, цеха изыскивали такие площади. Так, например, Бармин А.А. использовал большие судовые брезенты, создал еще один пролет при цехе № 8, покрыв брезентами самодельный металлический каркас и оборудовав пролет стеллажами для сборки снарядов для «катюш». Пролет получился настолько удачным, что в нем производили все работы, в том числе и электросварку, не опасаясь демаскировки в ночное время. Туда же, в новый пролет закатывали и вагоны для погрузки готовой продукции. Одновременно изыскивали дополнительные площади, чтобы сконцентрировать сборку и обработку деталей в одном цехе.

В течение одного месяца была построена мастерская «Г» и под сборку оборудован корпус 617, начальником которого назначили П.А. Карташова. В результате самоотверженного труда всего коллектива цехов по производству боеприпасов задание правительства было выполнено в ноябре 1942 г. Сборка корпусов М-30 была перевыполнена на 102 %, деталь Д10К М-8 на 138, 1 %, деталь Д12 к снаряду М-30 на 102, 1 %. [6, л. 4].

Правительство наградило 14 человек работников цехов № 17, 18, 8, 11 орденами и медалями Советского Союза. Бармин А.А. – начальник цеха № 8 и Ширшов В.В.- начальник цеха № 18 были первыми на заводе, получившими ордена «Знак Почета». [4, с. 234-236].

1942 г. стал годом освоения новых видов боеприпасов. Согласно постановлению Государственного Комитета Оборона с производства были сняты 107-мм и 203-мм снаряды. Вместо них завод должен был начать выпуск 76-мм осколочно-фугасных снарядов [1, с. 40]. Освоение новых видов боеприпасов потребовало полной перестройки работы снарядных мастерских, перестройки станков оснащения их приспособлениями, которые цеха № 17 и 18 выполняли своими силами. Узким местом в работе производства боеприпасов было частое отсутствие штамповок, тормозящее выполнение плана.

Вновь освоенные в октябре 1942 г. изделия М-20 в ноябре не выпускались из-за отсутствия реактивной части, получаемой с завода № 78. Программа по головке фугасной бомбы ФАБ-250 была выполнена на 62 % из-за отсутствия литого металла, не обеспеченного металлургией завода [9, л. 4].

Сократить расход материалов и времени на обработку деталей старались за счёт совершенствования технологии производства. Большой вклад в это дело внесли рационализаторы и изобретатели, среди которых выделялись технолог Кабанов, начальник сборки П.Я.

Карташов, начальник мастерской «Г» А.Я. Куприянов, технолог К.С. Шавин.

Цехами велась работа в направлении внедрения штамповки с уменьшенными припусками, что дало экономию металла на детали № 1 – 1, 79 кг, на детали № 2 – 0 4 кг на штуку и упрощения существующей технологии, сокращения времени на обработку и затраты материалов.

Переход на лакировку изделий за один раз дал годовую экономию около 100 тысяч рублей; замена кожаных прокладок картонными – дала экономию 5000 рублей; замена резцов твердого сплава быстрорежущей сталью на операциях обдирки верха детали № 2 и подрезка торца детали 10 дали экономию твердых сплавов 71, 6 кг, отмена операции № 2 на детали № 2 и обдирка камеры зенкером принесли экономию 1, 75 минуты на штуку; были изготовлены кокили для литья деталей 26 и 10, организованы обрезка прибылей фугасных авиабомб (ФАБ) на имеющемся оборудовании и др. [9, л. 13-13 об].

Многие проблемы решались с помощью манёвра кадрами между подразделениями предприятия. На пример в цехе 17 в силу больших грузопотоков, регулярно образовывалась нехватка рабочих рук на погрузке и разгрузке железнодорожных платформ и вагонов. Для погрузки и разгрузки использовались инженерно-технический состав и служащие завода, скромные и незаметные герои, ковавшие в тылу победу над ненавистным врагом.

Большое значение в борьбе за наращивание темпов производства имело межцеховое и между мастерскими социалистическое соревнование.

Итоги социалистического соревнования между цехами подводились ежемесячно в Доме культуры. Коллективу передового цеха, выполнившего условия межцехового социалистического соревнования, кроме переходящего Красного Знамени вручалась денежная премия.

Везде в цехах на производственных участках на рабочих местах были вывешены плакаты, стенгазеты, боевые листки, напоминавшие каждому, что они должны сделать для того, чтобы перевыполнить производственную программу. Рабочие не считались со временем, выполняли свое задание под лозунгом «Все для фронта! Все для Победы!» [4, с. 236-237].

В течение 1942-1944 гг. на заводе №111 было собрано около 490 тысяч корпусов реактивных снарядов М-20 и М-13., выпущено более 2, 2 млн. корпусов 76-мм осколочно-фугасных снарядов. В 1943 г. отлито 1166 головок ФАБ-250, изготовлена 51 171 крышка-сопло к реактивным снарядам М-8 [1, с. 40-41].

Эти данные свидетельствуют о значительном размахе производства боеприпасов на заводе «Красное Сормово» в годы войны. Количество боеприпасов выпущенных заводом «Красное Сормово» в 1941-1944 гг. приводится в Таблице 2. [1, с. 40].

В военный период доля этого производства в общем объеме составляла около 17 % [1, с. 40].

Таблица 2.

ВЫПУСК БОЕПРИПАСОВ ЗАВОДОМ «КРАСНОЕ СОРМОВО» В 1941-1944 ГГ.

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	Всего за 1941-1944 г.
Снаряды 203-мм бетонобойные	99 526	30 000	-	-	129 526
Снаряды 107-мм бронёбойные	95 000	56222	-	-	151 222
Снаряды 107-мм фугасные	194 892	11 954	-	-	206 846
Снаряды 76-мм фугасные	-	528 500	790 000	897 250	2 215 750
Сборка снарядов М-13	-	-	123 000	211 000	334 000
Сборка снарядов М-20	-	58 292	93 688	-	151 980

За успешное выполнение заданий по производству танков, бронекорпусов и боеприпасов завод № 112 «Красное Сормово» был награжден в 1943 году орденом Ленина и в 1945 г. - орденом Отечественной войны I степени [1, с. 41].

Литература:

1. Вдовин, М.Н., Горева А.М. Все для Победы! (Очерки истории оборонной промышленности Горьковской области. 1930-1945 гг.) / М.Н. Вдовин, А.М. Горева. – Н. Новгород, Кварц, 2010.

2. «Красное Сормово»: Завод и люди. – Нижний Новгород: Кварц, 2006.

3. Подрепный Е.И. Выполняя решение Государственного Комитета Оборона / Е.И. Подрепный // Военно-исторический журнал. - М, 2018. - № 5. – С. 56-58.

4. Подрепный Е.И. Сормовский завод – мастерская и арсенал России (1849-1945 гг.). Исследования. Воспоминания. Документы / Авт. сост. Е.И. Подрепный. Е.П. Титков. – Нижний Новгород, 2016.

5. Сормовский завод в годы Первой мировой войны. - Н. Новгород – Сормово, 2014.

6. Государственное казенное учреждение Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 15. Оп. 3. Д. 130.

7. Государственное казенное учреждение Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 34. Оп. 1. Д. 1616.

8. ЦАНО. Ф. 15. Оп. 4. Д. 125.

9. ЦАНО. Ф. 15. Оп. 4. Д. 183.

СОТРУДНИЧЕСТВО УЧИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И МУЗЕЙНЫХ ПЕДАГОГОВ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ: ИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Тулёуова Бахытгуль Тулебаевна

кандидат ист.н., доцент

Карагандинский государственный университет

им. академика Е.А. Букетова,

г. Караганда, Республика Казахстан

DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.72](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.72)

COOPERATION OF HISTORY TEACHERS AND MUSEUM TEACHERS IN THE IMPLEMENTATION OF THE COMPETENCY-BASED EDUCATION MODEL: FROM FOREIGN EXPERIENCE

Tuleuova Bakhytgul Tleubaevna

Candidate of Science, assistant professor

of named after E.A. Buketov Karaganda State University,

Karaganda, Kazakhstan

Аннотация

В статье анализируется зарубежный опыт сотрудничества учителей истории и музейных педагогов в рамках реализации компетентностной модели образования. Цель статьи – выявить перспективные направления музейной педагогики в контексте зарубежного опыта. В ходе подготовки статьи были применены общенаучные методы познания: анализ и синтез, моделирование, обобщение и сравнение. В качестве вывода автор считает, что историческое образование на современном этапе переживает сложный период, обусловленный влиянием идеологических стереотипов, изменением духовных ценностей, последствиями научно-технологической революции и снижением интереса обучающихся к гуманитарным

наукам. Ответ на эти вопросы может дать музейная педагогика, которая приобретает сегодня широкую популярность.

Abstract

The article analyzes the foreign experience of cooperation between history teachers and museum teachers in the framework of the implementation of the competency-based education model. The purpose of the article is to identify perspective directions of museum pedagogy in the context of foreign experience. During the preparation of the article, general scientific methods of cognition were applied: analysis and synthesis, modeling, generalization and comparison. As a conclusion, the author believes that history education at the present stage is going through a difficult period due to the influence of ideological stereotypes, change of spiritual values, the effects of scientific and technological revolution and the declining interest of students to the humanities. The answer to these questions can give the museum pedagogy, which is becoming very popular today.

Ключевые слова: новые подходы в образовании, модернизация системы образования, зарубежный опыт, историческое знание, музейная педагогика.

Keywords: new approaches to education, modernization of the educational system, foreign experience, historical knowledge, museum pedagogy.

В начале XXI века коренным образом изменилась парадигма образовательного процесса, где во главу угла ставится индивидуальность педагога. По мнению зарубежных исследователей, основная задача учителя в этих условиях - дать возможность учащимся выработать свой собственный способ понимания исторической истины, опираясь на существующие стандарты. Здесь одним из ценных подходов в преподавании истории должен стать когнитивизм, в основе которого лежит осмысленное обучение [2]. Согласно новой парадигме, историческое знание активно строится, причем в различных контекстах, связанных как со школьным опытом, так и опытом вне школы, что соответствует современному осмысленному обучению.

Сегодня перед учителями истории стоят два важных вопроса: Каким целям должно следовать преподавание истории, чтобы история стала для школьников и студентов более актуальной и интересной? Какие стратегии обучения должны соответствовать этим целям в преподавании истории?

Ответы на эти вопросы должна дать историко-педагогическая теория и экспериментальная деятельность педагогов-новаторов, действующих в тесном сотрудничестве с музейными учреждениями.

Так, например, предполагая, что школьный предмет истории должен способствовать общим социальным функциям образования, философ-педагог Г. Биеста, выделяет следующие три функции: квалификацию, социализацию и субъективацию [1].

Квалификация, как профессиональное обучение, дает молодежи знания и навыки, готовит к тому, чтобы что-то сделать позже в своей жизни, например, заниматься профессией или активно участвовать в политической жизни.

Социализация, явная или неявная, объединяет людей в определенные социальные структуры. Она готовит к тому, что школьники и студенты должны стать частью социальных, культурных и политических «заказов», они должны быть ознакомлены с социальными ценностями и нормами и внедрены в существующие социальные структуры.

Последняя функция, субъективация, является гораздо более сложной для объяснения концепций, но именно в ней заключается суть эффективного образования. Субъективация создает людей, которые не просто вписываются в общественный порядок как таковой, но и способны изменить статус-кво, чтобы добиться социальных механизмов большей справедливости и более глубокой демократии. Если история должна способствовать реализации этих функций, то знания о прошлом должны быть напрямую связаны с жизнью студентов и общества, частью которого они являются. В таком виде они должны быть направлены на формирование активной личности и гражданина своей страны.

Одной из проблем современного исторического образования является неспособность студентов объяснить причины определенных исторических событий, действия исторических личностей. По мнению специалистов, преодолеть данный недостаток возможно на основе формирования навыка «исторического восприятия перспективы», то есть понимания сути исторических событий, решений и действий в соответствии с условиями определенного времени [8].

Зачастую студенты воспринимают действия людей прошлых лет с позиции современности и оценивают их как опрометчивые, даже странные. Эта точка зрения может привести к неправильным представлениям, которые, в свою очередь, приведут к неверным выводам о прошлом и, таким образом, затруднят успешное принятие исторической точки зрения. Хотя люди разных исторических эпох имеют одни и те же цели, намерения и убеждения, например, жить в благоприятных условиях, преуспеть в профессиональной деятельности, прославиться, также важно понимать, что современный человек и человек прошлого живут в разных исторических обстоятельствах. Поэтому развитие у студентов способности принимать историческую точку зрения позволяет преодолеть субъективное понимание истории, понять действия людей, исходя из определенных объективных причин.

Следующий важный момент, который отмечают зарубежные коллеги, это формирование

исторического сочувствия, исторической эмпатии. Она заключается в том, чтобы поставить себя на место исторического героя, с целью понять его мотивы и ценности в отношении принимаемых решений и последующих действий. Так, историческая эмпатия способствует пониманию важных исторических решений. Принятие исторической перспективы, по их мнению, это большой шаг в понимании истории, посредством которого можно объяснить студентам то или иное событие в необычной для них форме, пропуская это событие через себя.

Преодолеть многие педагогические проблемы могут помочь культурно-просветительские учреждения – музеи, архивы, библиотеки, способные на основе современных технологий возвращать любопытство и вдохновлять обучающихся развивать свое понимание мира, в котором они живут.

Музеи, независимо от своей специализации, являются уникальными местами соприсутствования, способными возбуждать любопытство и вдохновлять обучающихся развивать свое собственное понимание мира, в котором они живут. Тем не менее, в условиях расширяющейся и разнообразной деятельности музейных учреждений можно задаться вопросом, насколько эффективно специалисты - музейные педагоги - развивают и укрепляют свой собственный опыт обучения для удовлетворения потребностей образовательных учреждений, учителей и самих молодых людей. Каким образом это можно связать с учебным процессом, в чем заключается миссия музея?

По мнению хорватского музеолога Томислава Шолы, «миссией музея считается преданность общему благу и неизменная приверженность социальной идее, основанной на гуманистической этике» [8, с. 206]. Наличие большого числа публикаций, темой которых является определение миссии музея, говорит об актуальности данной проблематики. Мнения о миссии музея условно можно разделить на два лагеря: представления музейных консерваторов и музейных реформаторов [5, с. 605].

Консерваторы отстаивают некую «сакральность музейной миссии, ее укорененность в сфере высших ценностей». При сакральном подходе важнейшей является та сфера музейной деятельности, где вещь становится памятником, соответственно, первостепенными являются сохранением фондов музея. С этой точки зрения особое звучание приобретает культурная ценность музейных артефактов, а работа с посетителями сводится к приобщению посетителей к высшим ценностям, хранимым в музеях.

Оппонентами консерваторов являются реформаторы, заявившие о себе в 1990-е гг. Их взгляды тесно переплетаются с тенденциями развития музеев в свете глобализационного воздействия. Они убеждены в том, что государственное попечительство над музеями должно уйти в прошлое, в силу чего хранение

наследия осуществляется по принципу его активного использования. По мнению модернизаторов, «наиболее эффективным методом привлечения ресурсов, формирования долгосрочных стратегий развития музейной деятельности станут партнерские, проектные и сетевые технологии». Общий смысл данного подхода состоит в том, чтобы переориентировать деятельность музея с внутренней сферы (сборание и исследование) на внешнюю (личность и общество), в том числе и на образовательные учреждения. В таком виде сегодня провозглашается приоритет коммуникационной над охранительной функцией, и происходит смена музейных моделей: просветительская уступает место информационно-коммуникационной. Именно информационно-коммуникационная функция является основой поддержания авторитета исторического знания.

Одним из нововведений в музейной практике является создание новых музеев, посвященных событиям, которые происходили на этой территории или личности, которая оставила след в истории края, стала подчеркиваться их культурная значимость и уникальность, определяющая миссию регионального или локального музея. Идея создания такого рода музеев принадлежит инициативным людям, зачастую рассматривающим музей как коммерческий проект. Это привело к созданию довольно значительной группы частных музеев, интенсивный рост которых фиксируется как общемировая тенденция.

Появление таких музеев подтверждает мысль о том, что в эпоху глобализации возрастает спрос на индивидуальность, оригинальность, креативность проектов и нестандартность мышления, не ослабевает внимание к неповторимому и подлинному, что расширяет взгляд на сущность и границы наследия. Важное внимание в деятельности музеев стал занимать образовательный контекст, когда музеи целенаправленно разрабатывают историческую «дорожную карту» того или иного события, памятника, личности и т.д.

В этом плане показателен пример британских музеев. Например, Лондонский музей с целью популяризации исторического наследия и с образовательной целью предлагает учителям и школьникам свои познавательные электронные ресурсы и интерактивные веб-сайты, демонстрирующие особенности памятников истории и культуры Англии, организует электронные викторины [6]. Британский интерактивный веб-сайт «English Heritage» предлагает специальные комплекты - бесплатные учебные пособия, в которых есть все необходимое для того, чтобы дать возможность предварительного представления о месте посещения [4]. Комплекты предоставляются в виде загружаемых интерактивных PDF-файлов.

Однако, несмотря на достигнутые успехи крупных музеев в плане организации эффективного сотрудничества с местным сообществом, такие

примеры носят исключительный характер, в том числе коммерческой направленности. В большинстве случаев данное сотрудничество осуществляется время от времени, организуется в одностороннем и не интерактивном порядке. Зачастую посещение музеев зависит от энтузиазма руководства школы или учителя истории. В связи с этим, размышляя о природе обучения, предлагаемого историческими музеями или художественными галереями, зарубежные коллеги пытаются найти ответ на важные вопросы: Почему школы должны использовать музеи? Что музеи могут предложить, чего нельзя было обеспечить в школе? Как посещение музеев может быть оправдано с точки зрения улучшения успеваемости учащихся? Как согласовать ценность музейной конкретной коллекции с потребностями учителей?

Ответ на эти вопросы может дать музейная педагогика, которая приобретает широкую популярность.

Одним из ярких представителей зарубежной музейно педагогике является Айлин Хупер-Гринхилл, научный редактор серии «Museum Meanings», выпускаемой издательством Routledge. В 2007 г. увидело свет ее системное исследование – «Музей и образование», посвященное обучению в музее как чрезвычайно востребованному направлению развития современного гуманитарного, в том числе исторического, знания [3].

В настоящее время А. Хупер-Гринхилл является одним из первых авторов, подробно рассматривающих проблемы взаимодействия культурного учреждения и посетителя и обосновывающих тенденцию перехода музеев к так называемым «пост-музеям», т.е. отвечающим условиям постмодернизма. Такой процесс подразумевает осознание на новом уровне комплексной взаимосвязи между культурой, коммуникацией, обучением, идентификацией и ведет к формированию нового подхода в работе с аудиторией. Цель «постмузея» – вдохновение, обучение, идентификация.

Размышляя о возможностях музейно педагогике, А. Хупер-Гринхилл формулирует представление о музейном образовании. Ее позиция такова: обучение в музее отличается от обучения в школе или других формальных заведениях. Музей – это пространство для спектакля, демонстрации, для чего-то волнующего, обогащающего, удивляющего и вдохновляющего. И потому сам процесс обучения в музее более открыт, индивидуально ориентирован и непредсказуем.

Откликаясь на изменение государственной политики Великобритании, которая главной ролью музеев признает обучение, А. Хупер-Гринхилл отмечает три приоритетных направления деятельности музеев:

1. работа с учителями для развития творчества школьников;
2. участие в постоянном обсуждении проблем персонализации обучения;

3. работа со школами и другими учреждениями по выявлению потенциала каждого ребенка.

В результате демонстрируется сила воздействия музейного обучения для достижения других аспектов гуманитарного знания. С точки зрения А.Хупер-Гринхилл, музеи способствуют желанию больше знать, стимулируют ощущение «готовности к обучению» и успех в обучении через «серьезную игру», предоставляемую музеем, помогающую почувствовать большую уверенность, развить гибкость ума, восприимчивость, представление о самом себе. Автор выявляет пять общих результатов обучения, среди которых: 1) знание и понимание, 2) навыки, 3) отношения и ценности, 4) вдохновение и наслаждение, 5) деятельность, поведение и прогресс.

Выводы, сделанные А. Хупер-Гринхилл, можно взять за основу способа оценки или рассмотрения образовательной ценности музея в контексте постижения современного исторического знания. В частности, дает возможность согласовать ценность конкретной музейной коллекции с потребностями учителей. Все это позволяет понять, как данный музейный визит может быть оправдан с точки зрения опыта обучения.

Таким образом, музейная педагогика - это педагогика, где преподаватель заменяется сотрудником музея. Как мы знаем, взаимоотношения между учителями и учениками основываются на обмене знаниями, сосредоточенного на предмете обучения. Учителю учит кого-то чему-то. Обоснование же замены учителя на музейного педагога состоит в том, что он является экспертом по музейной коллекции и ее значению. Поэтому здесь знание коллекции имеет решающее значение, и музейный педагог должен знать, как можно наилучшим образом увязать с требованиями учебной программы и опытом учащихся, уделяя особое внимание совместному планированию.

Кроме того, музейный педагог часто выступает как фасилитатор, обеспечивающий диалог и создающий возможности, основанные на опыте и чувственном обучении через удовлетворение индивидуальных потребностей учащихся. Обучение в музеях, как правило, включает вовлечение учеников в интерактивные действия, обсуждение, обучение через выполнение и обучение через интерпретацию. Музейный педагог воспитывает у учеников удовольствие от открытия незнакомых ранее им фактов и явлений, меняет их представление о знакомом предмете, будь это работа с древним артефактом или предметом двадцатого века.

Более того, музеи не работают в рамках границ и структур учебных программ школ, у них есть свобода и возможность адаптировать свои услуги, чтобы обеспечить учебный опыт, который дополняет и бросает вызов школьным занятиям, чтобы вдохновлять учеников.

Однако, несмотря на перечисленные достоинства, организация тесного сотрудничества между учителями истории и музейными педагогами, существует ряд проблем. Во-первых, это недостаток специалистов в области музейной педагогики, во-вторых, статичность большинства музейных композиций, в-третьих, отсутствие возможности воспроизвести результаты обучения, полученные в музее, в классе.

Кроме этого, сотрудничество между учителями и музейными работниками имеет тенденцию фокусироваться на материально-технических и организационных возможностях, а не предметных проблемах исторического образования. При этом важно углублять сотрудничество на всех уровнях, которое поможет повысить степень постижения исторического знания обучающимися. Музеи и образовательные учреждения являются заинтересованными сторонами, которым необходимо искать пути преодоления границ и барьеров, разделяющих их на пути освоения исторического знания.

Таким образом, сотрудничество учителей истории и музейных работников можно охарактеризовать как совместную деятельность по расширению знаний и навыков учеников, по повышению осведомленности об истории своей страны и других народов, по предоставлению возможности получения удовольствия от поиска и развития нового исторического знания об окружающем мире и о месте человека в пространстве и времени.

Список литературы

1. Biesta G. Good education in an age of measurement: Ethics, politics, democracy. - Boulder, CO: Paradigm Publishers. – 2010. – режим доступа к изд.: <http://www.rpajournal.com/dev/wp-content/uploads/2012/07/R1.pdf>
2. Dawn Spring. Gaming history: computer and video games as historical scholarship [Электронный ресурс] // Rethinking History. - 2015. - № 19(2) - pp. 207-221 – режим доступа к изд.: <http://dx.doi.org/10.1080/13642529.2014.973714> дата обращения: 22.07.2019)
3. Eilean Hooper-Greenhill. Museums and Education. Purpose, Pedagogy, Performance. - London: Routledge. – 2007. – 250 p.
4. English Heritage. – режим доступа к изд.: <https://www.english-heritage.org.uk/learn/teaching-resources/>
5. Каткова К.Ф. Ретроспективный анализ развития социокультурной миссии региональных музеев России: середина XIX – рубеж XX-XXI вв. // Политика и общество. – 2015. - № 5(125). – С. 603-608
6. Museum of London – режим доступа к изд.: <https://www.museumoflondon.org.uk/schools/session-detail?id=1060>
7. Ravitch Diane, Chester E. Finn, Jr. What Do Our 17-Year-Olds Know? – режим доступа к изд.: https://www.ideals.illinois.edu/bitstream/handle/2142/41152/crl_49_03_278_opt.pdf?sequence=2
8. Шляхтина Л.М. Рекреационно-образовательная миссия современного музея: образование или развлечение // Вопросы музеологии. – 2013. - № 2(8). – С. 206-212.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЖИВОПИСЬ В.В. ВЕРЕЩАГИНА КАК ИСТОЧНИК КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ

Волков Сергей Александрович

канд. пед. наук, доцент

Высший институт языков

Туниса Карфагенского университета

г. Тунис

DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.75](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.75)

VASILY VERESHCHAGIN'S PAINTING AS A SOURCE OF CONCEPTUALIZATION OF CULTURAL UNITS

Volkov Sergey

Ph.D in Teaching Methodologies,

Assistant Professor

Higher Institute of Languages of Tunis,

University of Carthage

Tunis

Аннотация

Используемый культурно-исторический метод изучения художественного творчества Василия Верещагина объясняет целесообразность обращения к данному вопросу, актуализируемую в: 1) обосновании присутствия русского ориентализма в искусстве; 2) использовании материалов художника как источника концептуализации, – результатом чего становится академический дискурс в лингвокультурологии как учебной дисциплине.

Ключевые слова: русский ориентализм, концепт в языке и живописи, лингвокультурология.

Abstract

The culture-historical method of researching the artistic work by Vasily Vereshchagin explains the motivation of developing the system-subjective approach on this issue, actualized in: 1) justifying the presence of Russian Orientalism in art; 2) using the artist's materials as a source of conceptualization. As a result, we enter the academic discourse in linguistics and cultural studies.

Keywords: Russian Orientalism, concept in language and painting, linguistic and cultural studies.

Настоящая статья посвящена анализу культурных столкновений, нашедших отражение в изобразительном искусстве, т.е. той области человеческой деятельности, которая с наибольшей силой выразительности способна показать их глубинную основу, характер и последствия, конкретно в творчестве художника Василия Васильевича Верещагина (1842-1904), и нацелена на перенос толкования смыслов этих столкновений в образовательное пространство, характеризующееся неоднородными свойствами лингвокультурной идентичности, а именно при обучении русскому языку иностранцев, в частности арабов. Отсюда, **культурологическая направленность** рассмотрения вопроса и ориентированность на сопряжение концептуализации в живописи с академическим дискурсом в рамках **межкультурной коммуникации**.

В первом случае творчество Верещагина преподносится с точки зрения (1) видения и интерпретации художником русской и восточной цивилизационных систем, их взаимодействия и функционирования, (2) представления художника об историческом процессе колонизации восточных регионов, (3) его манеры запечатления этнографических особенностей изображаемого

мира, в центре которого находился человек – среднеазиатский житель, в том числе араб Средней Азии [о коллекции картин Верещагина с образом среднеазиатского араба см. : 13].

Во втором случае идет речь о европейском и русском ориентализме, отражении Верещагиным среднеазиатской этнической картины мира. Такой подход целенаправленно ведет к созданию дискурсивных ситуаций, методологически связанных с исследованиями в сфере межкультурности и лингвистической концептологии (именно в Карфагенском университете).

Живописное творчество В.В. Верещагина исследовано достаточно полно с искусствоведческой точки зрения, в подходах художника к мировосприятию, в связи с жизненными коллизиями [6; 2; 9; 7; 5; 12 и др.]. Причем сам художник, будучи еще и литератором, в своих трудах дает богатый материал о своей работе, мыслях, исторических событиях и личностях, отношениях в обществе разных народов [3; 4 и др.]. Однако есть один аспект, который требует специального освещения. Это ориентализм как особое явление в русской и мировой культуре и его проявление в живописи Верещагина. Актуальность этой темы обуславливается

важностью создания условий в образовательном процессе для раскрытия культурно-типологических и специфических черт этого явления в верещагинских событийных картинах и образах, в художественной интерпретации духа Востока при его столкновении с другой цивилизацией, когда невозможен диалог культур. Заметим, что такой диалог лишь мыслился Верещагиным, но так и не возник в его работах, причины чего, вероятно, восходят к разноразному социально-культурному статусу его художественных персонажей.

В достижении методологических целей представления темы для нас важны: 1) биографический метод с системно-субъективным подходом, состоящим в изучении личности Верещагина как субъекта творческой деятельности в его развитии; 2) культурно-исторический метод, позволяющий воспринять творчество художника в связи с социальными и политическими явлениями, направлениями в искусстве и интересами в этнографии; 3) сравнительно-типологический метод, способствующий выявлению общих и специфических черт в теории и практике живописного ориентализма. Здесь объединяется в единое поле обозрения западноевропейский и русский ориентализм и, в то же время, обособляется русский ориентализм как своеобразный в отражении имперских интересов Российского государства, разнящийся в этнокультурном и нравственном аспектах. Восточная живопись Верещагина не противопоставляется ориентализму в терминологическом смысле, но акцентирует и дополняет значимую в русском искусстве тему Востока. Обнаружив связь между верещагинской жизненной позицией в отношении войны и нравственности и концепцией живописного творчества, в частности в Туркестанской серии картин, мы смогли сделать заключение о том, что Верещагин был первым художником, который нарушил общие тенденции в ориентализме и явился основоположником русского ориентализма в живописи.

Термин *ориентализм* нами употребляется в контексте с западными идеями об исторических, философских и культурных основах формирования понимания связи между восточным и западным миром. Согласно этим идеям восточная цивилизация с середины XVIII в. и особенно с начала XIX в., когда стали проявляться имперские амбиции европейских стран, в том числе России, что выражалось в завоевании восточных территорий, рассматривалась как исчерпавшая свои жизненные ресурсы и нуждающаяся, так сказать, в «окультуривании», т.е. приведении к нормам и идеалам западного образца, избавлении от восточных пороков, прежде всего работорговли и, по словам Верещагина, «незаслуженно-униженного положения восточной женщины» [3, с. 52]. Если иметь в виду Европу, то все это делалось с большей выгодой для нее самой. Принципиальное различие российской экспансии,

которую в любом случае тоже трудно оправдать, поскольку она несла значительные жертвы, мы видим в том, что, кроме естественного соединения в себе двух признаков пространств Европы и Азии, сущностной характеристикой России являлась национальная политика, в своем приоритете стремящаяся к достижению и установлению примирения между составляющими ее коренное население нациями, народами, этническими группами в пределах евразийских границ. Русский ориентализм поэтому дополнялся особенностью межнационального взаимодействия, этнической равнозначности, межкультурного развития отношений. Научное обоснование ориентализму в русской культуре вообще и искусстве в частности дали Н.А. Бердяев, Л.Н. Гумилев, Д.В. Айналов, С.И. Тюляев, Л.И. Ремпель, М.В. Алпатов, Н.А. Виноградова, Н.С. Николаева, Е.В. Завадская, Д.В. Сарабьянов, А.А. Каменский, А.А. Русакова и др. Особым взглядом на ориентализм, как мировую и русскую проблему, как идею, имеющую империалистическую направленность на идеологическое подчинение науки и искусства, отличается критик Эдвард Саид [10].

Применительно к творчеству Верещагина, нам кажется, наиболее близка позиция Н.А. Бердяева. Он связывал отношение русских к другой культуре с пониманием национального вообще и отмечал, что «русский ... не презирает других. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам» [1, с. 8]. Помимо этого, он предвещал место России в определении судьбы противоборства между двумя культурами: «Европа перестанет быть монополистом культуры... Культура перестанет быть столь исключительно европейской и станет мировой, универсальной. И Россия, занимающая место посредника между Востоком и Западом, являющаяся Востоко-Западом, призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству» [1, с. 19]. У Верещагина ориентальная тематика, приобретая черты геополитического явления, несла в себе мировоззренческий смысл, связанный с религией, философией жизни и содержащий представления об этнокультурных особенностях, национальном характере жителей Востока. Ориентализм Верещагина мы не можем назвать проявлением одного интереса к тематическим сюжетам Востока или замысла восточной стилизации композиций, посвященных, как это у западных художников (например, Теодора Шассерио, Эжена Делакруа, Жан-Леона Жерома), либо историческим событиям покорения азиатских и северо-африканских территорий, либо «декоративной» повседневной жизни, т.е. художественным методом или традиционным течением с программной установкой на изображение восточной диковинности. Верещагинские картины никак не могли быть лишены восточного колорита, так как творческий процесс их создания был связан с реальным восточным культурным пространством.

Но этнографические элементы композиционной структуры у Верещагина являлись формой выражения идейного содержания, в котором фиксировались социальные проблемы народов Средней Азии (например, картины «Нищие в Самарканде» (1869-1870), «Опиумеды» (1868),

«Политики в опиумной лавочке» (1870), «Бача и его поклонники» (1868), «Продажа ребенка-невольника» (1872)). По свидетельству самого Верещагина, эти проблемы с успехом решались в результате вмешательства российских властей. Особенно он одобрял упразднение работорговли:

«Вообще, мужчинъ въ продажѣ больше, чѣмъ женщинъ, между прочимъ, потому что туркмены, продавая охотно мужчинъ, больше удерживаютъ у себя женщинъ. Красивая молодая женщина стоит очень дорого, рублей до 1,000 и болѣе.

Въ хорошей цѣнѣ также хорошенькіе мальчики: на нихъ огромный спросъ во всю Среднюю Азію. Мнѣ случалось слышать рассказы бывшихъ рабовъ персіян о томъ, какъ маленькіе еще они были захвачены туркменами: одни, въ полѣ на работѣ, вмѣстѣ съ отцомъ и братьями, другіе, просто на улицѣ деревни, среди бѣлаго дня, при безсильномъ воѣ и крикѣ трусливаго населенія. Исторіи слѣдующихъ, затѣм, странствованій, перехода этихъ несчастныхъ изъ рукъ разбойника туркменца въ руки торговца рабами и отсюда въ дома купившихъ ихъ крайне печальны, и нельзя не порадоваться, что, благодаря вмѣшательству русскихъ, этотъ грязный омутъ сталъ видимо прочищаться» [3, с. 51].

Каждая картина Верещагина была уникальной, а не несла отпечаток уже известных картин. Это касается и картин о военных действиях. Художники времен Верещагина повторяли друг друга в изображении баталій. Это – героический настрой персонажей картин, красивые позы генералов-победителей на конях и умиротворенный вид солдат. Верещагинская художественная практика – это демонстрация правды войны, торжества смерти. Его картины – это изнеможденные лица, кровь, смерть, страх, ужас, которые несет война. Верещагин показал весь обман этого мира, который нужен был для того, чтобы оправдать войну и смерть на войне. Он выступал против этого обмана, что и составило его концепцию в жизни и творчестве. Эта концепция отличала Верещагина от всех других художников-баталистов. Эстетический смысл живописи Верещагина заключался в осуждении бессмысленной бойни людей.

Свою идею Верещагин выражал во множестве тематически разноплановых картин. Он создавал не отдельные картины, а серии картин. Как писал И.Н. Крамской: «каждое его произведение включает въ себѣ идею, достойную картины; ... но картина одна, безъ поддержки цѣлой серіи другихъ картинъ, не имѣетъ настоящаго самостоятельнаго

значенія: только всѣ картины вмѣстѣ и поучительны, и интересны, и дороги. Это тоже черта новая – но утверждаетъ ли она въ искусствѣ что-либо прочное, до сихъ поръ не имѣвшееся въ обращеніи, это вопросъ будущаго.

Цѣлая же серія картинъ Верещагина, взятая вмѣстѣ, составляетъ живой организмъ, очень симпатичный, часто глубокий» [6, с. 666]. Верещагин, таким образом, не просто пишет картины, он пишет масштабные сюжеты языком живописи, размышляя и выражая свое философское отношение к миру в желаніи познать за деталями сущность мира в целом, в его целостных связях. Наблюдения за явлениями, происходящими в мире, их духовное осмысление – это источник верещагинской концепции мировоззрения и философского обобщения в изобразительном искусстве. Живопись явилась для Верещагина средством и способом познания мира и человеческой природы, которые помогли Верещагину концептуализировать свою идею с помощью красок. Причем, живописный концепт Верещагина трансформируется в драму. Это, на наш взгляд, стало художественным методом его творчества. Его картины – это единство философии жизни, этики и художественной концепции,

эстетики, выражение драматической сущности человечества. По праву мы можем назвать живопись Верещагина методом познания реального мира, а созданные им образы – концептами живописного языка.

Конечно, сущность его живописи составляла не только правда, которую он видел своими глазами. Обладая особым даром видения мира, как любая творческая личность, Верещагин создавал сюжеты, опираясь на свое воображение. Здесь можно вспомнить картину из Туркестанской серии «Забытый». А его «Апофеоз войны» – обращение одновременно к историческому прошлому (поведению Тамерлана) и к будущему как предупреждение новым поколениям. Гора черепов, сложенная в пирамиду, – это не то, что видел Верещагин, но это его живое представление о результатах войн. Эту картину, с нашей точки зрения, можно считать символической, так как в ней по сути репрезентируется языком живописи концепт *войны*. В правомерности использования термина *концепт* в отношении к живописи не стоит сомневаться, поскольку «концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [11, с. 43]. Поэтому концептуализация как процесс создания концепта относится не только к репрезентации культурного смысла в словесном знаке. Говоря об отношении поэтического произведения (в нем способны наилучшим образом отображаться концепты) к слову и сравнивая его с изображением, Потебня утверждал, что можно поэтическую форму представить образно, рельефно, как это «могло бы быть изображено и на картинѣ, въ скульптурѣ – все равно. Но изобразить въ живописи или скульптурѣ можно только один моментъ. Вотъ здѣсь именно граница, отдѣляющая поэзію отъ живописи или скульптуры!.. И поэтическое произведение можетъ остановиться на одномъ моментѣ, и в такомъ случаѣ поэзія сдѣлаетъ такое дѣло, какое живопись и скульптура могутъ исполнить гораздо лучше, чѣмъ она» [8, с. 13]. По нашему убеждению, в концепте, как в картине, закрепляется ‘образ’, сформированный к определенному культурно-историческому и языковому моменту развития общества, и, как в поэтическом произведении, заложено его продолжение в ходе эволюции понятия и представления о зафиксированном ‘образе’. Очевидно, что образы, представленные в верещагинских картинах-сериях (например, «После удачи» (1868), «После неудачи» (1868)), динамичны, как поэтические образы, и символичны в результате вовлечения в них качеств концептуальных прототипов. В верещагинском живописном языке можно выделить явно представленные концепты «Война» и «Восток». Последний выражается, в частности, в образах как символах Востока на картинах «Мулла Рахим и мулла Карим по дороге на базар» (1873), «Узбекская женщина в Ташкенте» (1873), «Араб на

верблюде». В живописи Верещагина, в целом, мы обнаруживаем абстрагированный от непосредственной картинной сюжетной линии концепт «Цивилизация».

Следовательно, живописный язык Верещагина является открытым в контексте культурного смыслообразования и перспективным для обсуждения факторов концептуализации в культурологическом дискурсе.

Литература:

1. Бердяев Николай. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М., 1918. – 29 с.
2. Булгаковъ Ф.И. В.В. Верещагинъ и его произведѣнія. – СПб.: Тип. А. Суворина, 1905. – 199 с.
3. Верещагинъ В.В. Очерки, наброски, воспоминанія В.В. Верещагина. – Санкт-Петербург: Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке), 1883. – 155 с.
4. Верещагин В. В. В. Верещагин о зарубежном Востоке / Сост., авт. послесл. и примеч. Л.М. Демин. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001. – 175 с.
5. Демин Л.М. С мольбертом по земному шару: Мир глазами В.В. Верещагина. – М.: Мысль, 1991. – 373, [2] с.
6. Крамской И.Н. Его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи. 1837-1887 / Алексѣй Суворинъ. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1888. – 750, XIX с.
7. Лебедев А.К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество / Под ред. А.В. Солодовникова. – М.: Гос. изд-во «Искусство», 1958. – 428 с.
8. Потебня А.А. Изъ лекцій по теоріи словесности. – Харьковъ: Типографія К. Счасни, 1894. – 164 с.
9. Садовень В.В. В.В. Верещагин (1842-1904). – М.: Изд-во Гос. Третьяковской галереи, 1950. – 116 с., 12 л. ил. (Очерки по истории русской живописи 2-ой пол. XIX в.).
10. Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: «Русский Миръ», 2006. – 640 с.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
12. Шиммельпенник ван дер Ойе, Дэвид. Завоевание Средней Азии на картинах В.В. Верещагина // Величие и язвы Российской империи / Сост. В.Б. Каширин. – М.: Изд. дом «Регнум», 2012. – С. 159-186.
13. Янес М.А. Среднеазиатские арабы в фотоиллюстративных коллекциях и материалах архива МАЭ (Кунсткамера) РАН // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры: Сборник Музея антропологии и этнографии. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – Том LIX. – С. 390-403.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

КРИТЕРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ.

Кравченко Владимир Иосифович

доктор философских наук,

профессор кафедры философии

Санкт-Петербургского государственного университета

аэрокосмического приборостроения.

CRITERIA OF POLITICAL CULTURE ON THE EXAMPLE OF RUSSIA.

Kravchenko Vladimir Iosifovich

Doctor of Philosophy,

Professor of the Department of Philosophy of

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

Аннотация

В данной статье, автором обозначены основные критерии политической культуры, представлена их краткая характеристика, а также показана актуальность каждого критерия на примере России.

Abstract

In this article, the author outlines the main criteria of political culture, presents a brief description of them, and also shows the relevance of each criterion using the example of Russia.

Ключевые слова. Критерии, характеристика, актуальность, культура, политика, содержания, человек, социальное явление.

Keywords. Criteria, characteristics, relevance, culture, politics, content, person, social phenomenon.

Научный анализ, такого сложного социального явления, как политическая культура, предполагает необходимость выделения и обоснования тех объективных критериев, которым она должна соответствовать для выполнения своей роли в общественной жизни. К числу наиболее значимых критериев политической культуры относятся:

1. *Степень адекватности ее содержания реальным политическим процессам, происходящим в обществе.* Данный критерий адекватности отражения реалий общественной жизни имеет весьма актуальное значение для современной России.[3].

2. *Политическая культура - понятие историческое.* Ее содержание должно, естественно, меняться в зависимости от эпохи, в которой находится общество, а происходящие процессы в обществе отражаются в зеркале истории.

3. *Важным критерием в оценке политической культуры является ее моральная составляющая.* «Отсутствие нравственности в политической культуре проявляется в пошлых и неумных шоу на эстрадах, где позволено глумление над историей народа, историческими личностями, что является не чем иным, как навязыванием «определенной» идеологии.»[5.С.9], что в конечном итоге приводит к деградации личностной культуры.

4. *Центральным элементом современной политической культуры должно быть научно обоснованное понятие социального идеала.* Следует признать, что если идеал коммунистического общества, прежнее партийное руководство (КПСС) не смогло реализовать ни теоретически, ни практически (и совсем не потому, что он плохой, утопичный и т.д., а потому, что он

был превращен в статичную неразвивающуюся модель), то в настоящее время, в условиях информационного общества, нельзя рассчитывать на позитивные результаты в перспективе, не имея социальной цели и вытекающих из нее конкретных задач по ее реализации. Исходя из особенностей современной информационной эпохи, содержание современного идеала можно было бы определить как общество «социальной справедливости» [5.], однако в современных условиях, это больше желаемое, чем действительное.

Указанные критерии политической культуры, ни коим образом не исчерпывают содержание её самой, однако взятые в своем системном единстве, они позволяют не только обосновать ее сущность применительно к современному обществу, выяснить ту роль, которую она должна играть в социальном управлении и развитии, но и определить эффективные формы ее реализации.

Как известно, Г. Алмонд и С. Верба [1.] выделили три «чистых» типа культуры: патриархальный, подданнический и активистский, но соглашаясь в целом с таким «триединством», следует признать, что существующие политические культуры сегодня являются смешанными, сочетая в себе различные идеальные типы, и в чистом виде элементы триады не проявляются. Сопоставляя наиболее распространенные в современном мире системы политического управления, мы можем прийти к выводу, что для авторитаризма наиболее подходит подданнический (с элементами патриархального) тип политической культуры, а для демократической системы правления - отдельно выделенный Г. Алмондом и С. Вербой, тип гражданской культуры, который синтезирует

некоторые подданные установки и высокий уровень политического участия.

Таким образом, напрашивается очевидный вывод, что наиболее эффективной будет та система политического управления, основные положения которой согласуются с соответствующим демократическим типом политической культуры. Однако, в современном калейдоскопе событий, серьезные проблемы появляются тогда, когда политико-правовые институты системы управления входят в противоречия с устоявшимися стереотипами поведения, воспроизводимыми господствующим в обществе типом политической культуры. Подобное положение возникает при смене систем политического управления. Данная ситуация характерна для любого государства. В качестве примера можно назвать «перманентно - майдановское» движение на Украине, когда существующая гражданская война «окрашивает» политическую культуру в разные политические цвета радуги. Прошедшая выборная кампания в России явилась свидетельством того, что кризис существующей системы политического управления (появление которого было обусловлено сочетанием разнородных факторов) привел к необходимости проведения серьезных политических реформ, результаты которых должны кардинально изменить политическую культуру общества и государства. Кроме того, сегодня очевидным является тот факт, что существующая система управления, построенная на принципах партнерского взаимодействия управляющих и управляемых, требует активного и осознанного политического участия граждан. Ускорить данный процесс посредством проведения последовательной

политики, возможно, на наш взгляд, за счет «культивирования» местного самоуправления, организацию всевозможных гражданских форумов, и т.д.

В заключение следует сказать, что эффективность демократической системы политического управления обуславливается не только институциональными политическими реформами, но, прежде всего, формированием демократической, гражданской политической культуры, становление которой следует поддерживать как один из основных приоритетов государственной политики.

Использованная литература.

1. Almond G., Verba S. The Civic Culture; Political Attitudes and Democracy in Five Countries Princeton. 1963. P.13.
2. Вопросы жизни. Сборник статей. М.: Синод. Тип. 1904.-70 с.
3. Глитикова А.Г. Капитализм, социализм, индустриальное общество -к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. 2001. № 9. с.4-6
4. Кравченко В.И. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия и развития. Монография.-СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.-272 с.
5. Федосеев А.А. Теоретико –практические аспекты Российской политической культуры. //Материалы научно-практической конференции. «Политическая культура современного российского общества: состояние и перспективы.04.04.02 Санкт-Петербург.46 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕЛИ СЕРВИСНОГО ГОСУДАРСТВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Максимов Евгений Валентинович
Студент 2-го курса магистратуры
Института экономики и менеджмента
Национального исследовательского
Томского государственного университета
DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.77](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.77)

ELECTION SYSTEM AS A PART OF SERVICE STATE

Maksimov Evgeniy
Student of Institute of Economics and Management,
National Research Tomsk State University

Аннотация

В статье анализируется место избирательной системы в модели сервисного государства. Приводятся аргументы в поддержку значимости свободных выборов как элемента сервисного государства.

Abstract

Author analyzes election system as a part of service state. It also argues in favour of free elections as a crucial element of service state.

Ключевые слова: сервисное государство, выборы, избирательная система

Keywords: service state, elections, election system

В условиях активного развития парадигмы сервисного государства особенно важным представляется вопрос актуализации технологий государственного управления для соответствия требованиям новой философии «клиентоориентированности». В отечественной научной литературе в основе понятия «сервисное государство» выделяют направленность всей его деятельности в первую очередь на гражданина и на его потребности и интересы [2, 21].

Набор признаков и особенностей, приписываемый в отечественной научной литературе модели сервисного государства, неоднороден и отличается по составу. Представляется, что этот факт подчеркивает сложность самого явления, а также отсутствие единого и системного подхода, в том числе со стороны государства, к изучению и внедрению сервисной модели. Так, например, в 2018 году Правительство Российской Федерации декларировало построение «сервисного государства версии 2.0» [3]. Данная инициатива подразумевает внедрение и развитие «суперсервисов», то есть, комплексное оказание государственных и муниципальных услуг гражданам Российской Федерации с максимально возможным отказом от бумажных документов и активным использованием систем межведомственного взаимодействия, что позволит существенно сократить время исполнения запросов.

Вместе с тем, в нормативных правовых актах и иных официальных документах отсутствует понятие «сервисное государство». Можно сделать вывод о том, что термин является дескриптивным и находит отражение в основополагающих

принципах. Однако, как уже упоминалось выше, набор ключевых признаков в научной литературе неоднороден, а в официальных документах практически не фигурирует.

Отсутствие системного подхода к изучению и внедрению модели сервисного государства не только создает сложности в определении сущности исследуемого явления, но и не позволяет полностью и корректно описать его. Так, например, ни в отечественной научной литературе, ни в официальных документах практически не рассматривается избирательная система как часть сервисного государства, в то время как она является инструментом оказания одной из системообразующих государственных и муниципальных услуг и обеспечивает формирование органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Кроме того, в научной литературе распространено утверждение о тесной и неразрывной связи таких характеристик государства как «сервисное», «демократическое», «правовое» и «социальное» [2, 24].

Общезвестно, что свободные выборы являются главным инструментом и критерием демократии. Обеспечение и реализация права на участие в выборах (при реализации как активного, так и пассивного избирательного права) достигается за счет четко структурированной избирательной системы и гарантируется нормами конституционного и избирательного права. Таким образом, взаимосвязь избирательной системы и демократической компоненты сервисной модели государства несомненна и сама по себе представляется достаточным основанием для более детального и системного изучения роли и значения

электоральной концепции в становлении и развитии сервисного государства.

Ключевой особенностью в данной системе является тесная взаимозависимость между качеством оказываемой услуги по организации выборов и референдумов и общим уровнем развития сервисного государства. В сервисной модели уровень удовлетворенности властью – это, по сути, уровень удовлетворенности качеством оказываемых государственных и муниципальных услуг. Чем качественнее государство оказывает услуги населению, тем меньше потребность граждан в смене власти.

Таким образом, свободные выборы, с одной стороны, являются одним из важнейших индикаторов общей удовлетворенности гражданами качеством оказываемых государственных и муниципальных услуг, а с другой стороны, главным инструментом влияния на качество этих услуг. Методы индикации эффективности и качества оказываемых услуг, характерные для модели сервисного государства, имеют отличительную особенность: сами по себе положительные или негативные результаты не являются стимулом для органов государственной власти и органов местного самоуправления к изменениям. В то же время, свободные выборы позволяют народу, как главному источнику власти, стать инициатором необходимых изменений и дополнительным стимулом для адекватной и своевременной реакции на степень удовлетворенности качеством государственных и муниципальных услуг.

Избирательная система в контексте модели сервисного государства, безусловно, обладает достаточными и необходимыми качествами, чтобы

выступать в роли субъекта сервисной модели. Невозможно поставить под сомнение социальную направленность данной сферы деятельности, реализующей непосредственное взаимодействие граждан и государства, а также конституционное право гражданина Российской Федерации избирать и быть избранным [1]. Все это позволяет ставить вопрос о необходимости рассматривать избирательную систему как часть «клиентоориентированного» государства.

Таким образом, в научной литературе на сегодняшний день выборы и обеспечивающая право на участие в них избирательная система не рассматриваются в полной мере как часть модели сервисного государства. Вместе с тем, эта сфера деятельности играет одну из ключевых ролей в индикации и оценке эффективности применяемой модели и выступает главным и ключевым инструментом, позволяющим гражданам Российской Федерации непосредственно принимать участие в формировании эффективно действующей модели сервисного государства.

1. Конституция Российской Федерации // Конституция Российской Федерации - режим доступа к изд.: <http://www.constitution.ru>

2. Зайковский В.Н. «Сервисное государство»: новая парадигма или современная технология государственного управления? // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. - № 24 (261).

3. Чиновникам предписана самоцифровизация // Газета Коммерсантъ - режим доступа к изд.: <https://www.kommersant.ru/doc/3773063>

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СИСТЕМНОСТЬ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТЕПЕНИ ВЫРАЖЕННОСТИ ПРИЗНАКА ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ИЛИ ПРИКЛАДНОГО ХАРАКТЕРА В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ

Акаева Хамсат Абасовна
заслуженный учитель ЧР,
канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО
«Грозненский государственный нефтяной
технический университет
им. академика М.Д. Миллионщикова»
г. Грозный, Чеченская Республика
DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.69](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.69)

Аннотация

Статья посвящена проблемам терминологии. Представлены критерии разграничения фундаментальных и прикладных терминосистем и проведено исследование особенностей черт терминологии. Определены характеристики, включающие эти терминосистемы. Показано как фундаментальные науки создают базу для прикладных.

Abstract

The article was devoted to the problems of terminology. The attempts of formulation criteria differentiation applied and fundamental term systems and the researching essential features of terminology were done. The characteristics including term systems were determined. It was shown how fundamental sciences create the basis for applied sciences.

Ключевые слова: терминология, термин, прикладная и фундаментальная терминосистема, терминосистема, «идеальный термин», специализированная лексика.

Key words: terminology, term, applied and fundamental term system, term element, ideal term, specializing vocabulary.

Научное знание и терминология находятся в постоянном взаимодействии, оказывают взаимовлияние и зависят друг от друга. Из истории известно, что интерес терминам появился давно. Так И.Ю. Бережанская считает, что в эпоху Возрождения, началось формирование новых взглядов на мир, становление и развитие как точных, так и естественных наук, осуществлялись попытки системного представления лексики.

В работах, посвященных проблеме системного рассмотрения особенностей терминологий, отмечается, что терминосистемы естественных и технических наук, в отличие от наук гуманитарных, характеризуются большей степенью упорядоченности. При этом приводятся достаточно общие разграничения. Так, например, О.Р. Жуков указывает, что терминологические единицы технических и естественных наук, в отличие от терминов гуманитарных наук, чаще отвечают требованиям, предъявляемым к «идеальному термину». Норма в терминологии имеет много общего с языковыми нормами, т.е. не противоречит, а соответствует нормам общепринятым.

Зачастую системность терминологии может отражаться при терминологической номинации и сохраняться во внутренней форме терминологической единицы [5]. Например, термин *interface* / *интерфейс*, входящий в терминосистему информационных технологий, является системным терминосистемным элементом (поскольку присутствует в качестве независимого термина в рамках данной терминологии) в составе целого

ряда многокомпонентных терминосистемных единиц, в частности: *command interface* / *командный интерфейс*, *graphical user interface* / *графический интерфейс*, *semantic interface* / *семантический интерфейс*, *application programming interface* / *интерфейс программирования приложений*, *bus interface* / *интерфейс шины*, *network interface* / *сетевой интерфейс*, *server interface* / *интерфейс сервера*, *printer interface* / *интерфейс принтера*, *digital interface* / *цифровой интерфейс*, *data interface* / *интерфейс поданным*, *network-node interface* / *интерфейс сеть - узел*, *streaming interface* / *поточковый интерфейс*, *system interface* / *системный интерфейс*, *character interface* / *текстовый интерфейс*, *processor interface* / *интерфейс процессоров*[13] и др.

В этих примерах терминосистемный элемент *interface* / *интерфейс* является основообразующим, что подтверждается тем, что вербализуемые перечисленными многокомпонентными лексическими единицами понятия являются элементами более низкого порядка в иерархической классификации научного знания данной сферы. При этом для некоторых из представленных видовых терминов термин *interface* / *интерфейс* является непосредственным гиперонимом. В составе таких терминов, как *technology of graphical user interface* / *технология графического интерфейса*, *interface cable* / *интерфейсный кабель*, *interface module* / *интерфейсный модуль*, *interface processor* / *сопрягающий процессор*, *processor conjugation*; *terminal interface processor* / *терминальный*

интерфейсный процессор, interface protocol / интерфейсный протокол, interface board / интерфейсная плата, interface bus / шина интерфейса, интерфейсная шина; interface card / интерфейсная плата, интерфейсная карта[13] и др., термин *interface / интерфейс* выступает в качестве классифицирующего терминологического элемента, который также отражает системный характер научного знания и позволяет четко обозначить границы видового понятия. Мы отмечаем тот факт, что данные особенности справедливы для терминологических единиц разных наук и характеризуют терминологическую лексику в целом.

В несколько ином свете можно рассматривать вопросы, связанные с дефиницией термина. Так, с одной стороны, наличие дефиниции как одно из требований, предъявляемых к термину (или же ее временное отсутствие и стремление к ее получению), опять же представляется нерелевантным для сопоставления терминосистем прикладного и фундаментального характера, поскольку данное требование тоже распространяется на всю сферу специализированной лексики. С другой стороны, как уже отмечалось в научных трудах других исследователей, дефиниции терминов могут отличаться между собой по качеству и содержательному наполнению [10]. Данный факт неотделим еще от одной характеристики термина – точности его семантики. Понятие, вербализуемое терминологической единицей, призвано быть точным и иметь четко очерченные границы, что и должно отражаться в дефиниции термина. В силу вышеупомянутых различий, включая среди прочего и преследуемые цели в научной и профессиональной деятельности субъектов терминовтвора и составителей дефиниций, в том числе словарных, границы означиваемых понятий могут различным образом интерпретироваться и репрезентироваться в языке.

Важной характеристикой при изучении особенностей и границ понятийного пространства, которое обслуживает терминология, и при определении степени выраженности признака фундаментального или прикладного характера является **категория ментального конструкта**. Сама структура научного знания предполагает, что в рамках отдельной науки или научной дисциплины вербализуются близкие понятия, которые формируют определенные группы. Так, например, в зоологии выделяются разные виды животных (*carnivore – плотоядное животное, herbivore – травоядное животное, omnivore – всеядное животное*) [14], в семантике терминов астрономии находят отражение наименования разных видов и спектральных классов звезд (*hypergiants / extremely luminous supergiants – гипергиганты, сверхсверхгиганты; normalgiants – нормальные гиганты; subgiants – субгиганты; main-sequencestars/ dwarfs – карлики, карликовые звезды; subdwarfs – субкарлики, white dwarfs – белые карлики*[15] и т.д.), в геометрии – различные

типы углов (*obtuse angle – тупой угол, right angle – прямой угол, acute angle – острый угол, straight angle – развернутый угол*)[16] и др. Еще больший уровень абстракции при детальном рассмотрении и сопоставлении элементов научного знания позволяет выделить целые **типы понятий**, которые также можно охарактеризовать как категории ментальных конструктов.

Представляется, что наличие характерных типов понятий, вербализуемых терминологической лексикой, стоит признать одним из весьма показательных критериев, позволяющих говорить о прикладном или фундаментальном характере соответствующей терминосистемы. Данный аспект отражает специфику изучаемых или рассматриваемых в рамках конкретной научной или профессиональной области знания объектов, целей и задач изучения, моделирования или конструирования, что, как отмечается во многих работах, лежит в основе разграничения фундаментальных и прикладных наук [11;12]. Категории ментальных конструктов на самом высоком уровне абстракции укладываются в две большие группы, в зависимости от того, с какой сущностью коррелируют соответствующие ментальные репрезентации – материальной или нематериальной. Соответственно, и термины в терминосистеме могут репрезентировать как *материальные сущности*, так и феномены *нематериальные*, т.е. условно выделяемые абстрактные феномены.

В первую очередь, следует отметить, что типы вербализуемых единицами специальной лексики понятий, или, если точнее сказать в рамках когнитивного подхода к изучению языка, категории ментальных конструктов не так часто становились объектом исследования при анализе специфики отдельных терминологических систем. Так, например, шесть типов понятий рассматриваются в научных работах С.В. Гринев-Гриневича [2]. Их существование и репрезентация в языке посредством терминологической лексики не вызывает сомнения, однако в ходе работы было выявлено, что выделяемые ученым типы понятий применимы преимущественно к терминологиям технических наук и отдельным сферам профессионального знания, а значит не покрывают всю совокупность терминологических единиц, в том числе и в рамках других наук. Предлагаемый автором перечень категорий ментальных конструктов, которые участвуют в становлении и развитии фрагментов научной и профессиональной картин мира, был дополнен и расширен в работах М.Н. Лату [5; 7; 8; 9].

К категориям ментальных конструктов, отсылающим к материальным сущностям, относятся **«объекты или явления естественной среды»**, **«составляющие объектов естественной среды»**, **«естественный локус»**(естественные объекты, явления, локусы), **«искусственный локус/конструкция»**, **«инструмент»**, **«механизм»**(искусственно созданные человеком) и др. К категориям ментальных конструктов,

отсылающим к нематериальным сущностям, относятся «*характеристика*», «*процесс*», «*деятель*» [6, 73-113] и др. Очевидно, что некоторые из перечисленных категорий, вербализуемые соответствующим корпусом терминологических единиц, являются в целом универсальными для всех или многих наук. Таким образом, на основании вышеизложенного, таковыми, например, выступают термины-характеристики и термины-процессы, а также термины, репрезентирующие категорию ментального конструкта «*идеальный феномен*», поскольку они лежат в основе разграничения и объединения элементов окружающей действительности.

Литература

1. Бережанская И.Ю. Консубстанциональные термины в лингвистической терминологии английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 305 с.
2. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 304 с.
3. Жуков О.Р. Содержание и композиция словарных статей термина литература (на материале немецких и русских литературоведческих словарей) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. №4 (2). С. 285-290.
4. Лантюхина Н.Н., Загоровская О.В., Литвинова Т.А. Вестник Воронежского института ГПС МЧС России // Термин: определение понятия и его сущностные признаки (электронный научный журнал). 2013. 1(6) С.
5. Лату М.Н. Категоризация действительности в праиндоевропейской картине мира (на примере когнитивных связей дыхание-жизнь, дыхание-смерть) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12. С. 73.
6. Лату М.Н. Номинация в развивающихся терминосистемах: монография. Пятигорск: СНЕГ, 2015а. 192 с.
7. Лату М.Н. Особенности отражения логических категорий во внутренней форме терминологических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015б. № 2. С. 100-106.
8. Лату М.Н. Принципы построения терминологических сетей: типы вершин и отношений // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4 (49). С. 142-149.
9. Лату М.Н., Левит А.А. Продуктивные семантические отношения терминов категорий «процесс», «характеристика», «локус» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4 (53). С. 123-136.
10. Лопатин Н.В. О задачах составления справочника терминов культурно-хронологической атрибуции в археологии России // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 236. М.: Языки славянской культуры; Знак, 2014. С. 365-370.
11. Мирский Э.М. Фундаментальные и прикладные исследования. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01a9e2fa79561f7107da73a9> (дата обращения: 01.01.2018).
12. Рачков П.А. Науковедение. Проблемы, структура, элементы. М.: Изд-во Московского университета, 1974. 242 с.
13. Bloomfield et al., 2000Mc Ginnetal., 2002; Bloomfieldetal., 2000; <https://www.lingvo.live.com/>; <https://woordhunt.ru/word/интерфейс>; <https://woordhunt.ru/word/interface>] и др.
14. Haldane, Huxley, 1927,
15. Jeans, 1931; Rudauxetal, 1962; https://en.wikipedia.org/wiki/Stellar_classification
16. Russel, 2008

ОСОБЕННОСТИ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Мамедова Самира Джаванишир гызы
кандидат филологических наук, зав. кафедр.,
Азербайджанский Университет,
г. Баку.

Алиева Хавер Гусейн гызы
старший преподаватель,
Азербайджанский Университет,
г. Баку.

FEATURES OF MODAL WORDS IN LINGUISTICS

Mamedova Samira
candidate of Science, head of кафед.,
Azerbaijan University.
Aliyeva Khavar
Senior Lecturer,
Azerbaijan University.

Аннотация

Основной целью статьи является обоснование актуальности темы исследования по модальности в языкознании. Методом является сравнительный анализ различных языков (русский, английский и азербайджанский). Традиционный семантико-синтаксический подход к вводно-модальным словам дополнен характеристикой их морфологических особенностей, необходимых для выполнения ими функции свернутого метатекстового высказывания. Проведенные наблюдения позволяют считать модальные слова особой частью речи.

Abstract

The main purpose of the article is to substantiate the relevance of the topic of research on modality in linguistics. The method is a comparative analysis of various languages (Russian, English and Azerbaijani). The traditional semantic-syntactic approach to introductory-modal words is supplemented by a characteristic of their morphological features necessary for them to perform the function of a folded metatext statement. The observations allowed us to consider modal words as a special part of speech.

Ключевые слова: языкознание; модальные слова; части речи.

Keywords: linguistics; modal words; parts of speech.

В лингвистике усиливается интерес к исследованию проблем, связанных с взаимодействием языка и общества, определяющим условия использования языковых единиц в зависимости от экстралингвистической ситуации. Важность постановки и разрешения такого рода проблем объясняется тем фактом, что язык является не только необходимым средством общения, но и средством воздействия одних людей на деятельность других. В связи с этим исследователи продолжают обращаться к рассмотрению явления модальности как категории, выражающей субъективные и объективные отношения в языке. [1].

Каждый язык прошел свой путь развития и занял определенное место в мире. Среди тысяч языков нашей цивилизации нет двух совершенно одинаковых. Однако при всем своеобразии языков мира и их историй существуют закономерности, присущие всем или большинству языков. К этим специфическим явлениям относится и категория модальности, представленная в данной работе [2]. Сопоставление функций модальных значений и способов их языкового выражения в разных языках позволяет выявить сходства и различия, которые могут служить основанием для составления типологических рядов, позволяет также расширить

и углубить лингвистические представления об этой категории в целом.

В литературе отмечено, что в русском языкознании в работах В.Виноградова, С.Абакумова, М.Мещанинова, А.Пешковского, В.Панфилова, А.Гвоздева, И.Милославского, Е.Галкиной-Федорук и др. содержатся плодотворные идеи по вопросу категории модальности.

Важные теоретические и практические положения по проблеме категории модальности в английском языке представлены в научных исследованиях А.Смирницкого, О.Александровой, Т.Комовой, Н.Иртеньевой, Л.Бархударова, М.Блоха, Г.Поченцова, Н.Слюсаревой, Е.Беляевой, В.Гуревича, В.Тарасенко, Э.Курлянд, А.Ионовой, Й.Трир, Г.Ипсен, О.Есперсеном, К.Аймер, Д.Фриборн, В.Робинсон, Р.Уорнер, М.Халлидей, Г.Суит, Дж.Лайонз и других теоретиков английского языка

Вопросы относительно модальности также широко изучены в азербайджанском языке, который как группа тюркских языков, обычно относящийся к юго-западной (огузской) группе тюркской ветви алтайской языковой семьи (огузко-турецкий) имеет очень древние корни [3,4]. В Азербайджанском языкознании вспомогательные

части речи были изучены учеными, как М.Кашгари, П.Холдерман, И.Гиганов, М.Казым-бек, И.Гасанов, А.Шарифов, А.Демирчизаде, А.Аббасов, Д.Кулиев, Дж.Сафаров, А.Абдуллаев и другими видными специалистами. Модальные категории впервые более глубоко были изучены А.Аслановым, З.Ализаде, Дж.Сафаровым.

Несмотря на то, что проблеме модальности посвящено значительное число лингвистических работ, многие стороны этой проблемы продолжают оставаться недостаточно изученными. Известно, что модальность в равной мере является предметом изучения и языкознания, и логики. Во взглядах на категорию модальности определились две основные точки зрения. Большая часть исследователей этой проблемы определяет ее как семантическую или функционально-семантическую категорию, охватывающую систему грамматических форм глагольного наклонения, а также синтаксические и лексические средства выражения отношения высказывания к действительности.

Модальность (от ср.лат. *modalis* — модальный, лат. *modus* — мера, способ) в основном семантическая категория, выражающая отношение говорящего к содержанию его высказывания, целевую установку речи, отношение содержания высказывания к действительности. Понятие модальность пришло из классической формальной логики, откуда лингвистика заимствовала и другие понятия [5].

Модальные слова формируются как лексико-грамматические категории и являются промежуточными между главными и вспомогательными частями речи. Они присутствуют во многих языках и после обстоятельств имея своеобразие формируют новую группу частей речи. Модальные слова в основном характеризуются семантическими, морфологическими и синтаксическими свойствами: а) Семантически модальные слова обладают способностью выражать отношение мысли к существу и сказанного слова. б) Морфологически модальные слова сохраняют свою форму и считаются как бы, аморфизированными. в) Синтаксически модальные слова не связываются членами предложения [6].

Модальные слова лишены номинативной функции, они не являются основными членами предложения и грамматически не связаны со словами, составляющими предложение. Их синтаксические функции: а) употребление в роли слова-предложения, чаще в диалогической речи: — *Вы купите эту книгу? — безусловно;* б) употребление в качестве вводного слова с модальным значением: *Вам до меня, конечно, нет никакого дела.* Не включаются в разряд модальных слов: 1) вводные слова, выражающие эмоциональное отношение к фактам действительности (*к счастью, к удовольствию, к сожалению, к несчастью, к удивлению, к огорчению, к прискорбию, к досаде* и т. п.); 2) слова со значением уточнения, пояснения, ограничения (в

частности, *впрочем, кстати* и т. п.); 3) слова, указывающие на связь мыслей, порядок их изложения, способ оформления, близкие по функции к союзам — (*во-первых, наконец, напротив, наоборот, однако, итак, значит, следовательно, словом, так сказать* и т. п.) [7,8].

В источнике [9] показано, что модальные слова — это неизменяемая часть речи, выражающая отношение уверенности или неуверенности говорящего к высказанному сообщению в его соответствии действительности и передающая это значение введением в текст предложения слов со значением уверенности или предположения, грамматически не связанных с другими словами. Например: *Эта безлунная ночь, казалось, была все так же великолепна, как прежде (И.С.Тургенев).* Дальнейшее изучение категории модальности уже было на базе строгих логических понятий. Таким образом, в учении о модальных словах существуют две основные точки зрения — широкая (все вводные слова — модальные) и узкая (только некоторая часть вводных слов является модальными). Особую трудность для анализа представляют случаи, когда в слове совмещаются и признаки модального, и признаки знаменательного слова.

Модальность представляет собой одну из наиболее сложных языковых категорий, о природе, составе частных значений и средствах выражения которой высказываются различные и противоречивые точки зрения. Как известно [10], категории подразделяются на философские (диалектические) и не-философские (собственно научные, общенаучные). Понятие модальности является не-философской категорией, используемой различными науками, в частности, логикой и лингвистикой. Это понятие охватывает очень широкий круг явлений, их свойств и связей. Многообразие явлений, подводимых под понятие модальности, с неизбежностью приводит к различным, порою прямо противоположным, толкованиям данной категории логиками и лингвистами.

На английском языке модальные слова в основном также выражают субъективное отношение говорящего к высказываемой мысли [11]. Модальные слова имеют значение предположения, сомнения, вероятности, уверенности говорящего в мысли. Модальные слова выполняют функцию вводного члена предложения и обычно относятся ко всему предложению в целом. Некоторые модальные слова могут выполнять функцию слова-предложения: *of course, certainly, no doubt, perhaps.* Например: *Can you come to my place tonight? (Ты сможешь прийти ко мне сегодня вечером?) Certainly. (Конечно).* К модальным словам относятся такие слова, как: *perhaps, may be — может быть, of course — конечно, surely — конечно, несомненно, no doubt — несомненно, in fact — фактически, in truth — по правде сказать, действительно,* а также слова с суффиксом *-ly*, совпадающие по форме с наречиями: *possibly — возможно, probably — вероятно, certainly —*

конечно, несомненно, *naturally*— конечно, само собой разумеется, *evidently, obviously* — очевидно, *happily* — к счастью. Модальное слово, являясь вводным членом предложения, могут находиться: — в начале предложения: *Evidently our football team will win in tomorrow's match.* (Очевидно, наша команда выиграет завтра в футбольном матче), в середине предложения: *The plane will evidently be late due to the bad weather forecast.* (Самолет, опоздает из-за плохого прогноза погоды). *The plane will surely be late.* (Самолет опоздает несомненно). *The weather forecast is bad.* (Прогноз погоды плохой).

Структурно-семантический анализ категории модальности на основе материалов азербайджанского и английского языков дает следующие результаты. Модальность - это философско-лингвистическая категория, которая отражает отношение участника процесса общения, то есть содержания самой речи, к содержанию и реальности выражения. В зависимости от этого типа двойственных отношений классифицируют категорию модальности как объективную и субъективную модальность. Английские, и азербайджанские материалы подтверждают обоснованность этой мысли. Несмотря на генетические и типологические различия, материалы на азербайджанском и английском языках содержат эти основные положения и не выходят за их пределы. Однако, азербайджанский и английский языки не имеют прямых точек соприкосновения в области модальных слов, основные классы модальных слов в этих языках совместимы. В таких случаях модальные слова используются в простых и сложных предложениях, в диалогической речи, в тесном контакте с фрагментами речи и речевыми ситуациями. Они входят в разные части предложения и показывают очень красочную сборку и способности выражения мысли. Глядя на предложения азербайджанского и английского языков, можно увидеть, что между ними много общих и похожих различий. Например, в то время как многие модальные слова находятся в середине и в конце предложения на английском языке, их использование на азербайджанском языке в основном находится в начале предложения. Выбор и использование модальных слов зависит от языковой цели и намерения говорящего, а также от письменной речи автора [12].

Таким образом, как показал анализ, модальность в различных языках передается единицами разных языковых уровней:

лексического, лексико-грамматического, лексико-синтаксического и синтаксического. Семантическое членение поля достоверности в некоторых языках одинаково. Специфика средств выражения модальности достоверности в исследованных языках заключается в количественном составе разных разрядов модальных модификаторов.

Литература:

1. Электронный Учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Общее Языкознание» для специальности «Современные иностранные языки (перевод)»1-210601-02, //Белорусский Государственный Университет, Гуманитарный факультет, Кафедра теории и практики перевода. - составитель: О.В.Лапунова, доцент кафедры теории и практики перевода – 2014, 94 с.
2. Алиева Э.Н. Функционально-семантическая категория модальности и ее реализация в разноструктурных языках. – Дисс. на соиск. д.ф.н. – Москва, 2010.
3. <https://ru.wikipedia.org/wiki/1>
4. Hacıyev T.İ. Azərbaycan ədəbi dilinin tarixi – Bakı, 2012, 905 s.
5. <https://ru.wikipedia.org/wiki/2>
6. <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-120.htm>
7. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/749/>
8. Попов Р.Н., Валькова Д.П., Маловицкий Л.Я., Федоров А.К. Современный русский язык: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 //«Педагогика и методика нач. обучения» - 2-е изд., испр. и доп. - Москва, 1986, 464 с.
9. Бабайцева В.В., Николина Н.А., Чеснокова Л.Д. и др., под ред. Дибровой Е.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц //Учебник для студ. высш. учеб. заведений.-3-е изд. - Москва, 2008, 624 с.
10. Хомутова Т.Н. Система лексико-грамматических средств выражения ирреальной модальности в придаточных предложениях в современном английском языке – Дисс. на соиск. к.ф.н. – Москва, 1984.
11. <http://engtime.ru/modalnye-slova-modal-words>
12. Гарашова Е.М. Модальные глаголы в английском языке и средства их выражения в азербайджанском языке. – Дисс.на соиск.к.ф.н. – Баку, 2016.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ВЗГЛЯДОВ НА НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМУЮ РЕЧЬ КАК ОСОБЫЙ СПОСОБ ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*Довженко Игорь Константинович**Магистрант**Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),**г. Ростов-на-Дону****Володина Ольга Викторовна****доцент кафедры**лингвистики и межкультурной коммуникации**Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),**г. Ростов-на-Дону***THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF VIEWS ON IMPROPERLY DIRECT SPEECH AS A SPECIAL WAY OF TRANSMITTING OTHER PEOPLE'S STATEMENTS IN FICTION***Dovzhenko Igor Konstantinovich**Master student of Rostov State Economic University (RINH),**Rostov-on-Don****Volodina Olga Viktorovna****Associate Professor,**Department of Linguistics and Intercultural Communication,**Rostov State Economic University (RINH),**Rostov-on-Don***Аннотация**

В статье рассматриваются различные подходы к определению сущности и содержания несобственно-прямой речи как способа передачи чужих высказываний, используемого в художественной литературе. Описывается история возникновения рассматриваемого понятия, а также основные точки зрения на данное языковое явление, имевшие место как в отечественной научной доктрине, так и зарубежной.

Abstract

The article examines various approaches to the determining of the essence and content of improperly direct speech as a way of transmitting other people's statements used in fiction. The history of the occurrence of the concept under consideration is described, as well as the main points of view on this linguistic phenomenon, which took place both in the domestic and in foreign scientific doctrine.

Ключевые слова:

Несобственно-прямая речь, способ передачи чужой речи, смешанная речь, фигуральная речь, скрытая речь, история несобственно-прямой речи.

Keywords:

Improperly direct speech, the method of transmitting other people's statements, mixed speech, figurative speech, hidden speech, the history of improperly direct speech.

Современную художественную литературу невозможно представить без высказываний персонажей, диалогов героев, размышлений автора. Чужая речь выступает в качестве универсального средства, позволяющего наполнить текст, максимально его разнообразить и сделать интересным для чтения. С учетом же того, что способов передачи чужой речи в настоящее время существует большое множество, возможности авторов в данном плане и вовсе ограничены только их фантазией.

Одной из наиболее интересных форм передачи чужой речи является несобственно-прямая речь. Данный способ передачи чужих высказываний используется в художественных текстах не реже общеизвестной прямой и косвенной речи. При этом отличительная черта несобственно-прямой речи заключается в том, что при довольно широком употреблении понятия «несобственно-прямая

речь» его смысловое и сущностное наполнение не имеет однозначного содержания.

Во многом подобная ситуация обусловлена тем, что история развития учения о рассматриваемом способе передачи чужой речи характеризуется различными подходами к его определению, связанными с этапами культурно-литературных эпох [2, с. 54].

Первое документально подтвержденное исследование несобственно-прямой речи датировано 1887 годом. В работе немецкого филолога А. Тоблер описываемая форма передачи чужих высказываний рассматривалась как «своеобразное смешение прямой и косвенной речи». По мнению ученого, несобственно-прямая речь – это смешанная форма речи, заимствующая тон и порядок слов из прямой речи, а времена и лица глаголов из косвенной речи [5, с. 101].

Здесь важно отметить, что подобная позиция еще долгое время находила свое отражение в научной литературе, в том числе и отечественной, не смотря на то, что исследования продвигались все больше и больше вперед.

В 1880-е годы в свет выходит еще несколько трудов, затрагивающих проблему определения несобственно-прямой речи (Т. Калепки, П. Козловский). Авторы данных работ полагали, что помимо прямой и косвенной речи существует также «скрытая, завуалированная» и «фигуральная» речь, задача которой кроется в передаче чужих высказываний с помощью специфических приемов.

Большой вклад в развитие взглядов на несобственно-прямую речь в конце 19 – начале 20 века внес К. Фосслер. Немецкий лингвист, литературовед и основоположник мюнхенской языковой школы подходил к определению рассматриваемого способа передачи чужой речи с позиции «конкретной жизни языка», т.е. с точки зрения функционального использования несобственно-прямой речи в литературном языке. Другими словами, исследуемая форма передачи чужих высказываний интересовала К. Фосслера в стилистическом плане. В связи с этим последователи выдающегося немецкого лингвиста описывали несобственно-прямую речь со стороны ее психологической природы и эстетической эффективности. Это привело к огромному количеству стилистических оценок рассматриваемого способа передачи чужой речи и, как следствие, к огромному количеству обозначающих его терминов: «фигуральная речь», «косвенно прямая речь», «смешение прямой и косвенной речи», «пережитая речь», «представленная речь», «живописная или художественная косвенная речь», «непрямая речь», «полупрямая речь», «смешанная речь» и т.д. [6, с. 44].

В это же время в Швейцарии сформировался совершенно иной подход к определению несобственно-прямой речи. Известный швейцарский лингвист Ш. Балли полагал, что сущность и содержание исследуемой формы передачи чужих высказываний нужно раскрывать с позиции синтаксической конструкции. Для определения синтаксических признаков несобственно-прямой речи Ш. Балли и его ученики применяли метод сопоставления с синтаксическими конструкциями прямой и косвенной речи. Швейцарский лингвист даже выдвинул точку зрения о том, что несобственно-прямая речь представляет переходную (промежуточную) форму между прямой и косвенной речью [3, 59].

В отечественном языкознании способы передачи чужой речи, в том числе и рассматриваемый, активно исследовались в период с 1920-х годов по 1930-е годы. Например, в 1929 году вышла книга «Марксизм и философия языка», в которой ее автор В.Н. Волошинов затронул вопрос использования несобственно-прямой речи

во французском, немецком и русском языке. В данной книге русский философ с критических позиций освещает те мнения зарубежных лингвистов, которые существовали на тот момент, относительно несобственно-прямой речи. Из комментариев В.Н. Волошинова вытекает, что исследуемый способ передачи чужой речи – это новая, положительная тенденция активного восприятия чужого высказывания, особое направление динамики взаимоотношения авторской и чужой речи [4, с. 217].

Другой отечественный деятель науки – философ и культуролог М.М. Бахтин также затронул проблему использования несобственно-прямой речи в своей книге «Проблемы поэтики Достоевского». В указанной книге автор не использует термин «несобственно-прямая речь», вместо этого на примере работ Ф.М. Достоевского он выделяет три типа слова:

- прямое, т.е. непосредственно направленное на свой предмет, слово как выражение последней смысловой инстанции говорящего;
 - объективное, т.е. слово изображаемого лица;
 - двуголосое слово – слово с установкой на чужое слово.
- Под последним М.М. Бахтин фактически и понимал несобственно-прямую речь.

Надо признать, что труды и взгляды В.Н. Волошинова и М.М. Бахтина имели большое значение для своего времени и дали толчок развитию отечественного языкознания в вопросах изучения несобственно-прямой речи. Именно эти ученые очертили два основных направления, по которым в дальнейшем двигались советские и российские лингвисты при исследовании рассматриваемой формы передачи чужих высказываний. С одной стороны, несобственно-прямую речь изучали, сопоставляя ее с прямой и косвенной речью, т.е. продолжая развивать идеи Ш. Балли (статьи и пособия Алексеевой, Гвоздева, Пешковского, Бархударова). С другой стороны, данный способ передачи чужой речи расценивался как стилистический прием, представляющий взаимопроникновение речи автора и персонажа (подход языковой школы К. Фосслера, который отражался в работах Шведова, Фаворина, Кодухова и др.).

Дальнейшее развитие взглядов на несобственно-прямую речь, ее природу и суть происходило с 1950-х годов вплоть до настоящего времени. Причем проблема использования в художественной литературе рассматриваемого способа передачи чужой речи исследовалась как советскими и российскими учеными, так и зарубежными.

Например, австрийский филолог Л. Шпитцер определял несобственно-прямую речь как сложный прием передачи чужой речи, не только объединяющий и консолидирующий в себе особенности прямой и косвенной речи, но и обладающий своими отличительными аспектами.

Современные подходы к определению рассматриваемого способа передачи чужой речи по-прежнему не отличаются однородностью.

Так, по мнению Д.И. Арзуманиян несобственно-прямая речь – это языковая реализация стилистического приема субъективного повествования [1, с. 33].

В тоже время Е.Е. Беличенко полагает, что исследуемая форма передачи чужих высказываний представляет, с одной стороны, художественный прием, направленный на создание полифонии в тексте путем речевого взаимодействия (речевой контаминации) автора и персонажа, а с другой стороны, языковой механизм текстообразования [2, с. 58].

Это лишь часть точек зрения на несобственно-прямую речь существующих на данный момент в научной литературе. Существуют также и многие другие.

Подводя итог, отметим, что, по нашему мнению, взгляды на несобственно-прямую речь как особый способ передачи чужой речи характеризуется своей неоднородностью, поскольку каждый ученый, занимавшийся вопросами исследования данного явления, старался привнести в него что-то новое, по-своему определить его сущность, содержание и особенности.

Список литературы:

1. Арзуманиян Д.И. Обучение студентов-журналистов использованию несобственно-прямой речи в художественно-публицистических жанрах: на примере очерка. Диссертация кандидата

педагогических наук: 13.00.02 / Моск. пед. гос. ун-т. Москва. 2008. - 202 с.

2. Беличенко Е.Е. Несобственно-прямая речь в языке художественной литературы: Дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2006. - 194 с.

3. Блинова О.А. Лингвокогнитивный аспект репрезентации несобственно-прямой речи: на материале произведений Э. Хемингуэя: Дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. М., 2015. - 167 с.

4. Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. Марксизм и философия языка. СПб.: Изд-во АСТА ПРЕСС LTD, 1995. - 388 с.

5. Петросян Г.А. Функции и формы несобственно-прямой речи в жанре исторического романа: на материале произведений А.Н. Толстого «Петр I» и Ю.Н. Тынянова «Пушкин»: Дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Ставропольский государственный университет. Ставрополь, 2008. – 204 с.

6. Шарапова Ю.В. Несобственно-прямая речь в функционально-коммуникативном и структурно-семантическом аспектах: на материале английского языка: Дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Российский государственный педагогический имени А.И.Герцена. СПб, 2001. - 197 с.

ОБРАЗОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ГНЕЗД – ПОКАЗАТЕЛЬ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ МЕТАЯЗЫКА ЮРИСЛИНГВИСТИКИ

Зиянгирова Екатерина Леонидовна

соискатель научной степени к.ф.н.

*Башкирский Государственный Университет,
г. Уфа*

TERMINOLOGICAL FAMILY OF WORDS AS AN INDEX OF THE DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF THE JURIDICAL LINGUISTICS METALINGUISTIC CORPUS OF TERMS

Ziyangirova Ekaterina Leonidovna

*postgraduate degree seeker Cand. Sc.
of Bashkir State University, Ufa*

Аннотация

В данной статье рассматривается актуальное состояние терминологического аппарата метаязыка юрислингвистики, особое внимание акцентируется на наличии в нем активно образующихся терминологических гнезд. Наличие терминологических гнезд, характерных для терминосистем, свидетельствует о том, что терминологический аппарат метаязыка юрислингвистики находится отнюдь не начальном этапе научного развития (терминология), а переходном – от простой терминологии к терминологической системе.

Abstract

The subject of this paper is the actual status of the juridical linguistic metalinguistic corpus of terms with particular attention at active forming terminological family of words in it. Existence of the family of words (characteristic of the terminological system) evidence, that the juridical linguistic metalinguistic corpus of terms

is not at the starting stage of development, it has transitional stage of development from terminology to terminological system.

Ключевые слова: термин; юрислингвистика; метаязык.

Keywords: term; juridical linguistics; meta language.

Терминология юрислингвистического метаязыка находится на эволютивной стадии (отмечается тенденция ее перехода в терминосистему), так как уже становятся видны определенные связи между новыми терминами, термины поддаются классификации, они служат знаковой (языковой) моделью этой специальной области знания, между элементами терминологической лексики реализуются системно-семантические связи, построенные на синонимии, антонимии и гиперо-гипонимических отношениях. Также в ходе исследования были обнаружены группы терминов, реализующие еще один тип отношений, который приводит к образованию терминологических гнезд. Этот частный процесс, происходящий при участии лексико-словообразовательных средств языка, является показательным для определения научной сформированности юрислингвистического метаязыка, так как терминообразование производных слов от производящего слова-термина с помощью определенных образовательных формантов наряду с заимствованием и креацией является одним из способов устойчивого развития терминологической системы. Стоит отметить, что данное языковое явление характерно именно для терминологической системы, а не для терминологии. Об этом пишет и М. В. Половец: «образование терминологических гнезд – один из “естественных” систематизирующих факторов, важных для формирования терминосистем [4, с.56].

Терминологическое гнездо – это особый вид словообразовательного гнезда, являющего собой подсистему/ микросистему, представленную рядом терминов (в том числе и терминологических элементов, представленных предтерминами, терминологическими сочетаниями и пр.), объединенных понятийно и презентационно. Данное положение находит отражение в исследованиях современного ученого-языковеда И. Г. Кудрявцевой: «терминология любой отрасли представляет собой систему, состоящую из подсистем и микросистем, которые включают терминологические поля и терминологические гнезда» [1]. Иначе говоря, терминологическое гнездо – это «сложное структурное образование, совокупность словообразовательных цепочек терминов, каждый последующий из которых мотивирован предыдущим и связан с предыдущим понятийными отношениями» [4, с.56-57].

Центр терминологического гнезда – гнездообразующий термин, который, являясь специальной единицей, формирует первичную структуру терминологии.

В процессе образования терминологических гнезд могут наблюдаться так называемые сдвиги в значениях производных номинаций в результате

транстерминологизации, перехода лексемы из одной предметной области в другую с полным или частичным переосмыслением ее лексического значения [4, с.56-57].

По мнению ученых-лингвистов, существует несколько структурных типов словообразовательного гнезда:

1) гнездо-слово (однословное гнездо, т.е. одиночные слова, корневые, непроемные, не ставшие производными);

2) гнездо-пара слов (двусловное гнездо);

3) гнездо-цепь (цепочные гнезда);

4) гнездо-веер (веерные гнезда);

5) гнездо-дерево (древовидные гнезда).

[3, с.90].

Описание терминологических гнезд, представляющих метаязык юрислингвистики, преследует решение следующих задач:

1) выявление гнездообразующих терминов, обнаруженных в метаязыке юрислингвистики;

2) определение классов гнездообразующих терминов метаязыка юрислингвистики, руководствуясь сферами их функционирования;

3) определение состава терминологических гнезд и способы их пополнения.

В ходе исследования было выявлено 212 терминологических гнезд, гнездообразующие термины которых относятся к дисциплинам, коррелирующим с юрислингвистикой (лингвистика, литературоведение, юриспруденция, журналистика, политология, философия, история, психология, социология/ обществознание, культурология), общенаучные и собственно юрислингвистические. Также были обнаружены все 5 типов словообразовательных гнезд (по Моисееву А.И.), среди которых наиболее активным является – двусловный, например, *абандон – абандонирование, абстрактный – абстракция, агнономим – агнонимия* и пр.

Двусловный тип образования терминологических гнезд является простейшим, первичным способом пополнения гнезда. Его выявленная частотность – это еще одно доказательство того, что терминологический аппарат метаязыка юрислингвистики претерпевает качественные изменения и находится в процессе становления.

Также в ходе исследования были обнаружены цепочный, веерный и однословный типы словообразовательных парадигм.

Цепочный:

1) оскорбить – оскорбительный – оскорбительно;

2) истина – истинный – истинность и др.

Веерный:

1) жаргон – жаргонизация

– жаргонизм

– жаргонно-арготический;

- 2) апеллатив – апелляция
– апеллировать;
- 3) Легитимный – нелегитимный
– легитимность и др.

Однословный:

- 1) антитеза;
- 2) алгоритм;
- 3) аллюзия и др.

Все терминологические гнезда, обнаруженные в ходе исследования можно поделить на две группы: микро- и макро- гнезда. Если под микрогнездом (элементарным гнездом) в дериватологии понимаются единицы, словообразовательный потенциал которых равен одному слову, т.е. такое гнездо представлено либо парой слов, либо цепочкой слов, либо словообразовательной парадигмой, то под макрогнездом (сложным, комплексным гнездом) понимаются гнезда с несколькими производными. [2, с.84]. В терминологическом инструментарии метаязыка юрислингвистики были обнаружены макрогнезда, насчитывающие до 37 единиц.

Наиболее яркими примерами может послужить терминологическое гнездо, с ядром «инвектива», «лингв-» и «термин».

Древовидное терминологическое гнездо с первоначальной вершиной «инвектива» насчитывает 20 единиц. В составе данного макрогнезда были обнаружены не только двусловные, но и всерные и цепочные микрогнезда, представленные единицами разного уровня – терминами и терминологическими сочетаниями:

- Инвектива - интеллект-инвективы
- каламбур-инвективы
 - полит-инвективы
 - профессионал-инвективы
 - социоморальные инвективы
 - инвектор
 - инвектум
 - инвектогенный - инвектогенность
 - инвектология
 - инвективный - инвективный сценарий
 - инвективная лексика
 - инвективная стратегия
 - инвективный фрейм
 - инвективный результат
 - инвективность - шкала инвективности
 - индекс инвективности

Таким образом, данные примеры проиллюстрировали тенденцию образования терминологических гнезд, которая является показателем интенсивности развития юрислингвистики, обусловленной популяризацией данной предметной области и ее активной корреляцией с другими областями знания. Динамика развития этой молодой отрасли знания демонстрирует все нарастающий интерес со стороны исследователей по отношению к ней. Терминологические гнезда – это оптимальный инструмент отражения производности, системно-понятийных отношений между специальными номинациями, функционирующими в терминологической системе метаязыка юрислингвистики. Значительное количество образовавшихся терминологических гнезд свидетельствует о становлении нового научного знания, о его эволютивном состоянии – о качественном переходе из терминологии в терминосистему.

Литература:

- 1) Кудрявцева И. Г. Семантические характеристики терминологических словосочетаний в языке для специальных целей – режим доступа к изд.: <https://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/1219>
- 2) Лыков А. Г., Ключковская Г. А. Гнездо как высшая словообразовательная единица (к вопросу о соотношении и классификации единиц русского словообразования) / А. Г. Лыков, Г. А. Ключковская // Русская словообразовательная синтагматика и парадигматика: сб. ст. – Краснодар, 1991.
- 3) Моисеев А. И. Словообразовательная цепь как разновидность словообразовательной парадигмы // Русская словообразовательная синтагматика и парадигматика, 1991.
- 4) Половец М. В. Терминологические гнезда как способ отражения системности терминологии (на примере англоязычных терминов компьютерной лингводидактики) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. №170. – режим доступа к изд.: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminologicheskie-gnezda-kak-sposob-otrazheniya-sistemnosti-terminologii-na-primere-angloyazychnyh-terminov-kompyuternoy>

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУФФИКСА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ –УМ В
РАМКАХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИНТРУМЕНТАРИЯ МЕТАЯЗЫКА
ЮРИСЛИНГВИСТИКИ**

Зиянгирова Екатерина Леонидовна
соискатель научной степени к.ф.н.
Башкирский Государственный Университет,
г. Уфа

**THE PECULIAR OF THE SUFFIX –UM FUNCTIONING IN THE JURIDICAL LINGUISTICS
METALINGUISTIC CORPUS OF TERMS**

Ziyangirova Ekaterina Leonidovna
postgraduate degree seeker Cand. Sc.
of Bashkir State University, Ufa

Аннотация

В данной статье рассматривается особенность функционирования суффикса существительных –ум в рамках терминологического инструментария метаязыка юрислингвистики. В ходе исследования было выявлено, что указанный суффикс обладает специфическим, не реализуемым ранее оттенком значения, которое проявилось в дискурсе молодой отрасли языкознания.

Abstract

The subject of this paper is the peculiar of the suffix –um functioning in the juridical linguistic metalinguistic corpus of terms. There was identified, that this suffix has distinctive, not actualized before meaning, which appeared in discourse of the young discipline.

Ключевые слова: термин; юрислингвистика; метаязык.

Keywords: term; juridical linguistics; meta language.

В ходе исследования терминологического инструментария метаязыка юрислингвистики была обнаружена лексическая единица, в составе которой имеется суффикс –ум со специфическим, не реализуемым ранее оттенком значения.

Для начала отметим, что лексической единице *инвектум* соответствует антоним *инвектор*. Данные терминологические единицы метаязыка юрислингвистики обладают следующими значениями и характеристиками:

а) Инвектор – обидчик, оскорбитель [1, с.161]. Существительное *инвектор* образовалось от непроизводной основы «инвект–» суффиксальным способом – добавлением суффикса –ор, которому свойственно образовывать имена существительные, означающие названия лиц по роду деятельности. В ходе дистрибутивного анализа существительного *инвектор* была выявлена типовая конструкции употребления, являющаяся типичной для существительного: N1N2 – *поведение/ намерение инвектора*.

б) Инвектум – обиженный, оскорбленный [1, с.161], т.е. тот, на кого направлено оскорбление. В ходе комплексного дистрибутивно-деривационного анализа было выявлено, что существительное *инвектум* образовалось от непроизводной основы «инвект–» суффиксальным способом – добавлением суффикса –ум. Однако данный суффикс со значением, обнаруженным в данном производном слове, не отражен в словарях.

Сравнительный анализ лексем с суффиксом –ум (*индивидуум, критериум, океанариум,*

политехникум, постфактум, практикум, социум и пр.) показал, что все существующие значения суффикса –ум, не соответствуют значению, выявленному в производном существительном *инвектум*. Только в существительных *индивидуум* и *социум* суффикс –ум будет частично совпадать по морфемному значению с суффиксом –ум в исследуемом существительном *инвектум*, т.к. в существительных *индивидуум* и *социум* суффикс –ум имеет значение лица (лиц). Однако данный деривационный компонент не имеет семантики «направленности действия на лицо (лица)», что мы наблюдаем в существительном *инвектум*. В ходе дистрибутивного анализа существительного *инвектум* была выявлена следующая типовая конструкции употребления: N1N2 – *поведение/ намерение инвектума*.

Основываясь на данных исследования, было предложено закрепить не реализуемое ранее значение суффикса –ум, а именно: –ум – суффикс, образующий существительное со значением лица, на которое направлено действие, определяемое мотивирующим словом.

Литература:

1) Голев Н. Д., Лебедева Н. Б. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В.М. Шукшина). Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000.

УДК 821.161.2'06.09 К82
 ОРСНІЛ іD: 0000-0002-7258-8128

**«НА СТРУНАХ СЯЙВА ПОЧУТТЯ ЛЮБОВІ...»
 (БІОГРАФІЯ ФАКТІВ, ЛЮДИНОЦЕНТРИЧНИХ ПОГЛЯДІВ, ТВОРЧИХ ПОЧУТТІВ)**

Кривенчук В. М.

*здобувач кафедри журналістики та філології,
 Сумський державний університет,
 вул. Римського-Корсакова, 2, м. Суми, 40007, Україна
 DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.71](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.71)*

Анотація

Стаття «На струнах сяйва почуття любові...» присвячена життю і творчості поета-шістдесятника Станіслава Шумицького (20.03.37–3.01.1974) і названа рядком із його вірша. Він рано й трагічно помер, але в пам'яті співвітчизників і своїх творах залишився талановитим, сміливим новатором із відчуттям злободенності, вмінням помітити й відобразити у художньому слові потреби людської душі, сконцентруватися задля спроби вирішення складних філософських, естетичних та моральних проблем, бездуховності суспільства.

Анотация

Статья Валентины Кривенчук «На струнах сияния чувства любви...» посвящена жизни и творчеству поэта-шестидесятника Станислава Шумицкого (20.03.37–3.01.1974) и названа строкой из его стихотворения. Он рано и трагически покинул земной мир, но в памяти соотечественников и своих произведениях остался талантливым смелым новатором с чувством злободневности, умением заметить и отобразить в художественном слове потребности человеческой души, сконцентрироваться на решении сложных философских, эстетических и нравственных проблем, бездуховности общества

Summary

The article «On the strings of shining feeling of love» is devoted to the life and works of the poet of the sixties Stanislav Shumytskyi (20.03.37–3.01.1974). A line from his poem serves as the title of the article. Though he passed away tragically and too soon, he is still alive in his poetry and the memories of his compatriots as a talented courageous innovator with the highest sensibility to current concerns and the ability to notice and reflect in artistic images needs of the human nature, focusing his efforts on solving complicated philosophical, aesthetical and moral issues, spiritlessness of society.

Ключові слова: Станіслав Шумицький, журналіст, поет, спогади, поезія, духовність.

Ключевые слова: Станислав Шумицкий, журналист, поэт, воспоминания, поэзия, духовность.

Key words: Stanislav Shumytskyi, journalist, poet, memories, poetry, spirituality.

Актуальність сучасного літературознавства спрямована на проблемі виважено «реконструювати діяльність шістдесятників», регіональному підході до шістдесятництва [23], подоланні «бездуховності суспільства» [18]. Заповнити іще одну лауну в літературному процесі України є основною метою цієї статті, зокрема опублікувати основу на вже відомих і нових фактах біографію поета-шістдесятника з Харківщини, якого «поважали й любили молоді літератори та досвідчені майстри слова, бо він був доброю людиною, обдарованим поетом, знав усе, що писали його сучасники і вболівав за твори своїх друзів – як за свої власні. Мені випало бути з ним в одних студіях, в одній організації Спілки письменників... І спогади мої про нього найсвітліші» [15, 300]. Так писав 4 червня 1988 року про Станіслава Шумицького професор філології, поет і прозаїк Олександр Степанович Юрченко.

Фрагментарних матеріалів очевидців про творчість і факти біографії С. Шумицького, поета-шістдесятника чимало (М. Воробйова, М. Міщенко, І. Муратова, В. Борового, С. Васильчука, Г. Генфандбейна, О. Гольдеса, О. Дністрового, Ю. Стадниченка, О. Червченка, Л. Кучерявої, О. Олійника, М. Гетьманця, В. Омельченка, В. Шейка)

[5], але немає жодної публікації, у якій би досліджувалися життєвий шлях Станіслава Шумицького від дитинства до його трагічної загибелі. Тож **актуальність завдання** нашої роботи становить систематизація та узагальнення нових фактів біографії поборника бездуховності суспільства Станіслава Шумицького, спогади очевидців митця та відгуки прихильників творчої особистості.

Український поет-шістдесятник, журналіст, перекладач, автор критичних статей, член Спілок письменників і журналістів України Станіслав Шумицький народився в сім'ї службовців у місті Саратові 20 березня 1937 року. Батько – Василь Миколайович, росіянин, 1911 року народження, військовослужбовець, загинув під час Другої світової війни, у 1942 році. Матір – Галина Василівна, українка, народилася в місті Суми у 1914 році, після закінчення семирічної школи вступила до Сумського педагогічного інституту, де навчалася два роки.

Народився в сім'ї службовців у місті Саратові 20 березня 1937 року. Батько Василь Миколайович загинув під час Другої світової війни. Матір – Галина Василівна, українка, народилася в місті Суми у 1914 році, закінчила Сумський педагогічний інститут і в 1945 році разом із сином

переїздить у село Гути Богодухівського району. Там Станіслав навчався у першому класі школи-інтернат. Наступного року мігрують у село Коломак Валківського району, де проживали більше двох років. Тут він познайомився із другом футуриста Михайла Семенка Олександром Юхимовичем Коржем, жителем села Огульці, автором книги поезій степової тематики «Борт», із яким підтримував пізніше ділові стосунки. Олександр Корж дав Шумицькому матеріали-спогоди про Володимира Сосюру та Майкла Йогансена, які останній пізніше опублікував. Станіслав Шумицький полубляв поезію Володимира Сосюри та Сергія Єсеніна. «З Сосюрою він ... листувався» [19, 158]. Пізніше «Шумицький узяв на себе тоді неабияку сміливість публікувати не реабілітованого тоді ще Коржа» [19, 164].

У 1949 році мати із сином переїздить у село Караван Харківського району. Молода учителька української мови та літератури Євдокія Кузьмівна М'якишева стала щирою порадицею й наставницею юного поета, прищепила йому любов до літератури, поезії. У листі-відповіді до своїх учнів вона писала: «Стас був дуже стараним, скромним учнем. ... Дуже любив природу, народні пісні, щиро ставився до людей, але не терпів нецтва, безсовісності, чванства й відверто засуджував такі риси у людях. Ще під час навчання у школі в 1953 році опублікував у комсомольській пресі свої перші вірші» [21].

Віталій Луговий та Євгенія Мирошніченко, його однокласники, пригадують той післявоєнний час, коли були холодні й голодні. Типова жорстка доля спіткала усе молоде покоління шістдесятників, не минула вона і Станіслава Шумицького та друзів і соратників творчості, Роберта Третьякова, Олександра Брагінського, Василя Бондаря, Юрія Симонова [4; 10], проте Станіслав завжди був чисто й охайно одягнений, із білим комірцем на піджачку. Любив літературу, історію, брав участь у літературному гуртку, багато читав. Його вірші розміщували у шкільній стінгазеті.

У 1954 році Станіслав закінчив Малинівську середню школу Чугуївського району Харківської області. Член Спілки письменників Валерія Богуславська, згадуючи про Станіслава Васильовича, слушно констатує: «Шумицький мав би стати не лише поетом, а, у першу чергу, співаком. Володаря гарного голосу не прийняли до консерваторії через ваду дикції – не вимовляв «р» [2]. До 1957 року навчався у Лозівському ветеринарному технікумі. Однак покликанням юнака була не ветеринарія, а література. Рання його поезія «Шлях», що надрукована 1956 року, споріднена темою материнської любові з «Пісню про рушник» Андрія Малишка, написаною 1959 року [7; 14]. Уже в цій поезії визначається основа творчого методу С. Шумицького – уміння створювати неповторні метафори, зокрема їх різновид – персоніфікацію. Наділення творчості живою силою природи пізніше дало можливість

створити своєрідні й неповторні ліричні мініатюри-етюди.

Із 1957 року Станіслав Шумицький почав працювати журналістом у редакції молодіжної газети Харкова «Ленінська зміна» й одночасно позаштатним кореспондентом газет «Червоний прапор», «Вечірній Харків», «Соціалістична Харківщина», а також журналів – «Вітчизна» та «Прапор. Поїхав до Москви, де успішно склав іспити і вступив у Літературний інститут. Але залишив навчання, повернувся до Люботина, бо тяжко захворів дідусь, якого нікому було доглядати. Із 1960 року почав відвідувати літературні студії при газеті «Ленінська зміна» та літературний осередок (керівник на той час Юрій Герасименко) філологічного факультету Харківського державного університету, а наступного року став його студентом.

Станіслав Шумицький прагнув передати своє сприйняття світу й життя читачеві своєю поезією. І це йому вдалося. Спочатку друком у часописах «Вітчизна», «Прапор», «Дніпро», «Ранок», обмінними сторінками в журналі «Сибірские огни». У час так званого «вибуху» шістдесятників написав більше сорока поезій, а серед кращих – поезію під символічною назвою «Титан», що присвячувалась непереможному духу українського народу. До духовних відчуттів людей дійшов своїми публіцистичними статтями, оповіданнями, репортажами, прозовими нарисами, рецензіями, малими прозовими гуморесками та ліро-епічними жанрами – поемами, віршованими нарисами, баладами, комедією-феєрією, а також – дружніми шаржами, ліричними мініатюрами сатиричного характеру, байками, філософською сугестією, медитаціями, піснями, етюдами, елегією [6, 23], збірками поезій «Ознаки вірності» (1963), «Сорок ударів серця» (1966), «Герої приходять у пісню» (1971). Найбільшої досконалості досяг митець у малих поетичних жанрах. Елегійна тенденція стала провідним елементом його поетичного стилю [5, 127-153].

15.10.1961 у газеті «Ленінська зміна» надрукований віршований нарис-поема С. Шумицького «Назустріч сонцю». Літературна критика в особі Юрія Стадніченка відзначила, що він один із перших у Харкові почав опрацьовувати жанр віршованого нарису, прославляючи працю сучасників. Поеми-нариси стали суто провінційним явищем, у літературі не прижилися, відійшли із часом на периферію історії, проте засвідчили певний соціально-психологічний стан свідомості й суспільний вектор поведінки цілого покоління шістдесятників у літературному процесі, їх політичну роздвоєність. У цей же 1961 рік гуманізм простої людини став провідною рисою естетики молодого С. Шумицького. Безповоротно втрачена людяність розцінювалася поетом страшнішою за найтяжчий недуг. Він намагався душею та серцем, своїм палким словом дійти до глибин душі читача, про що засвідчила збірка його поезій «Ознаки вірності» (1963). Провідною рисою збірки стала нова гуманістична тональність віршів.

У 1964 році С. Шумицького прийняли до Спілки письменників України. Станіслав Шумицький працював у Харкові, проте часто потягом приїздив у Караван до мами, яку дуже цінував, турбувався про неї. У 1964 році його прийняли до Спілки письменників України. Ірена Корж пригадує, як під час однієї поїздки потягом наприкінці 1965 року зустріла Станіслава, розповідав, що готує нову збірку. Ще не вирішив, як назвати, може – «Зорі падають у серце». Збірка вийшла у 1966 році під назвою «Сорок ударів серця» [5, 70; 12; 13, 176]. Іван Перепеляк пригадує події, коли поема-балада «Сорок ударів серця» вперше була надрукована у пресі. «Події склалися так, що балада, запланована на першій сторінці, була ще наполовину недописана. І тоді Шумицький, закрившись у кабінеті на годину, дописав баладу» [13, 174]. Талановитий і вправний Станіслав Шумицький присвятив твір відповідальному за випуск газети Володимиру Милюсі. Валерія Богуславська (була учасницею харківської літстудії й навіть перекладала у той час баладу «Сорок ударів серця» на російську мову) з цього приводу переконана: «Станіслав Шумицький заслуговує на повернення в живий плін літературного життя». Саме тоді Станіслав Шумицький розчулився й відверто зізнався, що «завдання літконсультанта – відвернути автора від видання його творів» [2]. Особливістю його другої збірки (1966) стала поглиблена філософічність. Більшість її поезій відображали закономірності життя, вічності буття і смерті, призначення людини [11, 194]. Ліричний герой ніби сприймав дійсність здала, як сторонній наратор-оповідач, і водночас схвильовано. Керівників обкому привернула увагу поезія з алегоричною назвою «Кінь», у якій поет говорив про тяжку долю трударя. Факт такої події констатує Павло Губський: «Ти пиши, та не заривайся», – суворо попередили його «народні пророки» [1, 116]. Після надрукування у пресі багатопроblemної медитації «Цвіт папороті» 8 червня 1966 року, у якій найважливішими проблемами виявилися: людина і природа, реалізація творчого «я» у поезії (автор езопівською мовою прагнув заперечити соцреалізм), поезії С. Шумицького все рідше стали з'являтися у пресі.

У 1961 році він познайомився із Тетяною Мозговою. Молоді люди побралися. У селі Караван народилася донька Маринка, люблячій донці тато присвятив поезії «Безсоння» та гумористичну феєрію «Лісова легенда», головна ідея якої стверджувала: ніжне створіння, пісню, поезію можна привабити лише добром [9, 172]. Невдовзі молода сім'я переїхала до міста Обухова Київської області, де мешкала родина дружини. Два роки Станіслав працював у редакції обухівської районної газети «Зоря Жовтня». На жаль, сім'я не склалася. Після повернення з Обухова Шумицький став працювати редактором газети «Вечірній Харків».

18 липня 1970 року в російськомовній газеті «Красное знамя» зазначалося: «Харківська організація Спілки письменників України висунула

на отримання обласної комсомольської премії імені Героя Радянського Союзу Олександра Зубарева цикл пісень «Герої приходять у пісню» на слова С. Шумицького і збірку його віршів «Сорок ударів серця». Пропонуємо читачу вірші із нової книги поета, яка виходить у видавництві «Прапор» [22]. Премії за свої пісні та вірші С. Шумицький так і не отримав. Олександр Черевченко і Роберт Третьяков стали першими лауреатами премії Харківського комсомолу. Так культурницький рух поступово політизувався. На той час влада випробувала різні підходи до справжніх талантів, намагалася знайти компроміс між ними, іноді вдавалася до терору. Але Станіслав Шумицький не прагнув ані слави, ані нагород [15, 199].

Остання прижиттєва збірка поета надрукована 1971 року. Вірність, чистота і щирість почуттів стали головними мотивами естетики митця. У віршах відчутний прояв естетики експресіонізму, ескапізму, чергування гротеску, фантастичного і реального з сюрреалістичними ілюзіями. Багато творів не ввійшли до збірок, невідомі вони й сьогоднішньому читачеві. У більшості його поезій щиро осмислюється непроста діалектика почуття вольності, його вірші завжди зцементовані філософською думкою.

Член Спілки письменників Іван Мироненко вперше познайомився із Стасом Шумицьким 1969 року на обласній нараді молодих літераторів Харківщини. У своїх роздумах-спогадах зазначає, що в С. Шумицького «не було нічого нерухомого, закам'янілого... врів у спроможність свого поетичного «Я», був обдарованим і зачаровував своїми віршами. Про його поезії схвально відгукнулися «старші майстри слова», «три Василі»: Мисик, Бондар, Боровий («і трійця Іванів»): Багмут, Вирган, Шутов. Стас мав гарну пам'ять, говорив віршами... захоплювався мистецькою грою, проявляв себе умілим діалектиком... намагався логічно переконати опонентів у правдивості своїх логічних суджень» [3].

3 січня 1974 року Станіслава Шумицького не стало, його знайшли біля університету з пробитим черепом. Лише 24 січня померлого випадково розпізнав у морзі Юрій Мушкетик. Трагічна подія відбулося тоді, коли поет підготував для видавництва «Радянський письменник» (нині «Український письменник») свою четверту книжку із 43 віршами «Осінь відкриває обрії». Не стало людини. Не була надрукована і збірка віршів. Із цього приводу Світлана Маркова зазначає припущення: «Загадкова смерть Станіслава Шумицького і дії тогочасних чиновників Харкова залишають багато» роздумів. Комусь не догодив Станіслав Шумицький можливо «своїм гострим пером, чи правдолюбством». «Певно, були у Стаса Шума (так його звали між собою друзі) недоброзичливці серед посадовців, які й намагались замести сліди насильницької смерті поета» [20].

У квітні 2007 року відбулося відкриття меморіальної дошки Станіславу Шумицькому у школі села Караван. Залюблена у поезію поета-

земляка, колишня завуч школи Лідія Кучерява згадує Станіслава Шумицького, перед нею постає людина з розумними очима, проста, скромна: «Великий правдолюб, сміливий, відвертий» [4]. «Він був високої душевної чистоти, щирості й доброзичливості» [17, 204].

Маємо право підсумувати: тонкий лірик Станіслав Шумицький прожив дуже коротке життя, неповних тридцять сім років, видав три прижиттєві книги, проте зумів сказати те сокровенне, що відлинує щемом у серці багатьох людей і здатне будити роздуми, не залишає байдужим.

Твори поета Станіслава Шумицького мало відомі сучасному читачеві, проте органічно доповнюють загальну картину поетичного шістдесятництва ХХ ст., можуть бути небайдужими й цікавими прийдешньому поколінню.

Список використаних джерел

1. Губський П. В. Видатні люди Каравана. Караван: Історія. Харків: «Просвіта», 1998. С. 116.
2. Інтерв'ю з Валерією Богуславською. 2. 12. 2005.
3. Інтерв'ю з Іваном Мироненком. 15. 06. 1992. Із архіву Лідії Кучерявої.
4. Інтерв'ю із Лідією Кучерявою. 10.07. 2016.
5. Кривенчук Валентина. Естетико-філософські пошуки творчості Станіслава Шумицького в культурно-історичному процесі 60-х рр. ХХ ст.: Монографія. Харків: Самвидав. 2001. 170 с.
6. Кривенчук В. М. Жанрові особливості лірики С. В. Шумицького. Програма 4-ї наукової конференції молодих учених та викладачів за 1990–1991 рр. – Харків: ХДПІ. 1992. С.23.
7. Кривенчук В. М. Життя і творчість С. В. Шумицького. Міжнародна науково-практична літературознавча конференція. Харків, 1991. 12 с.
8. Кривенчук Валентина. Забутий поет. Слобода. 1992. 15.01. №5. С.8.
9. Кривенчук Валентина. Лісова легенда. Слобожанщина. 2000, № 14. С. 170 – 172.
10. Кривенчук Валентина. На меридіані поезії. Слобода. 1992. 3.02. №21 (120). С.7.
11. Кривенчук Валентина. Нереалізований феномен ліричної своєрідності. Слобожанщина. 2000, № 13. С. 192–195.
12. Кривенчук Валентина. Поет Слобожанщини. Спектр. Січень, 2000. №1(28). С.5.
13. Кривенчук Валентина. Сонце його таланту. Слобожанщина. – 2000, № 17. С. 174–177.
14. Кривенчук В.М. Станіслав Шумицький (літопис життя і творчості). Наукова конференція «Харків ХХ ст.»: Історія, культура, політика. Харків, 1991. 12с.
15. Кривенчук В. М. Спогади про Станіслава Шумицького. Наукові записки Харківського державного педагогічного університету ім. Г.С.Сковороди: Серія літературознавство. Випуск 1 (25), 2000. С. 298–300.
16. Кривенчук Валентина. Станіслав Шумицький та його середовище. ХарківЛІТ №7. 2017. С.193–200.
17. Кучерява Л. Пам'яті поета-земляка Станіслава Шумицького. ХарківЛІТ№7. 2017. С. 201–204.
18. Літературознавство ХХІ століття: сучасні виклики та перспективи : XV Міжнародна наукова конференція молодих вчених (19–21 червня 2019 р.) / Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. URL: www.ilnan.gov.ua/.../621-xv-mizhnarodna-naukova-konferencija.
19. Лисенко Іван. Поезії видіння осяйне. Літературні портрети та спогади. К.: Рада, 2002. 192 с. ISBN 966-7087-48-4.
20. Маркова С. На дорозі до безсмертя. Сільські новини. Із архіву Лідії Кучерявої. 2017. 25.05.
21. М'якишева Євдокія Кузьмівна. Лист-відповідь учням. 1989. 22.12.
22. Об'ява Харківської організації Спілки письменників України. Красное знамя. 1970. 18 лип. № 199 (8021). С. 4.
23. Семінар «...І знову про шістдесятництво: досвід (пере)осмислення...» (28 листопада 2017 р.). Стенограма. 01: 09 (час на диктофонному записі) / Інститут літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України ; Центр дослідження проблематики українського шістдесятництва. URL: www.ilnan.gov.ua/.../486-i-znovu-pro-shistdesiatnytstvo-dos...

List of references

1. Hubskeyi P.V. Vydadni liudy Karavana/ Pavlo Vasylovych Hubskeyi// Karavan: Istoriia. Kharkiv: «Prosvita», 1998. P. 116 (in Ukrainian).
2. Interviu z Valeriiu Bohuslavskoiu. 2. 12. 2005. (in Ukrainian).
3. Interviu z Ivanom Myronenom. 15. 06. 1992. Iz arkhivu Lidii Kucheriavoi. (in Ukrainian).
4. Interviu iz Lidiieu Kucheriavoiu. 10.07. 2016 (in Ukrainian).
5. Kryvenchuk Valentyna. Estetyko-filosofski poshuky tvorchoosti Stanislava Shumytskoho v kulturno-istorychnomu protsesi 60-kh rr. KhKh st.: Monohrafiia. Kharkiv: Samvydav. 2001. 170 p. (in Ukrainian).
6. Kryvenchuk V. M. Zhanrovi osoblyvosti liryky S.V.Shumytskoho. Prohrama 4-yi naukovoi konferentsii molodykh uchenykh ta vykladachiv za 1990 – 1991 rr. Kharkiv: KhDPI, 1992. P.23 (in Ukrainian).
7. Kryvenchuk V.M. Zhyttia i tvorchist S.V.Shumytskoho. Mizhnarodna naukovopraktychna literaturoznavcha konferentsiia. Kharkiv, 1991. 12 p. (in Ukrainian).
8. Kryvenchuk Valentyna. Zabutyi poet. Sloboda. 15.01.1992. P. 8 (in Ukrainian).
9. Kryvenchuk Valentyna. Lisova lehenda. Slobozhanshchyna. 2000, № 14. P. 170–172 (in Ukrainian).
10. Kryvenchuk Valentyna. Na merydiani poezii Sloboda. 1992.3.02. P. 7. (in Ukrainian).

11. Kryvenchuk Valentyna. Nerealizovanyi fenomen lirychnoi svoieridnosti. Slobozhanshchyna. 2000, № 13. P. 192–195 (in Ukrainian).
12. Kryvenchuk Valentyna. Poet Slobozhanshchyny. Spektr. Sichen, 2000. P. 5. (in Ukrainian).
13. Kryvenchuk Valentyna. Sontse yoho talantu. Slobozhanshchyna. 2000, № 17. P. 174–177 (in Ukrainian).
14. Kryvenchuk V. M. Stanislav Shumytskyi (litopys zhyttia i tvorchosti). Kharkiv, 1991. 12 p. (in Ukrainian).
15. Kryvenchuk V. M. Spohady pro Stanislava Shumytskoho. Naukovi zapysky Kharkivskoho derzhavnogo pedahohichnoho universytetu im. H.S.Skovorody: Serii literaturoznavstvo. – Vypusk 1 (25), 2000. P. 298–300 (in Ukrainian).
16. Kryvenchuk Valentyna. Stanislav Shumytskyi ta yoho seredovyshche. KharkivLIT№72017. P. 193–200 (in Ukrainian).
17. Kucheriava L. Pamiati poeta-zemliaka Stahislava Shumytskoho. KharkivLIT№72017. P. 201–204 (in Ukrainian).
18. Literaturoznavstvo KhKhI stolittia: suchasni vyklyky ta perspektyvy : XV Mizhnarodna naukova konferentsiia molodykh vchenykh (19–21 chervnia 2019 r.) / Instytut literatury im. T. H. Shevchenka NAN Ukrainy. URL: www.ilnan.gov.ua/.../621-xv-mizhnarodna-naukova-konferentsiia. (in Ukrainian).
19. Lysenko Ivan Maksymovych. Poezii vydinnia osiaine. Literaturni portrety ta spohady. K.: Rada, 2002. P. 163–164. 192 p. ISBN 966-7087-48-4. (in Ukrainian).
20. Markova Svitlana. Na dorozh do bezsmertia. Silski novyny. Iz arkhivu Lidii Kucheriavoi. 2017.25.05. (in Ukrainian).
21. Miakysheva Yevdokiia Kuzmivna. Lyst-vidpovid uchniam. 1989.22.12. (in Ukrainian).
22. Obiava Kharkivskoi orhanizatsii Spilky pysmennykh Ukrainy. Krasnoe znamia. 1970. 18 lyp. № 199 (8021). P. 4. (in Russian).
23. Seminar «...I znovu pro shistdesiatnytstvo: dosvid (pere)osmyslennia...» (28 lystopada 2017 r.). Stenohrama. 01:09 (chas na dyktofonnomu zapysi) / Instytut literatury im. T. H. Shevchenka NAN Ukrainy ; Tsentr doslidzhennia problematyky ukrainskoho shistdesiatnytstva. URL: www.ilnan.gov.ua/.../486-i-znovu-pro-shistdesiatnytstvo-dos-... (in Ukrainian). P.S.: (див. : vasua.vas@mail.ru) DOI шукати: Kryvenchuk V. M. Criteria of intertextuality and intertextual relations in the Reminiscences of some literary genres based on quotes of early Taras Shevchenko's ideas and «The Ballad of Waiting» by Stanislav Shumytskyi: The Fourteenth European Conference and Languages, Literature and Linguistics. Vienna, «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria, – 10-th February, 2017. P. 62 – 67.

**ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ РОМАНА Ж. АГУЛАУЗА
«ПРОДАВЕЦ ПРОШЛОГО»**

Матвиенко Анна Игоревна

кандидат филологических наук, доцент

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

ФГАОУ «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

г. Ялта

DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.74](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.74)

**THE PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION OF HEROES IN THE NOVEL OF J. AGULAUZ
«SELLAR OF THE PAST»**

Matvienko Anna

*Candidate of Philology, associate professor
of V. I. Vernadsky Crimean Federal University*

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблемы идентичности героев романа angolского писателя Ж. Агулаузы «Продавец прошлого», написанного в контексте магического реализма. Было установлено, что персонажи романа испытывают трудности в личной идентификации вследствие неприятия собственного телесного образа, а также из-за того, что прошлое и память для них являются травматическими категориями. Автор пришла к выводу, что выявленные особенности личной идентификации героев романа Ж. Агулаузы обусловлены поэтикой магического реализма, которую отличает противостояние норме, регламенту. Таким образом, герои романа постоянно выходят за пределы нормы, находясь в поисках собственной идентичности.

Abstract

The article is devoted to the identity problem studying of the heroes of the novel of the Angolan writer J. Agulauza “Seller of the past”, written in the context of magical realism. It was found that the characters of the novel have difficulties in personal identification due to the rejection of their own bodily image, and also because the past and memory are traumatic categories for them. The author came to the conclusion that the revealed features of the personal identification of the heroes of the novel by J. Agulauz are due to the poetics of magical realism, which is distinguished by the opposition to the norm and regulation. Therefore the heroes of the novel constantly go beyond the norm, being in search of their own identity.

Ключевые слова: идентичность, магический реализм, «тело без кожи», память, миметические отношения;

Keywords: identity, magic realism, “body without skin”, memory, mimetic relations.

В условиях глобализации, культурного многообразия и сосуществования разнородных культурных традиций особую актуальность приобретают вопросы межкультурного взаимодействия, культурного контакта и самоидентификации, что находит самое яркое проявление в современной художественной литературе, в том числе латиноамериканской.

Латиноамериканская литература это уникальный феномен мировой культуры. Е. Протоковилова в диссертации «Культурная идентичность в современной латиноамериканской литературе» отметила, что «современная латиноамериканская литература, являясь отражением процесса транскультурации и результатом длительной самоидентификации, стала связующим звеном между Старым и Новым Светом и прямым доказательством самобытности Латинской Америки» [6, с. 12]. Именно в контексте латиноамериканской литературы зарождается магический реализм, который сегодня, в силу своей популярности, отождествляется не только с латиноамериканской литературой, но и с мировой литературой в целом. Стиль магического реализма распространился и на другие национальные литературы. В современной литературе «магического реализма» одной из ключевых тем является тема одиночества человека, мучительных поисков культурно-исторической и личной идентичности.

Проблематика латиноамериканской культурной идентичности и культурного самоопределения затрагивалась в работах таких зарубежных и отечественных исследователей, как А. Рейес, А. Услар Пьетри, П. Э. Уренья, Р. Ф. Ретамар, Х. Л. де Имас, Х. Ларриан, Т. Бенса, Ю. Н. Гири и др. Однако для нас особый интерес составляет исследование особенностей личной идентичности персонажей произведений, созданных в контексте магического реализма.

В романе современного ангольского писателя, выходца из Латинской Америки, Ж. Э. Агулауза «Продавец прошлого» проблема поиска личной идентичности реализована сквозь призму таких персонажей как, например, ящерица Евлалий и Феликс Вентура.

Необычным с самого начала романа является то, что рассказ ведется от имени геккона, который наблюдает за всем происходящим из расщелины в потолке дома, где он живет. Геккон не просто ящерица, редко встречающаяся в Южной Африке, которая родилась и живет в доме букиниста и специалиста по генеалогии Феликса Вентуры, это существо, которое не может себя точно идентифицировать. Проблема самоидентификации этого персонажа заключается, в частности, в неприятии им собственного телесного образа.

Здесь считаем необходимым обращение к концепции нарративной идентичности П. Рикера,

согласно которой «идентичность истории создает идентичность персонажа» [8, с. 180]. Идентичность персонажа формируется в процессе постоянной смены и взаимодействия самоидентичности и инаковости. Другими словами, «онтологическому конструированию личности внутренне свойственная диалектика одинаковости и самости» [8, с. 9]. Одной из важнейших черт «самости», согласно теории П. Рикера, является поддержание себя, своего «Я», которое реализуется, в том числе, посредством самооценки. Самопонимание или самооценка персонажа формируется в результате интерпретации собственной телесной формы в сравнении с телом Другого и благодаря «идентификациям – по ценностям, нормам, идеалам, моделям <...> в которых узнают себя личность и сообщество» [8, с. 152].

Интересным образом происходит самоидентификация ящерицы Евлалий. Геккон, пытаясь отыскать собственное «Я», сравнивает себя с другими ящерицами и приходит к выводу, что все знакомые ему ящерицы в прошлом были людьми разного социального положения и рода занятий. Так, среди знакомых Евлалий отыскал ящерицу, которая была в прошлом дантистом из Бостона, другая – продавала цветы в Бразилии, а третья ящерица помнила, что была кардиналом в Ватикане. Сравнение себя с другими подобными существами еще раз убедило геккона в том, что его телесная оболочка не соответствует внутреннему самоощущению. Более того, геккон понял, что подобных биологических перверсий вокруг него достаточно много.

В данном контексте уместно, по нашему мнению, обращение к понятию «тела без кожи» В. Подороги. Согласно феноменологической теории телесности В. Подороги «тело без кожи» – это тело, «лишенное самообладания» [9, с. 55], четкой границы с внешним миром. Поскольку кожную поверхность человека можно рассматривать, по убеждению ученого, как «самое близкое к миру Внешнего <...> последн[ую] грани[цу], барьер, порог» [9, с. 51], то «человек без кожи» – это человек без индивидуального тела.

Кожа оберегает и скрывает сложную внутреннюю работу тела так, что обеспечивает ей безопасность и делает ее таинственной. Как справедливо отметил Дж. Хартнелл в книге «Голое средневековье» «кожа еще обращена вовне, подавая своей поверхностью сигналы о личной и расовой идентичности и становясь публичным фасадом личности, которую она в то же время ограждает» [4, с. 93].

В контексте анализируемого нами романа Ж. Агулауза геккон – это «существо без кожи» еще и потому, что он был альбиносом, т.е. его кожа была лишена пигмента, который бы мог стать своего рода телесным маркером национальной идентичности. В метафорическом смысле, телесная

самоидентификация данного персонажа усложняется из-за отсутствия цвета кожи еще и потому, что действие романа разворачивается на Африканском континенте, где господствует негроидный этнокультурный тип. А значит, существо с белой кожей так или иначе воспринимается окружающими как экзотика, чужая в данном пространстве. В этом смысле необходимо вернуться к концепции идентичности П. Рикера, а именно к мысли ученого о влиянии других людей на самопонимание «Я», которое познает себя через эти влияния. В этой связи становится понятным, почему геккон так явно ощущает отстраненность от собственного тела: «я чувствовал, что они говорят не обо мне, а о постороннем существе с не очень понятной биологической аномалией» [3, с. 149].

Подобное неприятие собственного тела персонажа романа Ж. Агулаузы лежит в плоскости эстетики магического реализма в понимании А. Кофмана, а именно коррелирует с мыслью ученого о том, что «основу латиноамериканской ментальности составил процесс самоидентификации, стержнем которого стало противопоставление себя европейцу и выявление самобытности «своего» мира» [1, с. 27]. Иными словами, цвет кожи геккона-альбиноса только подчеркивает инаковость существа в африканском мире, а значит служит одной из причин неприятия собственного тела.

Таким образом, ящерица воспринимает свое тело как «тело вне нормы», т. е. тело, которое «не испытывает нужды в <...> собственном образе, ибо существует вне образных систем, обслуживающих нормативные и феноменальные тела, в разрывах между ними» [9, с. 72]. Более того, персонаж осознает свое тело «чужим», таким, в котором ему не место и он является лишь заключенным в нем по какой-то глупой случайности.

Данные наблюдения подтверждают мысль о том, что без телесной самоидентификации невозможна идентичность личности. В. Подорога по этому поводу очень точно отметил, что «именно потому, что мы находимся внутри собственного тела <...> мы обладаем «Я-чувством», переживанием психосоматического единства, абсолютно уникальным и неповторимым, которое позволяет нам порождать вполне определенные образы собственного тела, соотносить их с образами и реальностью других тел и тем самым обращаться к собственному «Я» и утверждать его центральное положение в мире» [9, с. 18].

Кроме этого, проблема самоидентификации героев романа Ж. Агулаузы связана и с категориями памяти, реальности и фантазии. Так, геккону Евлалию постоянно снятся сны, в которых он не ящерица, а «высокий мужчина с вытянутой физиономией, тучный, к тому же с дряблой, несколько бледной кожей, плохо скрывающий презрение по отношению ко всему остальному человечеству» [3, с. 166]. Тут важно отметить, что многочисленные сны, которыми грезил геккон, воспринимались им как реальность: «мои сны

почти всегда не в пример более правдоподобны, чем реальность» [3, с. 160]. Здесь, безусловно, накладывает отпечаток поэтика «магического», которая, по мнению О. Овчаренко, выражается в «искажении пространственного жизнеподобия» [11, с. 276] и свидетельствует о сверхреальном, магическом содержании. «Подобное искажение и проявляется через мотив сна и смещение границ между реальным и ирреальным» [11, с. 276]. Постоянное чередование воспоминаний, фантазий, сновидений и действительности создает эффект атемпоральности, нивелирования пространственных и временных границ, что также является отличительной особенностью «магического реализма». А. Ф. Кофман в этой связи отметил, что «темпоральность латиноамериканского пространства чаще всего проявляется в том, что пространство возвращает героя в прошлое <...> и способно продуцировать атемпоральность, т.е. останавливать, либо уничтожать время» [1, с. 50].

Сны для Евлалия являются пространством воспоминаний о прошлой жизни, в которой он был человеком, мужчиной тридцати лет. Но, возвращаясь к проблеме телесной самоидентификации геккона, сталкиваемся с определенным противоречием: персонаж, всячески отстраняясь от своего тела ящерицы и возвращаясь во сне и наяву к своему «человеческому» прошлому, признается в том, что и в теле человека он не чувствовал себя уверенно. Размышляя о своем существовании, Евлалий отмечает, что «почти век <...> прожил в человеческом облике и тоже никогда до конца не чувствовал себя человеком» [3, с. 157]. Сны геккона во многом подтверждают тот факт, что в прошлом он был магриалом, человеком, которого никто не замечал: «я останавливаюсь прямо перед людьми, заговариваю с ними, толкаюсь, но меня не видят» [3, с. 152]. Геккон в прошлом был словно человек-невидимка, к тому же без имени, поскольку его имя, по признанию самого Евлалия, ничего не значит, поэтому вспоминал он его «без всякого удовольствия, но и без боли» [3, с. 157]. Интересными в связи с этим считаем размышления геккона по поводу значения имени в судьбе человека: «Имя может быть приговором. Некоторые имена увлекают за собой своего носителя, словно грязные воды реки после ливней, и, как бы он ни сопротивлялся, навязывают ему судьбу. Другие, наоборот, словно маски: скрывают, вводят в заблуждение. Большинство, очевидно, не имеют никакой силы» [3, с. 157]. Безусловно, имя является маркером самоидентификации, оно влияет на ощущение себя как уникальной личности. Соответственно, существо без имени сложно назвать личностью, которая себя осознает.

Как видим, геккон ощущает себя заключенным не в своем теле, отказываясь принимать свою телесную оболочку и считая свое нынешнее положение наказанием, иронией судьбы. На первый взгляд может показаться, что самоидентификация данного персонажа

оказывается невозможной, но, как справедливо отметила Н. В. Барабанова, «персонаж обладает идентичностью, даже если он выступает в предельно редуцированном виде» [5, с. 11].

Многое в романе указывает на то, что под телесной оболочкой ящерицы подразумевается нечто другое, какая-то иная субстанция. По нашему мнению, геккон является двойником другого героя романа Ж. Агулаузы Феликса Вентуры. С самого начала романа геккон называется Феликса Альбиносом, явно указывая на то, что они похожи. Феликс Вентура, в свою очередь, беседуя с ящерицей замечает: «Скверная у вас кожа. Должно быть, мы одного поля ягоды» [3, с. 142]. Между гекконом и его «хозяином» постоянно разворачивается некий диалог, который подтверждает родственность душ обоих. Здесь речь идет об отношениях, которые С. Зенкин назвал «миметическими», т.е. такими взаимоотношениями между персонажами произведения, когда «литературные герои, как и реальные люди в жизни, могут имитировать один другого, брать друг друга за образец» [7, с. 299]. Тем самым они вступают в миметические отношения, в частности начинают желать чего-то или кого-то в подражание друг другу. Миметическую коммуникацию, по словам С. Зенкина, можно сравнить с «одержимостью одного субъекта с сознанием (а иногда и телесными жестами) другого» [7, с. 299].

Очевидно, что оба героя, геккон и Феликс Вентура, выступают в романе в качестве двойников, что связано с мифологичностью повествования и, соответственно, с эстетикой магического реализма. Так, в африканских пословицах часто подчеркивается биологическое родство животного и человека: «Животное и человек – близнецы», «Позади каждого человека – тотем» и т.д. И. Татаровская справедливо отметила, что «пережитки тотемических верований встречаются в мифологии почти всех африканских народов» [2, с. 174]. Автор книги «Животные в африканской мифологии: онтологические и культурологические аспекты» последовательно описала онтологические метафизические истоки тотемизма как проявления мифологического мышления, которые кроются в представлениях о первоначально существующем зоантропном виде, из которого впоследствии вышли люди и животные. Иными словами, на самых ранних этапах антропосоциогенеза люди не осознавали себя как самостоятельный биологический вид, генетически не связанный с животным миром. «В архаических мифах африканских народов часто утверждается, что когда-то существовали полулюди, полу-звери. Это были сверхъестественные существа, которые являлись как в образе человека, так и в образе животного» [2, с. 173]. Отсюда – многочисленные верования, связанные с тем, что, например, ящерица – это предвестник смерти или существо, носящее в себе душу когда-то жившего человека и т.д.

В контексте анализируемой нами проблематики, можем предположить, что геккон –

это душа Феликса Вентуры, его второе «Я». В пользу этого предположения служит тот факт, что сам Феликс также испытывал некоторые трудности с самоидентификацией. Во-первых, он ничего не знал о своем происхождении, поскольку младенцем его подкинули в корзине профессору-букинисту, который его и воспитал. Во-вторых, Вентура выбрал довольно своеобразный способ зарабатывания денег – он придумывал и продавал прошлое людям, у которых его либо не было, либо оно по каким-то соображениям им не подходило. Некоторые клиенты Вентуры, воодушевившись выдуманной историей своего рода, решаются на поиски вымышленных родственников, как, например, Жузе Бухман, который приложил много усилий, чтобы найти свою вымышленную мать. Он настойчиво искал физические доказательства никогда не существовавшей женщины и ему это даже удавалось. Более того, Жузе Бухман начал приспосабливаться внешне к своему выдуманному прошлому и стал очень похож на неизвестных людей с фотографий, якобы своих предков.

Очевидно, что для Феликса Вентуры прошлое и память являются травматическими категориями, поскольку он часто запутывался в своих собственных фантазиях и испытывал «фальшивые воспоминания», которые, впрочем, признавал подлинными. «Специалист по генеалогии» сравнил память с пейзажем, созерцаемым из окна движущегося поезда: «мы видим, как над акациями разрастается утренняя заря, птицы поклевывают утро, словно фрукт <...> видим неспешно пасущееся стадо, супружескую пару, которая бежит <...> Все это разворачивается у нас на глазах; мы знаем, что это происходит на самом деле, но только в отдалении, мы не можем этого коснуться. Некоторые события уже так далеко, а поезд мчится так быстро, что у нас нет уверенности в том, что это и вправду было. Может, это нам приснилось» [3, с. 197]. В конце концов Вентура пришел к выводу, что «наша память в значительной степени питается тем, что помнят о нас другие. Мы склонны воспринимать чужие воспоминания как свои собственные, даже вымышленные» [3, с. 197].

Неудивительно, что человек, лишенный прошлого и придумывающий его для других, не мог себя идентифицировать. Он просто не понимал, кем он есть на самом деле. Инаковость Феликса Вентуры проявляется в его фантазиях и ложных воспоминаниях, снах, которые не подчиняются его воле, вследствие чего он осознает себя как не поддающуюся осмыслению чуждость. Согласно П. Рикеру «Я-сам» ищет свою идентичность во многих повествованиях в масштабе целой жизни» [8, с. 145]. В случае Феликса Вентуры поиски личной идентификации разворачиваются в плоскости выдуманных чужих биографий. Феликс не просто выдумывает другим идеальное прошлое, он тем самым пытается смоделировать свое идеальное прошлое, которого у него не было и без которого невозможна самоидентификация, поскольку всякое самопонимание есть интерпретация.

Таким образом, в романе Ж. Агулаузы «Продавец прошлого» проблема самоидентификации героев тесно связана с эстетикой «магического реализма», которую отличает противостояние норме, регламенту. Пространство такого текста, как выразился А. Кофман, «лепит своего обитателя в соответствии своему образу» [1, с. 35]. Отчасти именно поэтому герои романа в характерах и поступках стремятся быть под стать своей среде и постоянно выходят за пределы нормы, находясь в поисках собственной идентичности.

Литература:

1. Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира / А. Ф. Кофман // М. : Наследие, 1997. – 318 с.
2. Татаровская И. Г. Животные в африканской мифологии: онтологические и культурологические аспекты / И. Г. Татаровская // Африканский сборник – 2013. – Фольклор. Литература. Словесность. – СПб.: Изд-во Восточного факультета СПбГУ. – 2013. – С. 172–183
3. Агулауза Ж. Э. Продавец прошлого : [роман] / Ж. Э. Агулауза // Иностранная литература. – № 2. – 2013. – С. 140–218.
4. Хартнелл Д. Голое Средневековье. Жизнь, смерть и искусство в средние века / Д. Хартнелл; пер. с англ. А. Н. Мурашова. – Москва : Издательство АСТ, 2019. – 320 с.
5. Барабанова Н. В. Проблема идентичности образа литературного героя как проблема повествования: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 – Теория литературы. Текстология / Н. В. Барабанова. – Самара, 2004. – 19 с.
6. Протокилова Е. А. Культурная идентичность в современной латиноамериканской литературе: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 – Теория и история культуры / Е. А. Протокилова. – Ростов-на-Дону, 2013. – 24 с.
7. Зенкин С. Теория литературы: проблемы и результаты / С. Зенкин. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 368 с.
8. Рикёр П. Я-сам как другой / П. Рикёр; пер. с франц. Б. М. Скуратова. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с. – (Серия «Французская философия XX в.»).
9. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию / В. Подорога. – М.: Ad Marginem, 1995. – 341 с.
10. Кислицын К. Н. Магический реализм / К. Н. Кислицын // Знание. Понимание. Умение. – М., 2011. – № 1. – С. 274–277.
11. Овчаренко О. Магический реализм / О. Овчаренко // Теория литературы. – М. : Наследие, 2001. – Т. 4. Литературный процесс. – С. 425–441.
12. Панчехина М. Н. Магический реализм как художественный метод в романах М. А. Булгакова: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.08 – Теория литературы. Текстология. Донецк, 2017. – 189 с.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЦЕЛОСТНОЙ ТЕХНОГЕННОЙ СРЕДЫ

Кульжанова Жулдизай Тимеркановна

кандидат философских наук,

ассоциированный профессор

Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина

г. Нур-Султан

Мухамбеткалиев Есбол Есенбаевич

кандидат философских наук,

заведующий кафедрой философии

Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина

г. Нур-Султан

Филиппова Анна Юрьевна

студент

Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина

г. Нур-Султан

Мандровская Джульетта Геннадьевна

студент

Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина

г. Нур-Султан

DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.70](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.70)

BASIC FORMS AND DIRECTIONS OF DESIGNING THE INTEGRAL TECHNOGENIC ENVIRONMENT

Kulzhanova Zhuldizay

Candidate of Philosophy, associate professor

of Kazakh agrotechnical university after S. Seifullin,

Nur-Sultan

Mukhambetkaliyev Yesbol Yesenbayevich

Candidate of Philosophy, head of philosophy department

of Kazakh agrotechnical university after S. Seifullin,

Nur-Sultan

Filippova Anna Yurievna

student

of Kazakh agrotechnical university after S. Seifullin,

Nur-Sultan

Mandrovskaya Dzhulietta Gennadiyevna

student

of Kazakh agrotechnical university after S. Seifullin,

Nur-Sultan

Аннотация

В статье рассматриваются основные формы и направления конструирования целостной техногенной среды. Воспроизводимость опыта создания орудий и воспроизводимость самих орудий, передача этого опыта последующим поколениям является одной из главнейших черт технического прогресса общества, вследствие которого произошло разделение труда в первобытном обществе – формирование слоев ремесленников, занятых определенной деятельностью: производством сельскохозяйственных и других орудий, оружия, производством одежды, строительством жилищ и хозяйственных помещений, средств передвижения и т.д., т.е. созданием усовершенствованной, приспособленной для людей окружающей среды (освоенной человеком природы).

В наше время стало очевидным, что техника прочно вошла в жизнь общества, стала необходимой частью человеческого существования, одной из основных ценностей современной цивилизации. Эта цивилизация в литературе оценивается как техногенная и технологическая, что определялось особой ролью в ней научно-технических достижений.

Abstract

The article discusses the main forms and directions of designing a holistic technogenic environment. The reproducibility of the experience of creating tools and the reproducibility of the tools themselves, the transfer of this experience to subsequent generations is one of the main features of the technological progress of society, as a result of which the division of labor in a primitive society occurred - the formation of layers of artisans engaged in certain activities: the production of agricultural and other tools, weapons, clothing, construction of dwellings

and utility rooms, vehicles, etc., i.e. the creation of an improved environment adapted for people (nature mastered by man).

Nowadays, it has become obvious that technology has firmly entered the life of society, has become a necessary part of human existence, one of the main values of modern civilization. This civilization in literature is assessed as technogenic and technological, which was determined by the special role of scientific and technological achievements in it.

Ключевые слова: орудие труда, технологии, техника, наука, прогресс

Keywords: labor tools, technology, technical tools, science, progress

Можно выделить три основных точки зрения на взаимоотношение науки и техники в обществе.

Утверждается определяющая роль науки, а технику воспринимают как прикладную науку. Это модель взаимоотношения науки и техники, когда наука рассматривается как производство знания, а техника – как его применение. Такая модель – достаточно односторонне отражение реального процесса их взаимодействия.

Модель взаимовлияния науки и техники, когда они рассматриваются как независимые, самостоятельные явления, взаимодействующие на определенных этапах своего развития. Утверждается, что познанием движет стремление к истине, тогда как техника развивается для решения практических проблем. Иногда техника использует научные результаты для своих целей, иногда наука использует технические устройства для решения своих проблем.

Третья модель утверждает ведущую роль техники: наука развивалась под влиянием потребностей техники. Создание техники определялось нуждами производства, а наука возникает и развивается, как попытка понять процесс функционирования технических устройств. Действительно, мельница, часы, насосы, паровой двигатель и т. д. создавались практиками, а соответствующие разделы науки возникают позднее и представляют собой теоретическое осмысление действия технических устройств. Например, сначала был изобретен паровой двигатель, потом возникает термодвигатель и таких примеров можно привести множество.

Чтобы разобраться в проблеме взаимоотношения науки и техники, надо рассмотреть их взаимоотношение объективно - исторически. Далее попытаемся это сделать.

Соотношение науки и техники в исторических существовавших культурах была различной. Первые этапы исторического развития человечества характеризуется синкретизмом знания, когда еще нет четкого разграничения научного и технического знания.

Создавая технику, человек с архаических времен осознанно или неосознанно копировал природу, в том числе и собственный организм, а затем объяснял с помощью техники устройство, природы и себя самого [1, с.110]. Использование и создание орудий у человека носит осознанный характер и закрепляется в особых формах социальной памяти и традиции, а у животного закрепляется эволюционно – биологическим путем. И в том, и в другом случае «готовые» природные объекты вначале случайно используются в качестве

орудий. Однако, «действие животного автоматичны и инстинктивны, тогда как человеку доступно настоящее творчество» [7, с. 7]. Конечно, задача идентификации ранних форм человеческих орудий в период перехода от животного к человеку бывает для исследователя весьма сложной и трудной. Но в то же время поразительное сходство первобытных орудий, найденных на расстоянии тысяч километров друг от друга доказывает объективность этого процесса [3, с.73]. Причем первобытные орудия были многофункциональными и удобными для использования.

Археологи, нашедшие один из таких универсальных инструментов (первобытное зубило), пробовали применить его для разделки туши животного – им потребовалось для этого лишь полчаса. Это указывает наличие уже в первобытном обществе технических знаний, необходимых для изготовления высококачественных орудий. В течение тысячелетий искусно обработанный камень остается главным и единственным универсальным орудием первобытного человека. Подобные орудия не являлись открытием какого-либо одного изобретателя и изготавливались повсеместно. Их многократное копирование и приспособление для удобного использования каждым последующим поколением, вероятно, сопровождавшиеся невербальными разъяснениями, обусловили их постепенное совершенствование.

Стремление к совершенству орудия — это уже начало формирования ремесленной традиции. Этот процесс идет сначала очень медленно. Так первые несовершенные сфероиды, найденные археологами, датируются, примерно двумя миллионами лет назад и потребовался почти миллион лет, чтобы они достигли совершенной сферической формы (вероятно, они использовались вместе с длинным кожаным ремнем в качестве своеобразного лассо для раздробления диких животных во время охоты). Это был важный этап в становлении человека, технического и ремесленного искусства.

Уже в это время можно зарегистрировать, правда, очень медленный по современным представлениям, технический прогресс. Приведем пример, взятый нами из книги Л.Р. Ноугера [3, с.85-87]. Для производства первобытного зубила с полезной режущей кромкой около 10 см первым ремесленникам (из Abbeville) требовался килограмм материала, как правило, кремния; их последователи (из Acheuleen) производят зубила, режущая кромка которого достигает уже 40 см;

ремесленники последнего ледникового периода (Mousterein), используя специальный инвентарь, получают зубило с 2-х метровой режущей кромкой; наконец ремесленники Магдалены (Magdalenienmensch), препарируя куски кремния для изготовления тонких клинков или пластин, получают удивительный результат от 6 до 20 м режущей кромки. Как видно, исходя из равной массы орудия, результат улучшился в 200 раз. Налицо технический прогресс, при этом ускоряющийся: если первый период от второго, отделяет около 300 000 лет, а второй от третьего 50 000, то четвертый период от третьего отделяет, лишь 15 000 лет.

Количественно ускоряющийся процесс подкрепляется и качественным прогрессом, так как изготавливаются все более легкие орудия. Кроме того, кремневое орудие позже прикрепляется к палке из дерева или кости, что позволяет из одного килограмма исходного материала изготовить до 40 метров полезной режущей кромки, этот поворот в технике может быть датирован примерно 11-м тысячелетием. Теперь потребовалось лишь 5000 лет для удвоения коэффициента полезного действия орудия. Технические изобретения оказывают влияние на изменение и самого образа жизни людей [3, с.88-98]. Например, изобретение костяной иглы произвело подлинную революцию в одежде.

Одновременно с формированием деятельности, направленной на использование и производство орудий, происходит развитие языкового общения. Кроме языка важную коммуникативную роль играли рисунки как специальные семиотические средства для схематизации (закрепления, обобщения, передачи) технического опыта, деятельности по использованию и производству орудий. На основе первобытных рисунков формировались примитивно «канонические» символы с целью закрепления и передачи знаний, в том числе технических. В связи с этим можно говорить о нераздельности возникновения ремесленной техники и искусства, прообразом которого были, в частности, изображения сцен охоты, а также танцев, фиксирующих реальные ситуации.

Технический прогресс сопровождается аграрной революцией, то есть переходом от охоты и собирательства к примитивному производству - скотоводству и земледелию, который потребовал создания более современных орудий для аграрного производства и развития новой технологии их использования, передаваемой и совершенствуемой из поколения в поколение. Эти орудия и стали основой первого «инструментального ящика», ставшего самым дорогим наследством первобытного крестьянина.

Параллельно начинает развиваться ритуально – магические и технические формы осознания и закрепления, полученных в ходе технической деятельности знаний для передачи их последующим поколениям и упрощения их воспроизведения современниками. Конечно, ни о

какой науке в современном смысле слова еще не могло быть и речи, но это был уже явный признак движения человечества в данном направлении.

Одним из признаков нового социально – мифологического осмысления мира является появление могильников в период палеолита. Появление могильников, по мнению археологов, характеризует следующую стадию (после открытия огня, изготовления орудий и приобретения органической техники) становления человека и предполагает более или менее развитые религиозно – мифологические представления и верования. Например, отсутствие черепа в одном из таких захоронений может быть объяснено тем, что он использовался в качестве ритуальной чаши во время какого-то магического обряда [3, с.115]. О влиянии такого рода представлений и верований в загробную жизнь на развитие техники свидетельствует пример Древнего Египта. Сама логика построения пирамид была подчинена культовым целям и представлениям древних египтян о загробной жизни как продолжении земной жизни. Возведение гигантских гробниц, различные изображения на стенах, определенные ритуалы, мумификация умершего - все это попытки людей обеспечить умершему достойное существование в царстве мертвых, где и сама мумия, и изображения внутри пирамиды становились реальностью загробного мира.

Постепенно формируются особые социальные, прежде всего мифологические механизмы накопления и передачи знаний о технике, то есть воспроизводства и трансляции культуры. Причем мифология выполняет двойную функцию по отношению к технике - «объяснительную» (учебную) и «проективную», то есть в мифологическом пространстве отрабатываются жизненные ситуации с целью тренировки, обучения и закрепления технических знаний, а затем создается техника (сначала примитивная) для ритуальных и для магических целей. Кроме того, находясь в плену мифологической фантазии, человек зачастую как бы произвольно, а в действительности в соответствии с не писаными канонами мифологического мышления закладывал основы идеального мира духовных ценностей, а также идеи возможных (в том числе и не осуществимых) технических «проектов». Для мифотворчества не существует ограничения, здесь все возможно – естественные ограничения снимаются, а природные процессы часто рассматриваются как результат деятельности богов. В древних космологических мифах, как пишет В. Н. Топоров, Вселенную «строят», «вытесывают», «плетут» и т. д. что отражает реальные процессы первобытного производства [5, с.22]. Такое мыслительное мифологическое действо с разнообразными природными объектами приучает первобытного человека к мыслительным операциям с этими объектами еще до выполнения конкретных технических действий, их имитацию в идеальной форме. Поэтому необходимо обратиться

к философии с ее принципом всестороннего изучения изучаемых объектов [2, с. 2004].

Но в тоже время миф для первобытного человека был и реальным пространством, в котором он вырос и действовал. Сам материал, с которым работал человек, не был пассивным, и, чтобы подчинить его себе, необходимы были особые ритуальные действия и заклинания, которые человек наследовал зачастую вместе со всем арсеналом орудий и технических приемов от далеких предков.

Воспроизводимость опыта создания орудий и воспроизводимость самих орудий, передача этого опыта последующим поколениям – одна из главных черт технического прогресса общества, вследствие которого произошло разделение труда в первобытном обществе – формирование слоев ремесленников, занятых определенной деятельностью: производством сельскохозяйственных и других орудий, оружия, производством одежды, строительством жилищ и хозяйственных помещений, средств передвижения, оросительных каналов, культовым строительством и т.п., т.е. созданием усовершенствованной, приспособленной для людей окружающей среды (освоенной человеком природы). Данный прогресс означал в первую очередь, освоение новых материалов (камень, кость, металлы и т.д.), организацию производства исходного материала, подлежащего последующей обработке, что, в свою очередь, способствовало разделению самого ремесленного труда, развитие кооперации и координации в процессе деятельности вообще и технической деятельности в частности.

Основными достижениями этого периода были развитие первобытной техники, техническое освоение природы, в ходе которого накапливались не только, конечно, технические рецептурные знания, но и предпосылки для естественнонаучных знаний и представлений, хотя и в специфической мифологической форме. «К концу палеолита

представления о природе не ограничивались обширным кругом точных эмпирических знаний; было достигнуто, по видимому, нечто большее: сформировалась идея Вселенной как единого целого симметричная «модель мира» с 3 вертикальными и 4 горизонтальными делениями, выделились 4 стихии, сходные с «первоэлементами» древнегреческих космологических концепций (вода, земля, воздух, огонь)... подлинная сложная предыстория науки, множеством корней питающая ее дальнейший рост, и ее историю» [6, с. 57]. «Одной из главных задач современной философской и научной мысли является рассмотрение техногенного содержания глобальных проблем современности и анализ их сущности в контексте исторического развития человечества» [4, с. 237].

Литература:

1. Kapp E. Grandlinien einer Philosophie der Technik. - Braunschweig, - 1977. - 480 S.
2. Kulzhanova Zh. T. Technology Development in the Terms of Built Environment Creation. Philosophical Analysis. IEJME – Mathematics Education, 11 (7), 2016. – с. 2003-2014
3. Nougier, - R, Die Welt der Hohlenmenschen, Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 1992. - 323 p.
4. Кульжанова Ж.Т. Роль техники в жизни общества. Евразийское научное объединение, 11-4 (45), 2018. – с. 237-239
5. Топоров В. Н. Первобытное представление о мире //Очерки истории естественно – научных знаний в древности. - М.: Наука, 1992. - 318 с.
6. Фролов П. А. Астральные мифы и рисунки //Очерки истории естественнонаучных знаний древности. - М.: Наука, 1982. - 412 с.
7. Энгельмейер П. К. Конспект лекции по философии техники. Ч.1. История техники. - Баку, 1992. - 472 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

МЕХАНИЗМ ДИАГНОСТИКИ РИСКОВ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Кутякова Александра Викторовна

магистрант,

ФГБОУ ВО

*«Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М. Ф. Решетнёва»*

г. Красноярск

Первушина Татьяна Львовна

кандидат эконом. наук, доцент

ФГБОУ ВО

*«Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М. Ф. Решетнёва»*

г. Красноярск

THE MECHANISM FOR DIAGNOSING RISKS IN THE PROCESS OF ORGANIZATIONAL CHANGE

Kutyakova Alexandra

Graduate student,

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,

Krasnoyarsk

Pervushina Tatyana

Candidate of economic sciences,

associate professor,

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,

Krasnoyarsk

Аннотация

Настоящая работа рассматривает двусторонний механизм рисков предприятия, организационных изменений, призванных снизить их, а также рисков-следствий преобразований. Разработана методика, позволяющая сделать вывод о целесообразности внедрения организационного изменения.

Abstract

This research considers a two-sided mechanism of enterprise risks, organizational changes designed to reduce them, as well as the risk-consequences of transformations. A methodology has been developed that allows us to conclude the feasibility of introducing organizational change.

Ключевые слова: риск-менеджмент, диагностика рисков, организационные изменения, сопротивление изменениям, социальные барьеры.

Keywords: risk management, risk diagnosis, organizational changes, resistance to change, social barriers.

Сегодня организационные изменения стали синонимом слов «выживание» и «развитие» для любой организации. Управление ими приобрело статус одной из самых важных задач и, одновременно, одной из самых востребованных компетенций современного руководителя. По праву заслуженное внимание к управлению организационными изменениями обусловлено высокой степенью бинарности этого «тонкого» процесса: с одной стороны, любое организационное изменение призвано снизить риски предприятия, с другой стороны – какими бы привлекательными ни были будущие изменения, планы перемен всегда повышают степень неопределенности ситуации, в которой предприятие будет действовать завтра.

Диагностика и анализ возникновения риска-следствия организационного изменения, которое направлено на снижение уже существующего риска предприятия, является важнейшим этапом процесса разработки плана будущих перемен и принятия управленческих решений касательно их осуществления.

Рисунок 1 отображает взаимозависимость имеющихся рисков предприятия, организационных изменений, необходимых для их минимизации, а также рисков, возникающих вследствие внедрения будущих перемен. По результатам анализа и диагностики рисков-следствий принимается решение о целесообразности принятия того или иного пути снижения первостепенного риска предприятия.

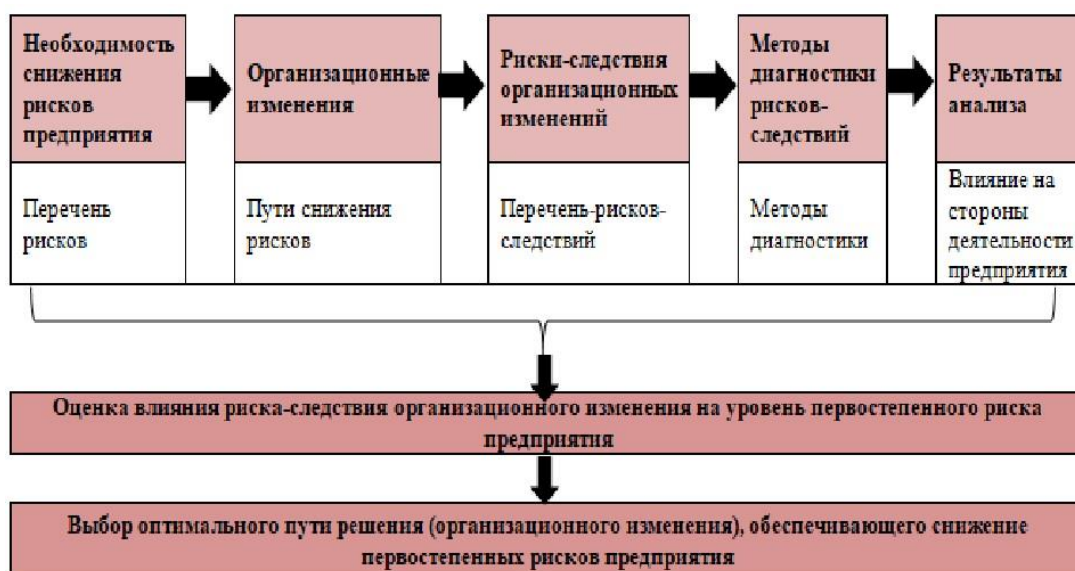

Рисунок 1. Взаимозависимость процесса принятия решения о внедрении организационного изменения

Согласно Д. М. Калимуллину, организационные изменения – это переход организации или отдельных её составляющих в новое состояние, под воздействием синергетического воздействия изменяющихся факторов внешней и внутренней среды, с целью достижения поставленных задач экономического развития, направленных на повышение эффективности хозяйствования» [2]. Под

факторами, обеспечивающими необходимость организационных изменений, в данном случае подразумеваются риски, которым подвержено предприятие, а под повышением эффективности хозяйствования – их снижение.

В таблице 1 приведен перечень наиболее распространённых рисков и соответствующих им пути снижения, т.е. организационные изменения [3].

Таблица 1

ТИПОВЫЕ ПУТИ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ ПРЕДПРИЯТИЯ

Риск	Пример	Путь снижения (организационное изменение)	Риск-следствие	Метод диагностики риска-следствия
Финансовый риск	Инвестиционный риск	Диверсификация инвестиционного портфеля	Зависимость одного вложенного актива от другого	САРМ или бета-метод
Политический риск	Риск национализации и экспроприации без адекватной компенсации	Поиск «гарантов»	Потеря суверенитета предприятия	SWOT- и PEST-анализ
Производственный риск	Риск выхода оборудования из строя	Отказ от ненадёжных поставщиков оборудования	Рост стоимости ремонта или покупки нового оборудования	Метод FMEA
Социальный риск	Риск снижения производительности труда рабочих	Ведение «фотографии» рабочего дня сотрудников	Сопrotивление персонала	Наблюдение, анкетирование

Вышеприведённые методы диагностики рисков затрагивают все стороны деятельности организации. Однако в данном исследовании, исходя из его цели, особое внимание следует уделить социальной составляющей процесса организационных перемен. Такая необходимость обусловлена тем, что под любым организационным

изменением подразумевается концепция планирования, инициирования и осуществления процессов изменения социальных систем с привлечением широкого круга участников. Данная концепция опирается на то, что в первую очередь должны меняться взгляды, ценностные представления и модели поведения членов

социотехнической системы, а затем и сама система в целом («организация» в институциональном понимании) [6].

Процесс управления изменениями основывается на обучении всех сотрудников путем прямого взаимодействия и передачи практического опыта, а его цель - одновременное повышение производительности организации и качества труда. Иными словами, без должной работы с персоналом организации любое, даже самое перспективное организационное изменение не будет эффективным, если и вовсе не «развалит» организацию на пути, казалось бы, к неизбежному успеху.

Так каким же образом следует воздействовать на социальную систему предприятия, избежав при этом риска неэффективности внедряемых организационных изменений?

В начале этой кропотливой работы необходимо учесть организационные факторы, оказывающие негативное влияние на риски-следствия организационных изменений, т.е. повышающих данную величину. Ниже представлены наиболее распространенные негативные факторы воздействия (по результатам анализа более 30 отечественных и зарубежных источников):

1. Неверно распределенные полномочия и ответственность;
2. Неэффективная система принятия решений;
3. Дублирование функций / неэффективная организационная структура;
4. Проблемы в коммуникациях участников проекта изменений;
5. Слабая проработка бизнес-процессов;
6. Недостаточная организация и координация работ;
7. Низкая эффективность внутреннего аудита;
8. Низкое качество аутсорсинга;
9. Неверный выбор партнеров;
10. Низкая скорость организационных изменений.

Если у организации, ступившей на путь перемен, наблюдаются какие-либо из вышеперечисленных характеристик, то у нее появляются (или возрастают) следующие риски-следствия организационных изменений:

1. Неготовность сотрудников к организационным изменениям;
2. Отсутствие учета интересов всех стейкхолдеров программы организационных преобразований;
3. Недостаточно четкий стратегический план осуществления перемен;
4. Ошибочно определенные критерии экономической эффективности организационных изменений;
5. Привлечение недостаточно компетентных специалистов по проведению преобразований;
6. Невозможность стейкхолдеров прийти к компромиссу в конфликтных ситуациях;
7. Неверная оценка бюджета и сроков программы изменений;

8. Отсутствие учета проблем в коммуникациях в плане изменений;

9. Неверное распределение ролей и ответственности в программе организационных изменений [5].

Методы идентификации и оценки рисков, используемые организациями в настоящее время, недостаточно или вовсе не учитывают прирешенные выше барьеры на пути к эффективному организационным изменениям. Причиной данной ситуации служат следующие недоработки методов оценки рисков:

1. Полагание на опыт и субъективное мнение экспертов;
2. Отсутствие учёта индивидуальных характеристик участников системы (т.е. лиц, принимающих решения).

Из этого следует, что для всесторонней и грамотной оценки социальных рисков, возникающих при проведении организационных изменений, необходима корректировка существующих методов оценки рисков или разработка новых.

Таким образом, методы оценки социальных рисков при организационных изменениях должны опираться на следующие положения:

1. Агентное моделирование (моделирование «сверху-вниз»): предполагается имитационное моделирование, которое анализирует как поведение каждого отдельно взятого агента организационных изменений, так и определяет поведение всей изменяющейся системы в целом.

2. Отличие от системной динамики: поведение агентов изменений определяется на индивидуальном уровне, а поведение системы в целом – как результат совместной деятельности множества агентов изменений.

3. Учёт индивидуальных характеристик агентов – включает в себя анализ следующих элементов: личность, мотивация, степень принятия риска отдельным агентом изменений, стиль коммуникации агента, степень конфликтности.

Из данных положений следует, что при проведении организационных изменений, социальные риски организации должны быть выявлены и оценены согласно следующим рекомендуемым методам:

1. Метод оценки эффективности управления изменениями;
2. Методы оценки эффективности коммуникаций в организации;
3. Методы имитационного моделирования;
4. Методы оценки эффективности организационной структуры [4].

Только после того, как учтена специфика оценки социальных рисков, возникающих при организационных изменениях, следует приступать ко всесторонней оценке всех рисков предприятия.

Величина риска-следствия от принятия того или иного организационного изменения не должна превышать величину первоначального риска, на снижение которого изначально было направлено это изменение:

$$R_{\text{первонач.}i} \geq R_{\text{орг.изм.}i}, \quad (1)$$

где:

$R_{\text{первонач.}i}$ – величина риска, вызывающего необходимость проведения организационного изменения;

$R_{\text{орг.изм.}i}$ – величина риска-следствия, появляющегося при проведении организационного изменения.

Если данное неравенство выполняется, то организационное изменение рекомендуется к принятию в организации. Организационное изменение, создающее наименьшую величину риска-следствия, является наиболее приоритетным для организации. И, напротив, организационное изменение, которому соответствует наибольшую величину риска-следствия, нуждается в углубленной проработке и корректировке [1].

Сегодня рынок изобилует разнообразным множеством продуктов, услуг и технологий, а потребитель охотно готов их приобретать. Чтобы избежать риска снижения продаж, прибыли, ликвидации производства, чтобы успешно функционировать на рынке, предприятие должно регулярно предлагать клиенту конкурентоспособные новинки. Казалось бы? Изобретай – и продавай. Однако зачастую менеджмент фирмы, ослеплённый перспективой быстрого экономического роста, не учитывает всей сложности и многогранности процесса, предшествующего выпуску и реализации новинки на рынке, а именно – процессу организационных изменений.

Любое изменение в деятельности предприятия, будь то бизнес-процесс, организационная структура или распределение

потоков денежных средств, без чего невозможен выпуск новой продукции, в свою очередь рождает риск ухудшения положения внутри организации.

В результате проведённого нами исследования предлагается механизм диагностики рисков, возникающих при проведении организационных изменений, который основан на их сравнении с первостепенным риском предприятия, в целях снижения которого изначально и было направлено организационное преобразование. Предложенный механизм позволяет сделать вывод о целесообразности проведения организационного изменения.

Литература:

1. Божко, Л.М. Риск-менеджмент в управлении организационными изменениями на основе маркетингового подхода [Текст] / Л.М. Божко // Вестник АГТУ. Сер.: Экономика. 2014. №1. – С. 22-28.
2. Бюрк, В. Развитие организации: процесс обучения и изменений. Reading Mass: Addison-Wesley. 2016 г.
3. Васин, С.М. Управление рисками на предприятии: учеб. пособие/ С.М. Васин, В.С. Шутов. М.: КноРус, 2016, 304 с.
3. Волтон, Дж., Стратегическое развитие человеческих ресурсов, Harlow: Pearson Education limited, 2017 г.
4. Кобзева, Н. М. Феномен сопротивления изменениям: сущность, виды и формы проявления. Вестник ВГУИТ. – М., №4, с. 67-74, 2015 г.
5. Розабет Мос Картер, Инновации: традиционные пути, Harvard Business Review, 2018 г.

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ КНР

Растегаева Анастасия Витальевна

Студентка Санкт-Петербургского
Государственного Экономического Университета,
г. Санкт-Петербург

Селеменова Елена Александровна

Студентка Санкт-Петербургского
Государственного Экономического Университета,
г. Санкт-Петербург

Томова Полина Валерьевна

Студентка Санкт-Петербургского
Государственного Экономического Университета,
г. Санкт-Петербург

EVALUATION OF COMPETITIVENESS OF THE REGIONS OF THE PRC

Rastegaeva Anastasia

Student of St. Petersburg State Economic University,
Saint Petersburg

Seleменова Elena

Student of St. Petersburg State Economic University,
Saint Petersburg

Tomova Polina

Student of St. Petersburg State Economic University,
Saint Petersburg

Аннотация

Статья посвящена оценке конкурентоспособности регионов КНР. При проведении анализа авторами была использована методика В.В. Воронова. Для достижения поставленной цели были рассмотрены и проанализированы показатели подушевого ВРП, производительность труда, занятости населения, доля населения трудоспособного возраста, которые, по мнению авторов, способны дать реальную оценку конкурентоспособности регионов. По результатам исследования был составлен рейтинг конкурентоспособности регионов КНР, а также лепестковая диаграмма, наглядно отражающая соотношение показателей каждого региона.

Abstract

The article is devoted to the competitiveness assessment of the China's regions. During the analysis the authors used the Voronov's method. To achieve the goal, indicators of the gross regional product per capita, labor productivity, employment and the share of the working-age population, which, according to the authors, can give a real assessment, were reviewed and analyzed. Based on the results of the research, the authors compiled a competitiveness rating of the China's regions and a petal chart, clearly reflecting the ratio of indicators of each region.

Ключевые слова: регион; конкурентоспособность регионов; ВРП.

Keywords: region; competitiveness of regions; GRP.

Современный этап развития экономики КНР характеризуется повышением роли регионов страны в обеспечении конкурентоспособности национальной экономики. Повышенный интерес к регионам связан, прежде всего, с мировым экономическим соперничеством, а также усложнившейся финансово-экономической обстановкой в мире. Именно эти факторы подталкивают Китай к поиску способов стабильного экономического развития с использованием своих экономико-географических особенностей и преимуществ.

Дальнейшая интеграция Китая в мировую экономику приводит к необходимости рациональной оценки конкурентоспособности экономики на региональном уровне. Регионы КНР постепенно становятся относительно самостоятельными экономическими субъектами, которые вступают в конкурентные отношения в межрегиональных взаимодействиях и на мировом рынке. В связи с этим появляется объективная потребность в систематизации данных о различных сторонах конкурентоспособности регионов КНР, среди которых: уровень развития инфраструктуры, возможности для развития бизнеса, условия жизнедеятельности населения и так далее.

Таким образом, основной целью исследования является оценка конкурентоспособности регионов КНР.

Исследование конкурентоспособности регионов КНР позволит дать подробную характеристику современной экономики страны, определить механизм обеспечения конкурентоспособности регионов, а также разработать долгосрочную стратегию управления их развитием.

Конкурентоспособность провинций КНР определялась при помощи методики, предложенной В.В. Вороновым, согласно которой основными факторами конкурентоспособности регионов являются подушевой ВРП, производительность труда, занятость населения, доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения [1].

Была проведена оценка 31-го административного образования КНР, в том числе 4-х городов центрального подчинения, 5-ти административных районов и 22 провинций (исключая Тайвань).

В таблице 1 представлены расчёты показателей, указанных выше, для данных административных образований за 2017 год, а также произведённая рейтинговая оценка регионов, где первому месту соответствует регион с наиболее высоким уровнем конкурентоспособности, а последнему – с наиболее низким, соответственно.

Таблица 1

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНОВ КНР В 2017 ГОДУ [2]

Регион	ВРП на душу населения	Производительность труда,	Занятость населения	Доля трудоспособного населения	Рейтинг региона
Аньхой	43210,23	77691,22	0,991733	0,560815	28
Внутренняя Монголия (АР)	63646,54	103886,7	0,98281	0,623369	10
Ганьсу	28407,84	47912,01	0,993872	0,596573	23
Гирин	55003,79	89827,07	0,984438	0,62201	13

Гуандун	80316,26	130086,8	0,994649	0,620727	2
Гуанси-Чжуанский АР	37918,65	67815,99	0,994647	0,562149	26
Гуйчжоу	37823,55	66990,7	0,992682	0,568771	30
Ляонин	53580,32	87250,24	0,984334	0,623873	14
Нинся-Хуэйский АР	50492,08	84691,59	0,987612	0,603666	15
Пекин (ГЦП)	129041,6	206721,8	0,994059	0,627959	1
Синьцзян - Уйгурский АР	44506,99	77650,64	0,992915	0,57726	17
Сычуань	44543,75	77634,08	0,988421	0,580487	25
Тибетский АР	38899,7	67364,85	0,990331	0,583086	29
Тяньцзинь (ГЦП)	119134,2	192558,8	0,973719	0,635389	6
Фуцзянь	82286,09	139770,2	0,992628	0,593096	7
Хайнань	48191,58	81956,66	0,99	0,593952	16
Хубэй	60111,98	102369,2	0,989408	0,593494	12
Хунань	49421,22	87198,97	0,988684	0,573251	20
Хэбэй	45234,47	78725,08	0,99085	0,579894	18
Хэйлунцзян	41970,65	66391,18	0,983696	0,64265	24
Хэнань	46608,25	83190,79	0,992458	0,564515	19
Цзянси	43284,96	77325,05	0,98767	0,566768	31
Цзянсу	106949,5	180190,5	0,992771	0,597858	3
Цинхай	43893,48	74738,9	0,986794	0,595151	27
Чжэцзян	91511,86	148956,3	0,990368	0,620329	4
Чунцин (ГЦП)	63169,85	111489	0,991859	0,571252	11
Шанхай (ГЦП)	126687,3	206909,8	0,985292	0,621423	5
Шаньдун	72590,6	127910,8	0,992016	0,572077	8
Шаньси	41946,03	68190,85	0,988497	0,622285	21
Шэньси	57102,5	95394,71	0,989909	0,604694	9
Юньнань	34110,29	57146,07	0,993138	0,601021	22

По результатам исследования можно сделать вывод, что провинция Цзянсу, город центрального подчинения Пекин и провинция Гуандун имеют наиболее высокие показатели конкурентоспособности, причиной чего стали высокие показатели производительности труда и уровня занятости населения в экономике.

К регионам с наиболее низким уровнем конкурентоспособности относятся Тибетский автономный регион, провинции Гуйчжоу и Цзянси, что связано с относительно низким показателем ВРП, а также с низкой долей трудоспособного населения.

На рисунке 1 представлена диаграмма, характеризующая сильные и слабые стороны

исследованных регионов, для чего показатели нормировались по максимальному значению для группы регионов.

Таким образом, можно видеть высокий разброс показателей регионов по величине подушевого ВРП и производительности труда. В то же время показатели доли населения трудоспособного возраста к общей численности населения региона имеют значительно меньший спектр различий, а значения показателей занятости населения очень близки.

Так, например, в регионах с наименьшим уровнем ВРП на душу населения (Юньнань, Ганьсу, Гуанси-Чжуанский АР, Гуйчжоу и Тибетский АР) большую часть функциональной

экономической структуры занимает вторичный сектор экономики (промышленность, строительство), а первичный сектор (сельское хозяйство) составляет 1/7 всего ВРП. Если сравнивать эти показатели с лидером по данному показателю (Пекин), то здесь первичный сектор занимает приблизительно 0,3% от общей доли ВРП,

а вторичный – 30%. Соответственно, более 2/3 всей структуры ВРП составляет третичный сектор экономики – сфера услуг. Поэтому здесь можно говорить о существовании инновационного сектора с высокопроизводительной промышленностью, индустрией знаний и высокой долей в ВРП высококачественных и инновационных услуг.

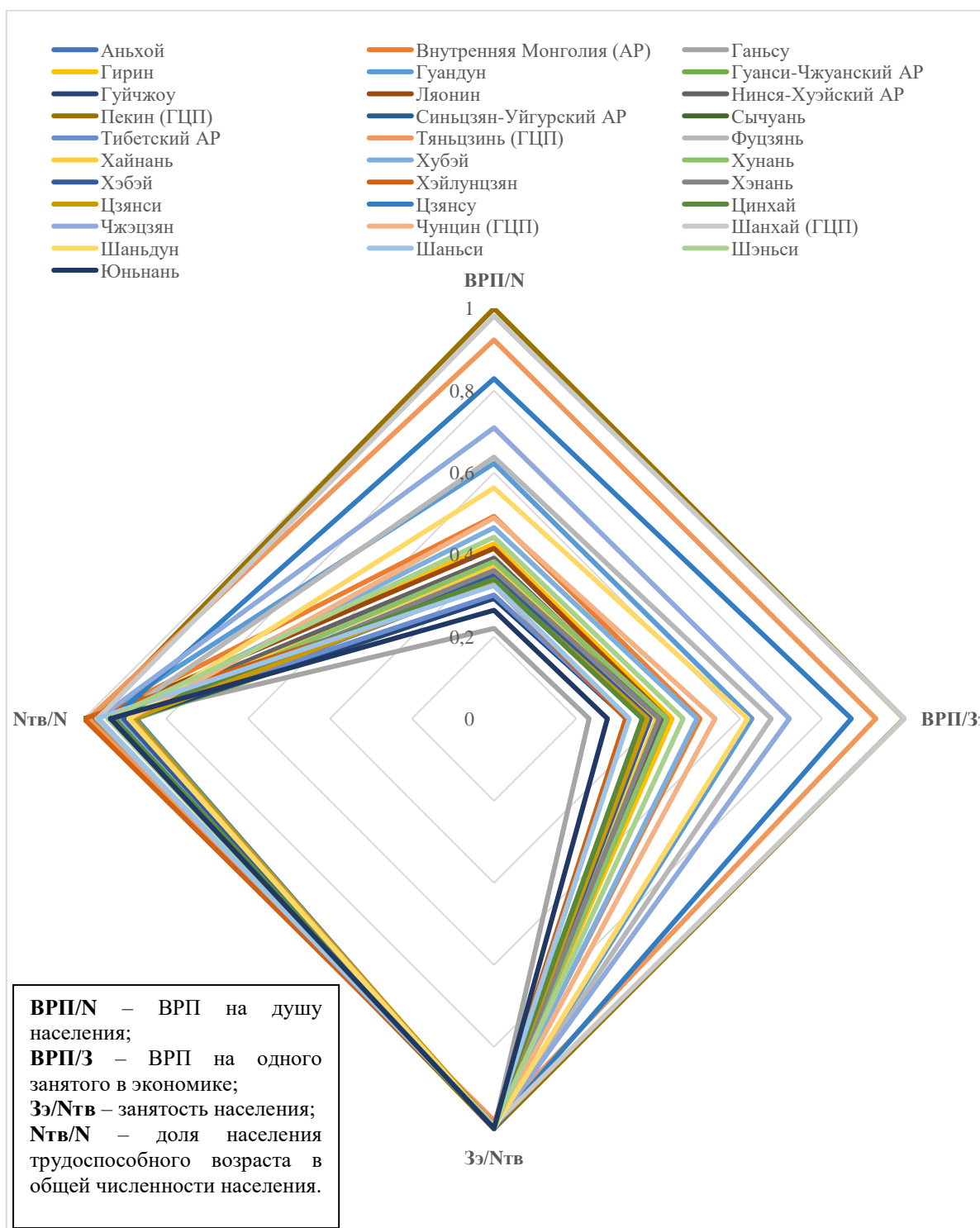

Рисунок 1. Сравнительная конкурентоспособность регионов КНР за 2017 год

Производительность труда выражает качественную сторону результата труда и связана, по мнению авторов, в первую очередь, с уровнем образования и профессиональной подготовки

работников. В регионах с наименьшими показателями (Юньнань, Шанси, Хэйлуцзян, Ганьсу, Тибетский АР) доля населения, имеющая высшее образование, значительно ниже, чем в

регионе-лидере по производительности труда (Шанхай).

Латвии. //Балтийский регион. № 4 (14). 2012. С. 7-21– режим доступа к изданию: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18226059>

Литература:

1. Воронов В.В. Оценка и факторы роста инновационной конкурентоспособности регионов

2. Национальное бюро статистики Китая. China statistical yearbook 2018 – режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/>

УДК 339.47

РОССИЯ И КИТАЙ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Якимович Мария Федоровна

кандидат экон. наук, доцент

*Кафедра управления подразделениями в мирное время
Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище
имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского,
г. Благовещенск.*

DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.76](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.76)

RUSSIA AND CHINA IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL TOURISM: PECULIARITIES AND PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT

Yakimovich Mariya Fyodorovna

Candidate of Economics, associate professor

*Department of Management of Divisions during peacetime
Far East Higher Combined Command Military School
named after Marshal K.K. Rokossovsky,
Blagoveshchensk*

Аннотация

В статье рассматриваются основные аспекты развития международного туризма между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Перспективы развития международного туризма между двумя странами носят перспективный и постоянно развивающийся характер. Россия обладает мощным реальным и потенциальным туристическими ресурсам, а Китай является одной из немногих стран, обладающих чрезвычайно богатым и разнообразным туристским потенциалом. С каждым годом туристский рынок становится всё более эффективным, формы сотрудничества туроператоров и поставщиков туристских услуг всё более разнообразными.

Annotation

The article deals with the main aspects of international tourism development between the Russian Federation and the People's Republic of China. Perspectives of international tourism development between two countries have prospective and constantly developing character. Russia has powerful real and potential tourist resources, and China is one of the few countries that possesses very rich and versatile tourist potential. Every year tourist market is becoming more effective, and ways of cooperation between tour operators and tourist service providers more versatile.

Ключевые слова и фразы: Россия, Китай, международный туризм, ресурсы, перспективы развития туризма, интересы.

Key words and phrases: Russia, China, international tourism, resources, perspectives of tourism development, interests.

В настоящее время в международной практике широко используется определение, выработанное Международной конференцией по статистике путешествий и туризма (Оттава, 1991 г.) и одобренное ВТО и Статистической комиссией ООН. Согласно ему, турист – это посетитель, т.е. «лицо, которое путешествует и осуществляет пребывание в местах, находящихся за пределами его обычной среды, на срок не более 12 месяцев с любой целью, кроме занятия деятельностью, оплачиваемой из источников в посещаемом месте» [2]. Отношение между двумя великими державами - Россией и Китаем имеют региональные, и,

разумеется, двухстороннее измерение в области международного туризма.

Международный туризм входит в число трех крупнейших экспортных отраслей, уступая нефтедобывающей промышленности и автомобилестроению, удельный вес которых в мировом экспорте 11% и 8,6% соответственно. С развитием научного знания о туризме последний предстает как системный объект изучения. Рабочие дефиниции, ограниченные узкоотраслевыми рамками, не раскрывают всего многообразия внутренних и внешних связей этого общественно-экономического явления. Поэтому возникает необходимость концептуального, или

сущностного, определения туризма. Оно формирует комплексное представление о предмете исследования.

Международный туризм особенно важен, так как позволяет людям посетить новые места, понять, как устроен быт людей, живущих далеко от их места постоянного проживания. В свете этого можно сказать, что развитие туризма является одним из признаков возрастающей глобализации мирового хозяйства.

Мировой опыт подтверждает огромную экономическую значимость туризма, который является одной из крупнейших, высокодоходных и наиболее динамичных отраслей экономики и сферы социально-значимых услуг.

Следовательно, международный туризм в мире крайне неравномерен, что объясняется в первую очередь разными уровнями социально-экономического развития стран и регионов. Наибольшее развитие международный туризм получил в западноевропейских странах и странах Ближнего Востока. На долю этих регионов приходится свыше 70% мирового туристического рынка и около 60% валютных поступлений. Примерно 20% приходится на Америку, менее 10% - на Азию, Африку и Австралию вместе взятые.

По-настоящему развитие туристической сферы в Китае началось после 1978 г., когда в стране стала проводиться политика «реформ и открытости». Туристический комплекс Китая в основном состоит из гостиничного хозяйства, системы общественного питания, транспортных организаций, туристических агентств, а также органов управления туризмом, Гостиничное хозяйство, туристические агентства и средства транспорта являются тремя столпами туристического комплекса. Благодаря туризму появляются дополнительные рабочие места, улучшается социальная и культурная среда, расширяется межрегиональное общение и взаимодействие, повышается качество жизни населения.

В настоящее время Китай вступает в ряды развитых туристических стран, совершенствует формы и содержание туризма, улучшает качество сервиса. Всемирная туристская организация (ВТО), выделяет пять основных регионов мира: Америка; Африка; Азиатско-Тихоокеанский регион; Ближний Восток; Европа.

Рассматривая международный туризм, можно говорить, что он крайне неравномерен, что объясняется в первую очередь разными уровнями социально-экономического развития стран и регионов, а во вторую очередь особенности развития туризма и влияние социально-политических факторов на него. Наибольшее развитие международный туризм получил в западноевропейских странах. На долю этого региона приходится около 60% мирового туристического рынка и около 50% валютных поступлений. Свыше 18% мирового туристического рынка и 20% валютных поступлений приходится на Азиатско-

Тихоокеанский регион, менее 17% рынка и 24% валютных поступлений - на Америку, и около 8% рынка и 5% валютных поступлений на Африку и Ближний Восток, вместе взятых [8].

В этом контексте совершенно очевидно, что за последние годы развитию международного туризма в российско-китайских отношениях уделяется значительное внимание, о чем свидетельствует заключение целого ряда межгосударственных соглашений, а также принятие мер не только на уровне правительства обеих стран, но и общественных организаций и объединений.

Китай наиболее посещаемая страна, а доля прибытий туристов в эту страну составляет 28% из всех стран посещения посещение этого региона. Чаще всего страну посещают ближние соседи - туристы из Японии, Южной Кореи и стран Юго-Восточной Азии. Однако, в последнее время специалисты отмечают увеличение потока туристов из Европы, и Северной Америки.

Хотя Россия занимает третье место (14%) по количеству туристов, выехавших в Китай, уступая Японии и Южной Корее, но в целом российско-китайские отношения в области туризма являются стратегическими и перспективными. Если речь идет о въездном туризме, то Китай сегодня известен как одно из самых оживленных и безопасных направлений для туристов. В 2016 году, количество принимаемых туристов, въехавших в Китай впервые превысило десять миллионов человек и составило 13000 миллионов человек. Если в 1978 году, по приему туристов, Китай занимал лишь 41 место в мире, то в 201 году, по этому показателю, Китай уже вышел на 4 место на мировом туристическом рынке [3].

Отметим, что в целом выездной туризм снизился на 15,5%, т.е. почти 1,8 млн. российских туристов (1 758 тыс. чел.) предпочли в период кризиса сэкономить на отдыхе. В то же время выездной туризм снизился лишь на 8,5%, что в численном выражении составило около 200 тыс. (194 473) человек.

Исключительное значение имеет тройка лидеров наиболее предпочтительных для россиян туристических направлений осталась неизменной - это, как и в прошлых годах, Египет, Турция и Китай, но произошли довольно значительные изменения и перераспределение российских туристов, выбравших для путешествий эти страны.

Наибольшие изменения коснулись Китая, который потерял более 1 млн. или 51% российских туристов. Как считают эксперты, такое резкое снижение численности россиян, основная масса которых посещают Китай исключительно с целью шопинга, произошло из-за ужесточения таможенного режима с российской стороны и снижения покупательной способности россиян вследствие кризиса [5].

Для выездного потока Китая характерна высокая доля внутри региональных поездок - 91%, что обусловлено большим числом поездок в районы «полу внутреннего туризма» - Сянган и

Аомынь. В 2014 г. из десяти самых популярных направлений (Сянган, Аомынь, Япония, Россия, Вьетнам, Республика Корея, Таиланд, США, Сингапур и Малайзия) только две страны не относились к азиатскому региону.

Следует отметить, что по мере увеличения числа стран с ОТН, и открытия все новых международных рейсов в КНР, азиатские направления столкнутся с конкуренцией со стороны других регионов, так как для китайских туристов в целом характерен большой интерес к развитым странам и странам с европейской культурой. Согласно опросам, проведенным в Китае, наиболее привлекательными для посещения являются США, Австралия и страны ЕС. Доля Америки и Европы снижалась, несмотря на увеличение абсолютных показателей. Убытия в Африку демонстрировали самые высокие темпы роста среди межрегиональных поездок (около 30%), за счет чего ее доля оставалась стабильной [8].

Если речь идет о въездном туризме, то Китай сегодня известен как одно из самых оживленных и безопасных направлений для туристов. С 2009 г. китайские туристы получили возможность путешествовать в Европу. В 2013 г. туда было совершено 1 млн. поездок, в 2016 г. – 2,1 млн. Большинство из них включают посещение Франции, Италии, Германии и Великобритании [8]. Европа является одним из главных направлений для официальных и деловых визитов, однако, возможности для частных поездок используются не в полной мере

По имеющимся оценкам, перспективы развития международного туризма направлено на экономически активное население молодого и среднего возраста склонно путешествовать в разгар туристического сезона, в то время как пенсионеры предпочитают межсезонье, из-за низких цен и более качественного обслуживания. В дальнейшем, по мере увеличения числа пенсионеров и развития туризма «третьего возраста» сезонная разница уже не будет выражаться столь резко. Зимой особенно в период Весеннего фестиваля, наибольшей популярностью пользуются южные направления стран ЮВА и Австралия, а также Япония и Республика Корея, привлекающие зимними видами спорта и горячими источниками

Очевидный факт то что наиболее успешное развитие китайского сектора на туррынках западных стран не лишено ряда проблем:

Во-первых, поскольку китайским туристам свойственно стремление экономить на базовых составляющих турпакета, концентрируя расходы на покупках, основную выгоду из китайского туристического «бума» получают представители международной розничной торговли и производители предметов роскоши и дорогих товаров;

Во-вторых, в силу культурной специфики более выраженного языкового барьера, индустрии туризма сложнее подстраиваться под запросы китайских туристов.

В-третьих, выполнение таких обязательных условий, как наличие китайской кухни, ТВ каналов, информационных материалов и обслуживания на китайском языке, следование некоторым китайским традициям и представлениям о комфорте требует от индустрии туризма дополнительных усилий и затрат.

Очевидно, что в целом быстрорастущий рынок выездного туризма КНР в условиях достижений китайской экономики, представляет огромный потенциал. Однако его использование, сопряженное с решением множества задач, требует грамотного подхода и объединенных усилий со стороны правительств, исследовательских институтов, туристических властей, представителей турбизнеса и других заинтересованных отраслей принимающих стран.

Для определения позиции стран в мировом туристском обмене, следует отметить, что Китай в последние годы уверенно наращивал свои позиции. Если в 1978 г. по количеству въехавших и переночевавших туристов Китай занимал 41 место, то в 2014 г. он переместился на 4 позицию в мире после Франции и США [6].

По оценкам экспертов ЮНВТО в 2015 г. Китай станет туристским направлением «номер один» по числу принятых туристов и крупнейшим в мире рынком отечественного туризма. В отличие от Китая Россия занимает более скромные позиции в международном туристском обмене, замыкая тридцатку стран по количеству прибытий. В целом международные туристские прибытия в Россию по данным ЮНВТО в течение последних 5 лет колебались в пределах 21 млн. чел [6].

Предварительные результаты 2016 г. свидетельствуют о восстановлении в Китае показателей доходов, в то же время они отстают от динамики прибытий. Все эти особенности потребления определяют структуру расходов китайских туристов которые посещают Россию. В этой связи, они только 30-50% тратят на оплату туристского пакета, а остальную часть расходуют на покупки [6;7]. В расходах на покупки лидируют расходы на одежду (30%), ювелирные изделия, часы, сувениры, кожаные изделия, а также парфюмерию и косметику.

Россия обладает мощным реальным и потенциальным туристическими ресурсам, великими природными, историческими и культурным наследием, самыми крупными в мире природными участками, неподверженными антропогенному воздействию и способными генерировать активный туристический интерес. Однако этот потенциал используется крайне неэффективно.

В России же процессы восстановления показателей прибытий и доходов идут гораздо медленнее. Интересной для анализа развития международного туризма в обеих странах является статистика туристских расходов. Так сохраняющаяся на протяжении последних лет динамика экономического роста Китая, повышение доходов граждан этой страны привели

к изменению потребительской модели (начался переход от накопления к потреблению). Только за период с 2000 по 2017 гг. туристские расходы страны выросли в 51 раз. По этому показателю Китай в 2016 г. вышел на 3 место в мире, даже кризис не оказал влияние на динамику расходов, прирост которых в 2014 г. составил 21% по сравнению с 2013 г. Важно отметить, что АТР показал самый маленький период спада туризма – 12 месяцев (с августа 2013 г. по июль 2014 г. с максимальной точкой падения в феврале 2014г.) [3].

Особенностью в последние годы имели место еще два события, которые позитивно повлияли на развитие международных обменов между Россией и Китаем в сфере туризма. Первое – заключение Соглашения КНР и РФ о предоставлении России статуса «официального туристского направления» (ОТН). Второе событие – подписание 28 марта 2007 г. Меморандума о сотрудничестве, между некоммерческим партнерством «Объединение международной интеграции в туризме «Мир без границ» и Китайской ассоциацией туристских компаний. Эти события, а также утверждение «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 гг.)», в которой отдельный раздел посвящен развитию сотрудничества в сфере туризма, дали новый импульс для развития туризма между странами. Подтверждением очередного этапа реализации межправительственной программы является проведение в мае 2011 г. в г. Маньчжурия (автономный район Внутренняя Монголия, КНР) российско-китайского форума по развитию сотрудничества в сфере туризма между регионами Дальнего Востока, Восточной Сибири РФ и Северо-Востоком КНР, где на высоком уровне с участием органов власти и бизнеса обсуждались проблемы и перспективы развития туризма между приграничными регионами стран, проводились презентации инвестиционных туристских проектов.

Итогом форума стало подписание протоколов намерений и Меморандума о развитии круизного туризма, который с китайской стороны подписали официальные лица провинции Хэйлунцзян и ее туристской ассоциации, с российской стороны администрации трех приграничных с Китаем субъектов и участники Партнерства «Мир без границ» [7].

Все принимаемые меры способствовали поступательному развитию международного туризма и росту туристских миграций между странами в основном за счет преобладания российского туристского потока в Китай.

Свидетельством тому является высокая доля россиян в международном обмене между Россией и Китаем (в 2015 г. их доля составила около 90 %), что подтверждает асимметричность поездок между странами в пользу наших граждан выезжающих в Китай. В структуре общего

выездного туристского потока из России доля Китая в 2013 г. составила 22,9%, в то время как доля граждан КНР среди прибывших в РФ из зарубежных стран туристов – 14,1%.

Отметим, что реакцией на кризис в обмене между Россией и Китаем стало сокращение в 2016 г. туристских поездок по сравнению с 2013 г. При этом количество выезжающих в Китай россиян уменьшилось в 2,6 раза, а въезд китайцев в Россию с туристской целью сократился на 8,8%. Результаты 2016 г. свидетельствуют о восстановлении туристских обменов между странами: в Китай выехало 1440 тыс. российских туристов, что на 44% больше, чем в 2014 г.; в Россию въехало 158,1 тыс. китайских туристов, это на 37,4% больше, чем в 2014 (без учета частных поездок китайцев и прибытий с другими целями в Россию).

На этом фоне доля России во въездном потоке туристов (ночующих посетителей) в Китай составила в 2014 г. 6,1 %, а в 2016 г. сократилась до 3,4%, в выездном потоке китайцев за рубеж позиции России еще меньше: 1,5 % в 2014г. против 1,8% в 2015 г.. Это явно недостаточно для двух крупных стран, имеющих не только одну из самых длинных сухопутных границ в мире, но и давние культурно-исторические и экономические связи. В этой связи поддержка развития туризма на государственном уровне будет способствовать сотрудничеству между странами в этой сфере [5].

Достаточно перспективным является, на наш взгляд, это развитие международного туризма в приграничных регионах с Китаем имеет свои специфические особенности, о чем свидетельствуют динамика туристских миграций и структурные сдвиги во въездном и выездном потоках. Это связано с одной стороны, с более быстрой реакцией туристских миграций на изменения в межгосударственных соглашениях и законодательстве обеих стран, а с другой, со слабой географической дифференциацией туристских потоков и соответственно их зависимостью от институциональных изменений в Китае и России.

В целях дальнейшего развития сотрудничества в области международного туризма в Китай является наличие возможностей выехать, используя упрощенный режим пропуска в соседний город Хэйхэ.

Таким образом, проведенный анализ в статье показывает, что китайский туризм в последние десятилетия увеличивает темпы развития, при этом имеют место быть двухсторонние партнерские отношения двух государств, России и Китая, в области развития туризма. Межрегиональные взаимодействия в туристской сфере в приграничной зоне России и Китая быстрее и существеннее реагируют на институциональные изменения, что прослеживается в реакции динамики туристских потоков и структуры поездок на принятие межгосударственных соглашений и законодательных актов в обеих странах.

Список источников, литературы и электронных ресурсов

1. Квартальнов, В.А. Туризм. / В. А. Квартальнов: Учебник. – М.: Финансы и статистика. 2010. – С. 29
2. Китайские туристы въезжают в Россию по одноразовым паспортам // Ежедневная электронная газета российского союза туристической индустрии. URL:http://www.ratanews.ru/news/news_20042009_12.stm (дата обращения: 22.03.2018)
3. Пресс-конференция по итогам российско-китайских переговоров // [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/11594> (дата обращения: 05.06.2015)
4. Развитие безвизового туризма с КНР в 2014 г.: отмечается устойчивый рост. [URL: http://www.visit-russia.ru/ru/news_item/358/] (дата обращения: 11.03.2018)
5. Российский статистический ежегодник – 2013. Социально-экономическое положение федеральных округов – 2011г. URL <http://www.gks.ru/bgd/b11> (дата обращения: 24.01.2018).
6. Российский статистический ежегодник – 2016. Социально-экономическое положение федеральных округов – 2017. URL <http://www.gks.ru/bgd/reg1/b10> (дата обращения: 20.10.2017).
7. Россия-Китай: сотрудничество в приграничном туризме. 2015. URL:http://www.visit-russia.ru/ru/news_item/364/ (дата обращения: 20.10.2017).
8. Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. – 581 с.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭВТАНАЗИЯ

Гаджимагомедова Шумайсат Солеймановна

Старший преподаватель

кафедры гуманитарных дисциплин

Дагестанский Государственный Медицинский Университет

г.Махачкала

Ахмедова Алина Муслимовна

Студентка

Дагестанский Государственный Медицинский Университет

г.Махачкала

DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.73](https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2019.1.48.73)

EUTHANASIA

Gadzhimagomedova Shumaysat Soleimanovna

Senior Lecturer,

Department of Humanities

Dagestan State Medical University

Makhachkala

Akhmedova Alina Muslimovna

Student

Dagestan State Medical University

Makhachkala

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема эвтаназии и проблема отношения врачей к этому вопросу. Ценность людского существования к нравственным и правовым аспектам, выдвигаются различные общественные проблемы, в той или иной реальности зацепляющие право на жизнь, в категорию глобальных и общечеловеческих проблем.

Annotation

We analyze the problem of euthanasia and doctor's attitude to this problem in this article. We discuss the value of human existence to moral and legal aspects. Various social problems are put forward in this or that reality connecting with right to life in the category of global and universal problems.

Ключевые слова: эвтаназия, легализация, принципы врачебной этики, законодательство, ценность людского существования, нравственность.

Keywords: euthanasia, legalization, principles of medical ethics, legislation, value of human existence, morality.

Одной из важнейших проблем биоэтики и наиболее обсуждаемой в средствах массовой информации является эвтаназия. В современной медицине под эвтаназией понимается сокращение руками медиков прямым действием (активная эвтаназия) или бездействием (пассивная эвтаназия) жизни определенных категорий больных. В обществе и среди медиков отношение к эвтаназии неоднозначно: от активного неприятия как активной, так и пассивной эвтаназии до признания возможности проведения медиками эвтаназии.

Несомненно, медицинский аспект данной проблемы и моральные установки врачей имеют важное значение.

Право человека на эвтаназию — прерывание жизни неизлечимо больного по его собственному запросу или запросу его представителей — активно обсуждается среди политиков, юристов, врачей и общественных деятелей. Возникновение широкой дискуссии вокруг проблем окончания жизни имеет свои предпосылки как в развитии технологий, так и в культурных изменениях. Развитие медицины и

рост качества медицинских услуг влечет за собой «бюрократизацию умирания» [2; 51]. Взаимодействие между врачом и пациентом все в большей степени подчиняется заданным правилам и предписанным процедурам, позволяющим пациентам и обществу в целом контролировать действия врачей. Вместе с тем длительность жизни продолжает расти, опережая при этом продолжительность здоровой жизни. Это приводит к появлению все большего числа очень пожилых, хронически больных и испытывающих страдания людей.

Согласно проведенному в Московской медицинской академии имени И.М. Сеченову опросу большинство опрошенных считают эвтаназию допустимой. Так, более 72% выпускников академии назвали данную процедуру возможной. Обратимся к другим опросам, проведенным в девяностых годах на территории Российской Федерации. Как сообщает Институт социологии Российской академии наук, более 35%

врачей назвали эвтаназию допустимой в исключительных случаях.

Руководствуясь подобными исследованиями ученые Л.В. Ясная, Б.Г. Юдин и С.В. Быкова сформулировали несколько основных позиций человечества по данному вопросу:

Молодые медицинские работники чаще допускают возможность проведения эвтаназии, а также отмечают ее необходимость в некоторых ситуациях.

Медицинские работники, которые в своей практике чаще контактировали со смертельно больными пациентами относятся к эвтаназии еще терпимее.

Проведенные опросы наглядно демонстрируют, что врачи с осторожностью и недоверием относятся к проведению эвтаназии, в то время как другие люди не видят в ней ничего плохого.

Итак, подводя итог вышеприведенной статистике и результатам исследования, можно сделать выводы:

Эвтаназию считают возможной и даже в некотором роде необходимой представители не медицинских профессий.

Врачи и другие сотрудники медицинских учреждений не всегда принимают данную процедуру.

Исследования Е.П. Махаловска-Карловой посвящены проблеме узаконивания процедуры эвтаназии в нашей стране. Так, 60% из числа опрошиваемых не медицинских профессий, а также 38% из числа опрошиваемых медиков считают, что эвтаназия должна приобрести законный характер на территории нашей страны [3, с. 20]. Сравнивая результаты отечественного опроса и зарубежных опросов (Германия, США), мы заметим, что они в той или иной мере совпадают. В обоих названных случаях эвтаназию считают целесообразной и допускают ее узаконивание.

Говоря о плюсах эвтаназии, названных респондентами, можно выделить три основных:

1. Человек живет счастливо и его жизнь представляет для него ценность в том случае, когда страдания не превосходят в своей сумме и мере проявления удовольствия, когда отрицательные эмоции и чувства не превосходят положительные.

2. Жизнь является ценной в том случае, если она находится в зоне разумности, в зоне нравственных отношений и культуры, а также имеет человеческую форму.

3. Отсрочка смерти на стадии, когда человек смертельно болен, очень затратна.

Помимо перечисленных плюсов эвтаназии, респонденты также упомянули существенные минусы.

Человек, который должен сделать выбор о проведении эвтаназии или ее не проведения, выбирает между жизнью и смертью. Он не выбирает между хорошей или плохой жизнью. Несмотря на свое болезненное существование, до проведения эвтаназии он продолжает жить. Не раз в литературе упоминалось, что боль в организме

выражает дисфункцию в организме, но не становится злом [4, с. 234].

Так, например, доктор Валерий Синельков пишет, что при помощи боли организм выражает заботу о человеке. То есть появление боли в организме демонстрирует человеку, на что ему нужно обратить внимание.

Здесь мы задаемся вопросом, имеет ли право врач стремиться прекратить боли в организме человека? Является ли это его долгом? Сделает ли избавление от боли при помощи эвтаназии человека счастливым?

Использование эвтаназии для избавления от боли и прекращения страдания является парадоксальным и неоднозначным.

Высказывая свое мнение по поводу эвтаназии, сотрудник Санкт-Петербургского хосписа Андрей Гнездилов отмечает, что страдания не всегда являются негативными и прекращение этих страданий путем лишения жизни довольно сложный вопрос.

Кроме того, говоря о минусах проведения эвтаназии, респонденты отмечали ее необратимые последствия. Так, они считают, что применение пассивной эвтаназии приведет к неизбежному и массовому проведению активной эвтаназии. Об этом говорит так называемый «скользящий уклон», означающий, что применение пассивной эвтаназии будет склонять людей к желанию облегчать страдания путем активной эвтаназии.

Первый факт узаконивания эвтаназии был замечен в Нидерландах. Здесь 0,8% из всех прошедших эвтаназию не давали своего согласия на нее [5, с. 235]. Эту проблему изучали многие исследователи, в том числе доктор из фонда по предотвращению самоубийств Херберт Хендин. Хендин заметил, что в Нидерландах эвтаназия из исключительной процедуры, применяемой в самых тяжелых случаях, стала обычной процедурой при неизлечимых болезнях.

По его мнению, в Нидерландах эвтаназия из процедуры при неизлечимых заболеваниях превратилась в процедуру, проводимую при хронических заболеваниях. Эвтаназия стала применяться и при психических заболеваниях, а также перестала носить добровольный характер [5, с. 331].

Здесь также стоит отметить, что человек может не всегда правильно осознать последствия эвтаназии и будучи в депрессии и испытывая стресс обратиться в клинику за эвтаназией. Врач в данном случае может подумать, что решение принято осознанно. Однако, данные ошибки не простительны, поскольку последствия эвтаназии необратимы. Именно поэтому важно обратить внимание, что исполнение врачом эвтаназии не является соблюдением прав человека, а напротив нарушает его права и свободы. Правильную мысль высказал по отношению к подобным случаям Летов. Он отмечал, что важно уметь различать желание пациента пройти эвтаназию и осознанное требование пациентом проведения данной процедуры.

Таким образом, принимая во внимание приведенные выше положения и доводы, автор работы считает, что эвтаназия связана с применением обезболивающих препаратов. С развитием медицины применение обезболивающих в адекватных размерах не несет необратимых процессов, таких как лишение жизни. Важно помнить, что количество обезболивающих препаратов должно соответствовать боли, которую испытывает пациент. Нельзя не согласиться с Фолкенандтом, который говорил о том, что рутинное применение эвтаназии может привести к тому, что обычные методы лечения не будут дополняться, изучаться и развиваться [12, с. 116].

Это означает, что частое и распространенное использование эвтаназии в медицине тормозит развитие науки и появления новых способов лечения болезней.

Литература:

1. Ершова Е.Д., Пигарева Г.П. Эвтаназия. Способы эвтаназии // Молодежный вектор развития аграрной науки. - Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 2004. - С. 131-133.
2. Катюнова А. О. К вопросу об отношении к эвтаназии: аспекты ответственности за эвтаназию и социальные риски // Антропологические вопросы философии, истории, медицины и религии. -

Новосибирск: Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, 2018. - С. 77-80.

3. Летов О.В. Биоэтика и современная медицина / РАН ИНИОН. Центр гуманитарных науч.-информ. исслед. отдел философии.М., 2009. 253 с.

4. Морозов А. В. Право человека на эвтаназию: проблемы закрепления в российском законодательстве // Юридическая наука и практика. - 2016. - №3. - С. 26-31.

5. Махаловска-Карлова Е.П., Михайлова О.Н., Михайлов А.Н. Психодинамические аспекты самоубийства и самодеструкции // Методологические и социальные проблемы медицины и биологии: сб. науч. трудов / под ред. Е.П. Махаловска-Карловой. М.: ИД «Медпрактика-М», 2006. С. 37-54.

6. Лыгина т.ю. Эвтаназия как моральная дилемма в истории человечества // Вестник научных конференций. - 2016. - №10-5. - С. 88-89.

7. Синельников В.В. Возлюби болезнь свою: Как стать здоровым, познав радость жизни. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 428 с.

8. Горюнова Т.С Эвтаназия: медицина и общество // Бизнес, общество и молодежь: идеи преобразований. - Саратов: Общество с ограниченной ответственностью "Амирит", 2016. - С. 86-87.

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ ПРАВА

Горожанкина Владислава Ивановна
студентка 3 курса
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар
Кич Ирина Станиславовна
кандидат юр. наук, доцент
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар

MORAL-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF EFFECTIVENESS OF THE NORMS OF LAW

Gorozhankina Vladislava Ivanovna
3 year student
Kuban State University,
Krasnodar city
Kich Irina Stanislavovna
candidate jur. sciences, associate professor
Kuban State University,
Krasnodar city

Аннотация

В настоящей статье рассмотрены нравственно-психологические факторы эффективности норм права, которые в условиях построения правового государства приобретают особую актуальность. Исследованы природа, значение и содержание указанных факторов, обоснована необходимость изучения данного вопроса ввиду их значимости и первостепенной роли для эффективности правовых норм.

Abstract

This article shows moral and psychological factors of the law efficiency. This topic is very important because it is related to the Law state idea. The nature, significance and content of moral and psychological factors are analyzed, the necessity of studying this issue due to their importance and primary role for the law efficiency is substantiated.

Ключевые слова: эффективность норм права, эффективность права, психологические факторы, нравственные факторы, мораль.

Keywords: legal norms efficiency, law efficiency, psychological factors, moral factors, morality.

В условиях построения подлинного правового государства чрезвычайно важное значение приобретают базовые юридические институты, которые подвергаются кардинальным преобразованиям ввиду политических, правовых, социальных и экономических изменений в государстве и обществе. Россия в настоящее время все еще находится на этапе перехода от одного общественного уклада к другому, поэтому право как важнейший регулятор общественных отношений должно отвечать новым реалиям и концептуальным переменам.

Одним из наиболее актуальных вопросов в современной юридической науке является вопрос об эффективности права и его норм. В то же время данная тематика характеризуется внутренним теоретическим плюрализмом, нет единой концепции, позволяющей точно определить, что представляет собой эффективность норм права, каково ее содержание, какие факторы в какой степени на нее влияют.

Т.В. Филипчик констатирует, что все существующие подходы к определению понятия эффективности норм права можно свести к пяти основным:

1) эффективность как достижение целей права, соответствие между целями законодателя и реально наступившими результатами;

2) эффективность как свойство нормы права, выражающее ее способность своевременно, при соразмерных затратах вызывать достижение социально полезного результата, соответствующего целям правового регулирования.

3) эффективность как способность норм права оказывать влияние на общественные отношения в определенном, полезном для общества направлении;

4) эффективность как средство минимизации социальной конфликтности;

5) эффективность как соотношение целей правовых норм и результатов их действия, в совокупности с другими разнообразными подходами к эффективности, которые выражают различные стороны данного явления (аксиологический, социальный, психологический, экономический и иные подходы) [5, С. 9-10].

Многие современные авторы, изучающие проблему эффективности права и правовых норм, сходятся во мнении, что последний, плюралистический подход в настоящее время наиболее перспективный и верный, т.к. охватывает все стороны такого сложного и многогранного понятия, как эффективность норм права.

С такой точкой зрения солидарны и мы, поскольку указанный подход позволяет раскрыть нравственно-психологические факторы эффективности норм права, а также подчеркнуть их первостепенную значимость.

Следует отдельно отметить, что эффективность права и эффективность норм права (фактически, норм законодательства) – это не тождественные понятия. Как справедливо отмечают некоторые авторы, различие между указанными терминами состоит в том, что, «если эффективность права как регулятора онтологически, культурно-исторически и психологически predetermined, то эффективность конкретных норм законодательства зависит от принципиально другого комплекса факторов: политики государства в соответствующей сфере отношений, экономических условий общественной жизни, формального качества соответствующих нормативных актов и их конкретных предписаний, работы правоприменительных органов, соответствия норм общественному мнению, культуре и традициям народа и т.д.» [2, С. 10]. Также важно отметить, что иногда эффективность конкретных правовых норм может вступать в противоречие с эффективностью права в целом как регулятора социальной и духовной жизни, в случае, когда эти нормы по сути не соответствуют общесоциальному пониманию справедливости права, носят неправовой или антигуманный характер.

Следует заметить, что юридическая наука во многих вопросах тесно взаимодействует с иными гуманитарными науками, которые взаимодополняют друг друга. Так, в отношении права и его эффективности правовая наука вступает в активное взаимодействие с этикой (учением о нравственности, о правилах поведения человека), а также с психологией (наукой о психике и психических явлениях).

Говоря об эффективности норм права, следует признать, что важное значение имеют психологические факторы и условия. Более того, психологические факторы оказывают решающее влияние на эффективность правовых норм. Факторы, относящиеся к духовному существованию человека, в конечном итоге определяют и другие факторы – формальное качество законодательства, правильное толкование, четкую реализацию правовых предписаний, поэтому можно утверждать, что процессы правотворчества, правореализации, толкования представляют собой сознательные процессы, процессы духовной жизни и духовного творчества. С. А. Жинкин, учитывая значимость психологических факторов, выделяет в качестве вида эффективности юридических норм психологическую эффективность, которая связана с психологическим принятием норм права, формированием внутренней солидарности с их требованиями. Это означает, что правовые предписания воплотятся в поведении субъектов, если они осознаны, если выработано

соответствующее психологическое отношение к ним [3, С. 39].

К психологическим факторам можно также отнести: мировоззрение, потребности, правовые ожидания, систему ценностных ориентаций, государственную идеологию, деформацию правосознания и т.д. [4, С. 95].

Психологические факторы иногда называют факторами, относящимися к правосознанию. Действительно, существенное значение для эффективности норм права имеет правосознание. Как известно, правосознание включает два уровня: правовую идеологию и правовую психологию. Последняя отражает в себе те чувства, эмоции и переживания, которые личность (группа, общество) испытывает по отношению к действующему и желаемому праву.

Наименее изученной является тема нравственных факторов эффективности норм права, однако они оказывают не меньшее, чем психологические, влияние. Более того, нравственные и психологические факторы состоят с тесной взаимосвязи и почти всегда действуют в комплексе.

В целом взаимоотношения морали и права посвящено большое количество трудов, глубоких научных исследований. Не оспаривается тот факт, что нравственные и правовые нормы оказывают друг на друга существенное влияние, они не могут и не должны развиваться в отрыве друг от друга. В то же время, как отмечает О. К. Абросимова, «любое право в мире, даже самое совершенное, не может быть идеальным воплощением морали», «такой абсолютной гармонии на практике не существует и достичь ее объективно невозможно» [1, С. 7].

Однако редко когда взаимоотношения морали (нравственности) и права рассматриваются именно в ключе эффективности правовых норм. Тем не менее, даже при поверхностном взгляде на проблему влияния нравственности на эффективность правовых норм становится ясно, что мораль здесь играет одну из ключевых ролей. Например, такая важная моральная категория, как «справедливость» не зря стоит у основания любого правового акта, регулирующего самые разные общественные отношения. Несправедливая норма права имеет низкую (или вообще отрицательную) эффективность, что закономерно, т.к. не исполняется один из важнейших общеправовых принципов.

Среди нравственных факторов, негативно сказывающихся на эффективности современных

правовых норм, можно назвать распад единого духовного пространства, утрату консолидирующей государственной идеи, попрание чувства национального достоинства, коммерциализацию культуры, аморализм [6, С. 14]. Очевидно, что при таких условиях эффективность норм права гораздо ниже ожидаемых пределов. Поэтому можно смело утверждать, что нравственность прямым образом влияет на эффективность правовых норм.

Подводя итог сказанному, отметим, что нравственно-психологические факторы занимают одно из главных мест в системе детерминант эффективности правовых норм. Именно данные факторы раскрывают духовную сторону самого права как регулятора общественных отношений, а также конкретных правовых норм. Размышляя о проблемах эффективности норм права в современной России и принимая практические меры, акцент нужно делать именно на нравственно-психологический аспект. В теории права в недостаточной степени исследованы вопросы влияния психологических факторов на эффективность правовых норм, а также крайне мало работ посвящено нравственным факторам. Поэтому данная проблема нуждается в дальнейшем теоретическом исследовании.

Список литературы

1. Абросимова О. К. Взаимодействие права и морали в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
2. Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009.
3. Жинкин С. А., Пунченко С. И. Вопросы классификации видов эффективности норм права // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3.
4. Потапов И. В., Кондрашова У. А. Исследование влияния психологических факторов на эффективность норм права // Вестник ЧелГУ. 2012. № 29 (283).
5. Филипчик Т. В. Общетеоретические проблемы эффективности норм права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2018.
6. Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004.

**РОЛЬ ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗАКОНОПРОЕКТОВ В
ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ****Саакян Татевик Левоновна***студентка 3 курса**Кубанский государственный университет,
г. Краснодар***Кич Ирина Станиславовна***кандидат юр. наук, доцент**Кубанский государственный университет,
г. Краснодар***ROLE OF LEGAL AND TECHNICAL EXAMINATION OF LEGISLATED PROJECTS IN THE
LEGISLATIVE PROCESS****Sahakyan Tatevik Levonovna***3 year student**Kuban State University,
Krasnodar city***Kich Irina Stanislavovna***candidate jur. sciences, associate professor**Kuban State University,
Krasnodar city***Аннотация**

В статье поднимается значимый в целом для российского общества и, в частности, для повышения качества законодательства вопрос об обязательности проведения юридико-технической экспертизы

Annotation

The article raises the issue of the mandatory legal and technical examination, which is significant in general for Russian society and, in particular, to improve the quality of legislation

Ключевые слова: экспертиза; юридико-техническая экспертиза; законодательство; законоотворчество; правовые акты.

Keywords: expertise; legal and technical expertise; legislation; lawmaking; legal acts.

Вполне справедливы слова Ю.А. Тихомирова по отношению к российскому законодателю и правоприменителю. «В водовороте юридических событий мало замеченным остается такой элемент законоотворчества и правоприменения, как законодательная техника. Многим эта деятельность кажется вполне доступной и несложной. Однако затем выясняется: «золотой ключик», каковым является законодательная техника, зря остался на «дне правовой жизни». В то время как его использование избавляет от ошибок и способствует повышению качества законов» [1, С. 5].

Согласно статистическим данным правового управления Государственной Думы Российской Федерации, по итогам законодательного процесса за VI созыв количество законопроектов, внесенных в Государственную Думу – 7129, а рассмотренных законопроектов в первом чтении 4688, и куда меньше подписанных Президентом Российской Федерации за указанный период – 2196. Следовательно, лишь 1/3 всех законопроектов доходит до последнего этапа. Однако дело не в количестве принятых законов, а в качестве их разработки и реализации. Даже когда за разработку законопроекта берется команда высококвалифицированных юристов, это не всегда залог успеха. Сказывается отсутствие совокупных и четких требований, современных методологических правил, позволяющих

субъектам права законодательной инициативы и разработчикам законопроектов ориентироваться в вопросах юридической (законодательной) техники.

Понятие, содержание юридической техники до сих пор вызывает споры, дискуссии, однако в целом, в научной литературе под юридической техникой понимается совокупность определенных приемов, правил, методов, используемых как при разработке содержания и структуры нормативных правовых актов, так и при их применении (правоприменительных актов).

На федеральном уровне законодательный акт, который закреплял бы юридико-технические средства, приемы и правила, отсутствует. По состоянию на сентябрь 2019 года в нижнюю палату парламента Российской Федерации были внесены два проекта «закона о законах», один из которых был принят Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении в 1997 году и отклонен в 2004 году, и второй – в 2012 году, но также не был принят.

На региональном уровне 45 субъектов Российской Федерации из 85 приняли законы о нормативных правовых актах, регулирующие, в том числе, юридико-техническую экспертизу. Каждый из таких регионов самостоятельно определяет юридико-технические правила и приемы для разработки, в том числе, законопроектов. Однако условное «разночтение»

таких правил и приемов приводят к нарушению принципа единства правовой системы Российской Федерации, единства терминологического аппарата законодательства, единства оформления законопроектов.

В настоящее время методологическими правилами, регулирующими вопросы законодательной техники, являются Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов, разработанные Аппаратом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 2013 году и ГОСТ Р 57726-2017 «Национальный стандарт Российской Федерации. Законопроекты, рассматриваемые законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации. Требования к юридико-техническому оформлению», утвержденный и введенный в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 сентября 2017 года № 1263-ст.

Перечисленные документы несут лишь рекомендательный характер и не могут интерпретироваться как императивные правила и нормы в вопросах юридико-технического оформления законопроектов. В свою очередь законодательные органы государственной власти субъектов Российской Федерации в том числе применяют (используют) и указанные методические рекомендации для осуществления юридико-технической экспертизы законопроектов.

В ходе юридико-технической экспертизы устанавливается:

- 1) ясность и четкость, простота и доступность языка законопроекта;
- 2) сочетание лаконичности с необходимой полнотой, конкретности с требуемой абстрактностью выражения соответствующих правовых предписаний;
- 3) последовательность в изложении юридической информации;
- 4) взаимосвязь, согласованность и внутреннее единство правового материала;
- 5) полнота регулирования соответствующей сферы отношений, отсутствие пробелов;

б) унификация, единообразие формы, способов изложения нормативных предписаний с использованием единой, общепринятой правовой терминологии [2, с. 105].

По итогам проведения юридико-технической экспертизы законопроекта составляется заключение законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, которое содержит предложения и рекомендации, направленные на устранение выявленных ошибок и недостатков.

Качество проводимых юридико-технических экспертиз непосредственно зависит от специалиста, который ее проводит. В данном вопросе также заключается проблематика исследования, ввиду того, что специалисту недостаточно иметь базового юридического образования. Практика проведения юридико-технических экспертиз показывает необходимость наличия у специалиста совокупность знаний по следующим направлениям подготовки: юриспруденция, филология, а также государственное и муниципальное управление. При таком широкопрофильном рассмотрении законопроектов риск внесения изменений и дополнений уже через несколько месяцев или даже недель после принятия законодательного акта сводится к минимуму.

Подводя итог вышеизложенному, следует сделать вывод о том, что юридико-техническая экспертиза служит одним из важнейших элементов построения правовых актов. В условиях динамичного законодательного процесса, правоприменения и развития общества, существенно повысилась ее значимость, а также необходимость детального определения и закрепления обязательности процесса проведения юридико-технической экспертизы на федеральном уровне.

Список литературы

1. Законодательная техника: науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000.
2. Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. М., 2014.

ISSN 2413-5291

НАЦИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ УЧЕНЫХ (НАУ)

Ежемесячный научный журнал

№48 / 2019

1 часть

Ответственный редактор – д.ф-м.н. Филесин Т.А.
Секретарь конференции – д.ю.н. Аракелян Л.Т
Редакционная коллегия
Березин Л.С.
Гордиенко С.В.
Дочев Д.Т.
Ильинский В.И.
Киварова В.М.
Миронина Т.С.
Невский А.А.
Опарина В.П.
Оленин К.А.
Параска Б.Д.
Рыжков Л.П.
Симоненко Д.К.
Тимофеев В.Г.
Трошев А.Е.

Ответственный редактор

д.ф-м.н. Филесин Т.А. (Российская Федерация)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: 620144, г. Екатеринбург, улица Народной Воли, 2, оф. 44

Адрес электронной почты: info@national-science.ru

Адрес веб-сайта: <http://national-science.ru/>

Учредитель и издатель Национальная ассоциация ученых (НАУ) Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144, г. Екатеринбург,
улица Народной Воли, 2, оф. 4